

Nikolaj Kul'man, Peter Kosta

Iz istorii russkoj grammatiki

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH.

SPECIMINA PHILOLOGIAE SLAVICAE

Herausgegeben von
Olexa Horbatsch und Gerd Freidhof

Band 42

N. KUL'MAN

IZ ISTORII RUSSKOJ GRAMMATIKI

Petrograd 1917

*Nachdruck besorgt
von
Peter Kosta*

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN

1982

Z 74.772 (42)

ISBN 3-87690-202-9

Copyright by Verlag Otto Sagner, München 1982.
Abteilung der Firma Kubon und Sagner, München.
Druck: Erich Mauersberger, 3550 Marburg/Lahn.

P82/6332

VORWORT

Mit der Herausgabe von N. Kul'mans¹ Arbeit *Iz istorii russskoj grammatiki*² (erschienen im Jahre 1917 in Petrograd) können dem interessierten Fachmann ältere Materialien zur Geschichte der russischen Grammatiktheorie und Sprachwissenschaft wieder an die Hand gegeben werden.³

Das vorliegende Buch zählt insgesamt 105 Seiten und gliedert sich in acht mit römischen Zahlen markierte Abschnitte. Vorwort und Einleitung fehlen im Original ebenso wie ein entsprechendes Inhaltsverzeichnis. Die Untersuchung setzt nach einer kurzen Einführung in die griechisch-römische Grammatiktheorie bei den ältesten slavischen grammatischen Traktaten ein und gibt einen kurzen Einblick in die wichtigsten russischen Grammatiken bis zum Jahre 1818. Als für die Arbeit zentral müssen die Kapitel VII und VIII (S. 59-90; 90-105) angesehen werden, welche detailliert den Zeitabschnitt der sogenannten "Universalgrammatik" in Rußland analysieren. Gegenüber dem *Očerk* von Bulič (1904) zeichnet sich die Untersuchung Kul'mans durch Kürze aus, ohne dabei auf die wesentlichen Eckpfeiler in der Geschichte der Grammatikbeschreibung zu verzichten.

Um die Arbeit mit Kul'mans Buch zu erleichtern, sahen wir uns veranlaßt, ein Inhaltsverzeichnis eigens anzufertigen und dem Text voranzustellen. Der Nachdruck erfolgte nach einem Mikrofilm des Slavischen Seminars der Universität Frankfurt am Main. Es bleibt zu hoffen, daß er seinen Zweck erfüllen und dem Studium der Geschichte der russischen Grammatiktheorie förderlich sein wird. Insbesondere dürfte die Kürze des Textes dem Studenten den Zugang zur Fragestellung erleichtern.

Frankfurt am Main
im März 1982

Peter Kosta

Anmerkungen:

- 1 Nikolaj Karpovič Kul'man (geb. 1871, Todesjahr unbekannt bzw. nicht ermittelbar) wird in der *Istorija AN SSSR 1964, t.2, S. 577* als Kandidat der "Podkomissija" erwähnt, welche 1904 unter dem Vorsitz von F.F. Fortunatov erstmalig über die spätere Rechtschreibreform beriet.
- 2 Das nachgedruckte Werk wird in Ost und West manchenorts zitiert. Vgl. z.B. *V.V. Vinogradov 1958, passim* und *J. Biedermann 1981, passim*. Zu weiteren Publikationen von Kul'man vgl. *Istorija ruskoj literatury 1962, S. 904* und *Sovremennaja zapiski 1937, S. 79 (N.K.)*.
- 3 Für einen der nächsten Bände dieser Reihe ist ferner ein Nachdruck von Balickijs *Materialy dlja istorii slavjanskago jazykoznanija, Kiew 1876* geplant.

Literaturnachweis:

- J. Biedermann: Grammatiktheorie und grammatische Deskription in Rußland in der 2. Hälfte des 18. und zu Anfang des 19. Jh., Frankfurt/Bern 1981.
- S.K. Bulič: Očerki jazykoznanija v Rossii, t.1, in: *Zapiski istoriko-filologičeskogo fakul'teta Imperatorskogo SPb-skogo universiteta, č.75, SPb. 1904, S. 149-1248*.
- Istorija Akademii nauk SSSR, t.2 (1803-1917) M. 1964, S.577, 746*.
- Istorija ruskoj literatury XIX veka. Bibliograf. ukazatel', M.-L. 1962, S. 904*.
- Sovremennaja zapiski. Ukazatel' k N^o N^o I-LXV za 1920-1937 gg., Pariž 1937, S. 79*.
- V.V. Vinogradov, *Iz istorii izučenija russkogo sintaksisa (ot Lomonosova do Potebni i Fortunatova), M. 1958*.

INHALTSVERZEICHNIS

I. Kapitel

1. Die griechisch-römische Grammatikbeschreibung	1
1.1. Plato und Aristoteles	1
1.2. M. Fabius Quintilianus	1
2. Die ältesten grammatischen Traktate der Slaven	2
2.1. Das Traktat des Exarchen Johannes "Über die slavische Sprache" und "Über die acht Redeteile"	2
3. Die Entwicklung der Schulgrammatik in Rußland bis zum Ende des 16. Jahrhunderts	6
4. Die Grammatikbeschreibung in Südwest-Rußland	8
4.1. Adelphotes - die erste gedruckte griechisch-kirchenslavi- sche Grammatik	10
4.2. Hrammatika Slovenska von Lavrentij Zizanij	11
4.3. Die kirchenslavische Grammatik von Meletij Smotryćkyj, Jevje 1619, und ihre Ausgaben	11

II. Kapitel

1. Die übersetzerische und grammatische Tätigkeit im Norden Rußlands	13
1.1. Maksim Grek	14
2. Die Moskauer Ausgabe der Grammatik von Smotryćkyj aus dem Jahre 1648	16
3. Eine kurze Beschreibung der Adelphotes-Grammatik	17
4. Der Einfluß der Adelphotes-Grammatik auf die Grammatiken von Zizanij und Smotryćkyj	18

III. Kapitel

1. Die russischen Abschriften der "Ars grammatica" des Donatus aus der 2. Hälfte des 16. Jahrhunderts	19
2. Die "Azbukovniki" des 17. Jahrhunderts	22
3. Der Grammatikunterricht an den russischen Schulen bis zur Zeit Peters des Großen - eine kurze Zusammenfassung der wichtigsten Tendenzen	23

IV. Kapitel

1. Der Grammatikunterricht an den russischen Lehranstalten zur Zeit Peters des Großen	24
2. Die Grammatik aus dem Jahre 1721 von F. Polikarpov (=überarbeitete Version der Smotryćkyj-Grammatik)	26

3. Die "Grammatika Slavenskaja" aus dem Jahre 1723 von Fedor Maksimov	28
4. Der Grammatikunterricht an den Schulen nach dem Tode Peters des Großen	31
V. Kapitel	
1. Trediakovskij	34
2. Sumarokov	35
3. Lomonosovs "Rossijskaja Grammatika"	36
VI. Kapitel	
1. Die Bildungsreformen unter Katharina II.	45
2. Kurze Übersicht über die zu dieser Zeit erschienenen Grammatiken	46
2.1. "Rossijskaja universal'naja grammatika" (1769) von N. Kurganov	47
2.2. "Kratkija pravila rossijskoj grammatiki" (1771) von A.A. Barsov	47
2.3. "Kratkaja rossijskaja grammatika" (1787) von E.B. Syrejščikov	47
2.4. "Načal'nyja osnovanija rossijskoj grammatiki" (1788) von P. Sokolov	47
2.5. "Kratkija pravila ko izučeniju jazyka rossijskago" (1790) von V. Svetov	47
2.6. "Kratkaja rossijskaja grammatika" (1793)	48
3. Beschreibung der o.g. Grammatiken	48
4. Zusammenfassung der Inhalte und Methoden in der Grammatikvermittlung des 18. Jahrhunderts	59
VII. Kapitel	
1. Die Umstrukturierung des Bildungssystems unter Alexander I.	59
2. Die Anfänge der Universalgrammatik in Rußland	61
3. Die Grammatik von Port-Royal	63
4. Die unter dem Einfluß der "grammaire générale" entstandenen russischen Universalgrammatiken	66
4.1. Gr. Gagarin, P. Lichačev	67
4.2. I. Rižskij	67
4.3. I. Ornatovskij, N. Jazvickij, I. Timkovskij, L.G. Jakob	69
VIII. Kapitel	
Das Ende der Universalgrammatik in Rußland	90

Проф. Н. КУЛЬМАНЪ.

ИЗЪ ИСТОРИИ
РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1917.

Извлечено из Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1910 годъ.

I.

Грамматическій анализъ языка въ Европѣ начался еще въ глубокой древности. Если Платонъ и Аристотель не сдѣлали явленій языка предметомъ чисто грамматическаго вниманія и рассматривали ихъ преимущественно съ точки зрѣнія логической, то въ Александрійскій и Римскій періоды языкъ сталъ уже изучаться съ формально-грамматической стороны. Въ Римѣ увлеченіе грамматикой было настолько сильно, что даже государственные люди любовно посвящали ей свои досуги ¹⁾.

Терминъ „грамматика“ понимался, впрочемъ, шире, чѣмъ теперь. Подъ нимъ разумѣли и грамматическую классификацію словъ, и орфографію, и синониміку, и отчасти даже то, что входитъ у насъ въ такъ называемую „теорію словесности“. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляютъ разсужденія знаменитаго римскаго ритора, Марка Фабія Квинтиліана (35—118 г. по Р. Х.). Онъ дѣлилъ грамматику на двѣ части: первая должна ознакомить учениковъ съ „правильнымъ способомъ выразить мысли словомъ“, вторая имѣетъ цѣлью дать руководство для чтенія стихотворцевъ. Поэтому, по мнѣнію Квинтиліана, при изученіи грамматики необходимо знаніе музыки (для анализа стихотворныхъ размѣровъ) и философіи ²⁾.—Грамматикѣ начинали учить сейчасъ же послѣ приобрѣтенія навыковъ въ бѣгломъ чтеніи и письмѣ.

Уже въ ту далекую эпоху создалась извѣстная грамматическая схема, и выработались основы грамматической терминологіи — ученіе о подлежащемъ и сказуемомъ, о частяхъ рѣчи, названія надеждъ, времени, залоговъ, наклоненій и т. д. При этомъ замѣчается любо-

¹⁾ Анекдотическія преданія объ этомъ можно найти у *Boeckh. Encyclopädie und Methodologie der philolog. Wiss. Leipz. 1877.*

²⁾ *M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae lib. I, cap. IV.*

пытное явление: грамматическая классификация начинает очень быстро усложняться и запутываться. Количество правил и исключений становится огромным, и въ примѣненіи въ школъ грамматика, видимо, вызываетъ нѣкоторые протесты. По крайней мѣрѣ, Квинтилианъ говоритъ о легкомыслии тѣхъ, которые находятъ грамматику *маловажной* и *сухой*. Правда, онъ самъ признаетъ, что не слѣдуетъ „углубляться въ мелочныя, скуку наводящія тонкости, которыя давятъ разумъ“, но считаетъ, что „въ грамматикѣ вредно только то, что излишне“, и въ восторженныхъ выраженіяхъ указываетъ на ея значеніе: „Грамматика“, пишетъ онъ, „нужна для дѣтей, пріятна для старцевъ, въ уединеніи нѣжная сопутница“ ¹⁾.

Греко-римское грамматическое преданіе было унаслѣдовано Западной Европой, создало тамъ почву для первыхъ грамматическихъ изслѣдованій новыхъ языковъ, а затѣмъ перешло и къ намъ ²⁾.

Богатство греко-римской терминологіи и сложная, искусная классификація привели къ рабскому подражанію древнимъ грамматикамъ, такъ что нерѣдко явленія языка подгонялись подъ выработанныя греко-римской школою термины, хотя сплошь да рядомъ были имъ совершенно чужды.

Наиболѣе раннимъ источникомъ элементарныхъ грамматическихъ разсужденій на славянской почвѣ было предисловіе Іоанна, экзарха

¹⁾ „Necessaria pueris, iucunda senibus, dulcis secretorum comes“. Inst. orator., ibid.

²⁾ Первымъ сочиненіемъ по языку былъ Платоновскій діалогъ „Кратилъ“ (есть русскій переводъ Карпова 1863 г.). О немъ см. Benfey. „Ueber die Aufgabe des platonischen Dialogs: Kratylos“. Наболѣе систематическая обработка грамматическихъ категорій была дана въ сочиненіяхъ грамматика II вѣка по Р. Х., Аполлонія Дискола, о которомъ см. Egger. „Apollonius Dyscole“ и L. Lange. „Das System der Syntax des Apollonios Dyskolos“.

Общую характеристику грамматическихъ возрѣній древнихъ грековъ и римлянъ можно найти въ слѣдующихъ трудахъ: Benfey. „Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland“. München. 1869. — Steinthal. „Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern“. 2-te Auflage. 1890. — Delbrück. „Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen“. 4-te Auflage. Leipzig. 1904 (изданіе совершенно переработанное). — Въ этихъ трудахъ есть и библиографическія указанія по отдѣльнымъ вопросамъ.

Черезъ *Донама* (IV стол. по Р. Х.) и *Присциана* (VI в.) античная грамматика была передава среднимъ вѣкамъ. Объ этомъ періодѣ см. Thurot. „Notices et extraits“, XXII, 2. Paris. 1868. — Delbrück. „Vergleichende Syntax“. — „Historische Grammatik der lateinischen Sprache“ herausg. v. Landgraf. 3 Band, „Einleitung in die Geschichte der lateinischen Syntax“ v. Gölling. Leipz. 1903.

болгарскаго, къ переводу богословія Іоанна Дамаскина, гдѣ говорится о нѣкоторыхъ отличіяхъ славянскаго языка отъ греческаго ¹⁾). Кроме того, въ славянскомъ мірѣ было широко извѣстно сочиненіе, приписываемое Іоанну Дамаскину: „Книга философская о осмихъ частяхъ слова“ ²⁾).

Самые ранніе русскіе списки этой грамматики, дошедшіе до насъ, относятся къ XV вѣку ³⁾. Въ виду того, что она пользовалась необычайно широкимъ распространеніемъ и оказала сильное вліяніе на первыя русскія грамматики, содержаніе ея представляетъ для насъ значительный интересъ. Вотъ общій обзоръ ея ⁴⁾:

Введение: обязанность изучать составныя части слова.

Перечень восьми частей слова ⁵⁾.

Часть первая. *Имя*. Опредѣленіе имени.

I. Дѣленіе имени по *роду* (мужск., женск., средн.).

- 1) Родъ узнается по *окончанію*. Перечень падежей, которыхъ указывается, соотвѣтственно греческому—*пять*.
- 2) Родъ узнается по *различію* (члену). Перечень отступленій отъ правильнаго окончанія по роду.

II. Имя дѣлится безъ различія рода на:

- 1) *общее* (наше нарицательное), 2) *собное* (наше собственное).

¹⁾ Это разсужденіе встрѣчается въ многочисленныхъ рукописяхъ XVI—XVII вѣковъ.

²⁾ На самомъ дѣлѣ происхожденіе этой статьи относится къ началу XIV вѣка; она составлена въ Сербіи по позднимъ греческимъ источникамъ. См. *Личь*. „Разсужденія южнославянской и русской старины о церковнославянскомъ языкѣ“ въ „Исслѣдованіяхъ по русскому языку“. Изд. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. I, стр. 326—328.

³⁾ См. *Соболевскій*. „Перводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ“, стр. 20—21.

⁴⁾ Въ этомъ обзорѣ я пользуюсь схемой, составленной Н. В. Ягичемъ, внося въ нее, однако, разнаго рода дополненія разъясняющаго характера. Ср. *Личь*. „Разсужденія южнослав. и рус. стар. о церковнослав. яз.“ т. I, стр. 342—344.

⁵⁾ Всѣ названія частей рѣчи представляютъ собою *буквальный* переводъ съ греческаго: имя — *ὄνομα*, рѣчь — *ῥῆμα*, причастіе — *μετοχή*, мѣстоименіе — *ἀντωνομία*, предлогъ — *πρόσθεσις*, наречіе — *ἐπίρρημα*, сулъ — *εὐθέως*, различіе (членъ) — *ἕξις*. — Востоковъ ошибочно думалъ, что эти термины переведены Максимомъ Грекомъ. См. его „Разсужденіе о славянскомъ языкѣ“. Каченовскій предполагалъ, что эта терминологія впервые явилась въ львовской грамматикѣ 1591 г. См. его статью „Историческій взглядъ на грамматику славянскихъ нарѣчій“ въ „Трудахъ общ. люб. Рос. слов. при Моск. унив.“ ч. 9, стр. 33—34.

III. Имя дѣлится по числу на:

- 1) единственное, 2) двойственное, 3) множественное.

IV. Имя обладаетъ слѣдующими свойствами:

- 1) *Родъ* (три рода, какъ сказано въ п. I).
 2) *Видъ*, по которому имя дѣлится на:
 а) *первобытное*, б) *дѣйственное*, в) *повѣстное*, г) *рододатное*. (Такъ, слово „человѣкъ“ — первобытное, „не бо отъ него пріятся“; „ковачъ“ — дѣйственное, „яко отъ дѣйства прозывается“; „шумякъ“ — рододатное, отъ рода; „объщенникъ“ — повѣстное, отъ повѣсти (событія), „бо подасть всему роду общенія имя).
 3) *Начертаніе*, которое дѣлится на:
 а) *простое*, напримѣръ Павелъ, Петръ, „яко отъ единой части слова состоятся“; б) *сложное*, напр. Радославъ, Добромиръ, „всяко бо снхъ отъ двою частію слова слагаются“; в) *пресложное*, напр. благоповѣстникъ, злопріятель, „еже отъ трехъ частей слова слезится“.
 4) *Число* (три числа, какъ сказано въ п. III).
 5) *Паденіе* (падежей пять, какъ въ п. I, 1, но только въ другомъ порядкѣ ¹⁾).

¹⁾ Образецъ словенія дается въ такой схемѣ:

Единственное число.

Падежи.	Мужск. рода.	Женск. рода.	Средн. рода.
Права (именит.)	человѣкъ	жена	естество
Родна (родит.)	человѣковъ	женинъ	естествово
Виновна (винит.)	человѣка	жену	естества
Дательна (дательн.)	человѣку	женѣ	естеству
Звательна (звательн.)	о человѣче!	о жено!	о естество!

Множественное число.

Права	человѣци	жены	естества
Родна	человѣкъ	женъ	естествъ
Виновна	человѣки	жены	естества
Дательна	человѣкомъ	женамъ	естествомъ
Звательна	о человѣци!	о жены!	о естества!

Двойственное число.

Права, виновна	человѣка	женѣ	естествѣ
Родна	человѣкъ	женинѣ	естеству
Дательна	человѣкома	женама	естествома
Звательна	о человѣка!	о женѣ!	о естествѣ!

Часть вторая. Рѣчь (т. е. глаголь) — „часть слова непадающа, сказательна лицу и времени, дѣйствию же и страсти и обѣма въкупѣ“.

I. Перечень формъ глагола.

- 1) **Времена дѣйствительнаго и страдательнаго залога:** *настоящее, прошедшее, будущее.*

II. Дѣленіе глагола на:

- 1) *изложенія* (наши наклоненія):

а) *повелѣтельное, молитвенное, вопросное, звательное, повѣстное.*

б) *необавное* (т. е. неопредѣленное) „не бо можетъ само о собѣ изъяснити лица ли времени ли залога“.

- 2) **залогъ:** а) *дѣйственный*, б) *страдальный* и в) *дѣйства и страсти залоги*, т. е. *средній*. (Къ страдательному относятся, между прочимъ, такіе глаголы, какъ *померкнуть, распасться*, такъ какъ они обозначаютъ „страсть“).

- 3) **виды:** а) *первообразный* (хощу, прінму), б) *преводный* (восхощу, воспрінму).

- 4) **начертанія:** а) *простыя* (дамъ), б) *сложныя* (воздамъ), в) *пресложныя* (воздамъ ему).

- 5) **числа и перечень формъ всѣхъ трехъ чиселъ дѣйствительнаго и страдательнаго залога.**

- 6) **лица** (азъ, ты, онъ си).

- 7) **времена:** а) *предидывшее* (съ подраздѣленіями: *протяженное* (біяхъ), *непретдльное* (бѣхъ), *надпретдльное*, *пркложимое*. Формъ послѣднихъ не указано, только замѣчено, что онѣ „языку неприятивъ“), б) *настоящее*, в) *будущее* (съ подраздѣленіями: *помаля бывающее*, напр. *бити хощу*, и *будущее*, напр. *бити имамъ*).

Перечень формъ въ дѣйствительномъ и страдательномъ залогахъ.

- 8) **супружества** и указаніе на число ихъ у грековъ — 13. По-видимому, эту сторону въ славянскомъ языкѣ составитель не представлялъ ясно.

Часть третья. Причастіе — „естъ глаголь имѣяй нѣкая послѣдствующа (т. е. свойства) рѣчи и нѣкая послѣдствующа имени... (его) рѣдъ и глаголется причастіе, зане причастуетъ и имени и рѣчи“.

- 1) **перечень формъ причастія дѣйствительнаго и страдательнаго залога.**

- 2) **перечень свойствъ причастія.**

Часть четвертая. Различіе (членъ) — „естъ часть една осмь частей“

слова, сказательно паденіемъ само о себѣ: *иже человекъ мужскаго имене, иже слава женскаго, иже древо средняго имене*“.

1) Перечень формъ.

2) Дѣленіе на:

а) *предчинныя*: „предчинна предворяють чинъ и слогъ имену“.

б) *подчинныя*: „подчинна послѣдующа симъ“.

3) Разница въ употребленіи члена между греческимъ и славянскимъ языками.

Такова была въ существенныхъ чертахъ та грамматика, вліяніе которой на первые наши учебники не подлежитъ сомнѣнію. Въ ней много непослѣдовательности и прямыхъ противорѣчій¹⁾, но она представляетъ собою зерно, изъ котораго въ скоромъ времени суждено было развиться русской школьной грамматикѣ.

Правда, объ учебныхъ предметахъ говорится въ старыхъ памятникахъ глухо: „наученъ бысть грамотѣ и всякому благочестивому обычаю“, „извыче божественое писаніе“, „извыче книжное ученіе“—вотъ выраженія, которыми характеризуются грамотники.

Однако въ „Стоглавѣ“ уже находимъ нѣкоторыя данныя о преподаваніи въ древнерусскихъ школахъ до XV—XVI вѣковъ: „А преже сего училища бывали въ Російскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новѣградѣ и по инымъ градомъ многіе *грамотъ, писати и пѣти и чести учили*“²⁾. Слѣдовательно, было только чтеніе, письмо, пѣніе да, вѣроятно, первоначальный счетъ. Въ школахъ давалась элементарная грамотность, а книжники, начетчики образовывались самоучкой. „Авнейски премудрости“, т. е. „философію, риторію и всю грамматикію“, если и изучали, то немногіе, исключительно выдающіеся люди.

Конечную цѣль какъ школьнаго обученія, такъ и самообразованія, были божественныя книги: „Подобаетъ убо вамъ, учителяе“, читаемъ въ одной старой рукописи, „вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей учити божественнымъ писменемъ. Первое убо въ началѣ буквамъ, сирѣчь азбуцѣ, потомъ же *часовники и псалтыри и прочія божественныя книги* и паче же убо всего—*еже бы вамъ наказати и изучити ученикомъ азбука*“³⁾.

¹⁾ Подробный разборъ ея въ указанной статьѣ Ягича, стр. 344—365.

²⁾ Стоглавъ, гл. 25.

³⁾ Синод. № 850, XVII в., л. 527. Цитирую по брошюрѣ А. Н. Соболевскаго „Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ“. С.-Пб. 1892. Стр. 18.

Грамматика до конца XVI столѣтія не входила въ кругъ предметовъ обученія, да въ ней и не было особой необходимости. Поэтому, вполне понятны слова предисловія къ передѣлкѣ грамматики Мелетія Смотрицкаго (изданіе 1721 г.): „Издревле російскимъ дѣтководцемъ и учителемъ обычаѣ бѣ... учить дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ часословцу и псалтыри, таже писати; по сихъ же нѣдѣли преподають и чтеніе апостола“.

При мучительно медленныхъ способахъ обученія грамотѣ много времени нужно было потратить на усвоеніе процесса бѣглаго чтенія и письма. Остальное предоставлялось личнымъ вкусамъ человѣка, овладѣвшаго элементарнымъ орудіемъ для приобрѣтенія книжныхъ знаній.

При обученіи письму, конечно, преподавали орфографію, но по своему характеру это преподаваніе не нуждалось въ грамматическихъ свѣдѣніяхъ, кромѣ развѣ ученія о родахъ и числахъ. Образчикомъ сообщавшихся орфографическихъ правилъ можетъ служить „Алфавитъ, како которая рѣчь говорити или писати“, относящійся къ началу XVII вѣка ¹⁾.

Правила эти были несложны и касались, главнымъ образомъ, написанія простого или „покрытаго“, „подъ взметомъ“. Основаніемъ для всѣхъ правилъ такого рода были соображенія морально-религіозныя: „что покрыто пишется, то свято“. Поэтому все доброе, божественное, не враждебное вѣрѣ почиталось на письмѣ „взметомъ и покрытиемъ“, противоположное писалось просто, „складомъ“. Такъ, напр., св. ангеловъ, св. апостоловъ, Св. Духа, Христа-Бога рекомендовалось писать „подъ взметомъ“; агггах, аплах, дѣх, хѣтосх. Враговъ же Христа, разныхъ „христовъ“ (антихриста, лжехриста), „епископовъ несвященныхъ“ и т. п. необходимо было писать „складомъ“. Русскихъ благочестивыхъ князей и княгинь, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, требовалось писать „подъ взметомъ“, князьямъ же языческимъ или жидовскимъ такой почести не полагалось.

Эти правила являлись главными. Немногочисленные остальные касались постановки удареній, употребленія ѳиты и ѳерта, родовыхъ окончаній, причастій, согласованія въ числѣ и т. п. Нарушеніе главныхъ правилъ рассматривалось не только какъ безграмотность, но и какъ грѣховный поступокъ. Поэтому предлагалось „прилежно“ смо-

¹⁾ Напечатанъ въ сочиненіи Калайдовича „Іоаннъ, эксархъ Болгарскій“, страницы 198—207.

трѣть въ сборникѣ географическихъ указаній, чтобы не смѣшать того, чего нельзя было смѣшивать: „Господа ради не смѣшай несмѣсная“, обращались къ пишущимъ составителямъ сборниковъ.

Но если до XVI вѣка въ грамматикѣ не нуждались, то съ XVI въ югозападной Руси она уже несомнѣнно стала преподаваться и даже въ значительномъ объемѣ. Конечно, здѣсь и раньше, благодаря близости къ Польшѣ и Западной Европѣ, были истинно образованные люди, для которыхъ научное по тогдашнимъ возрѣвямъ знаніе было болѣе или менѣе доступно. Въ этомъ отношеніи югозападная Русь шла впереди сѣверовосточной. Однако расширеніе круга предметовъ общаго школьнаго образованія явилось здѣсь результатомъ не отвлеченно-теоретическихъ стремленій, а было вызвано насущными потребностями текущей жизни.

Къ сознанію необходимости широкаго образованія привели съ одной стороны — успѣхъ блестящей іезуитской пропаганды, съ другой — унія. На православную вѣру и русскій языкъ ¹⁾ надвигалась гроза: „Велики много“, читаемъ въ одномъ документѣ той эпохи, „зашилодило панству Рускому, же не могли школь и наукъ посполитыхъ розширять, и оныхъ не фундовано: бо коли бы были науку мѣли, тогда бы за невѣдомостію своею не пришли до таковыя погибели“. А погибель заключалась въ томъ, что русскіе православные люди „не маючи своихъ наукъ, у науки Римскіе свои дѣти давати почали, которые зъ науками и вѣры ихъ навикли, и такъ по малу-малу науками своїми все панство Руское до вѣры Римской привели, ижъ потомковѣ княжати Рускихъ зъ вѣры православной на Римскую выкрестилися, в назвиска и имѣна собѣ поотмѣняли, яко бы неволи не знали быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ“ ²⁾.

Въ этомъ документѣ указано не только явленіе, опасное для русской національности, но и намѣченъ планъ борьбы съ нимъ. Если опасность грозила главнымъ образомъ со стороны іезуитскихъ школъ, въ которыя по необходимости, за отсутствіемъ русскихъ училищъ, поступала русская молодежь, то, очевидно, нужно было приняться за организацію общаго образованія на основѣ русской народности и пра-

¹⁾ Югозападная русская рѣчь уже съ XV вѣка была полна полонизмовъ. См. Лебедевъ. „Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи“. С.-Пб. 1848. II. Житецкій. „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в.“ К. 1889.

²⁾ Акты, относ. къ исторіи Зап. Россіи, IV, № 149, стр. 204 — 205. Историко-полемическое изслѣдованіе Львовскаго священника въ предостереженіе православнымъ.

вославної вѣры ¹⁾. Но для этого слѣдовало стать въ дѣлѣ просвѣщенія вровень съ іезуитами. Вотъ почему образовавшіеся братства начали основывать школы, отправляли молодыхъ людей на Западъ, стремились поднять школьныя программы, чтобы онѣ не оказывались ниже іезуитскихъ. А такъ какъ грамматика лежала въ основѣ преподаванія въ іезуитскихъ школахъ, то вполне естественно, что она заняла почетное мѣсто и въ братскихъ училищахъ. Въ § 10 устава Луцкой школы уже опредѣленно указывается, что ученики должны учиться грамматикѣ съ разборами ²⁾. Наряду съ греческой и латинской грамматикой во всѣхъ лучшихъ братскихъ школахъ, напр. Виленской, Львовской, Кіевской,—вводится съ этого времени, какъ главный предметъ преподаванія, и грамматика славянская ³⁾.

На новыя потребности откликнулись образованные люди, и вскорѣ одна за другой начинаютъ появляться славянскія грамматики. Замечательно, что *первой печатной* грамматикой славянскаго языка оказалось то сочиненіе, которое было упомянуто выше, — „Книга философская о осмихъ частяхъ слова“. Очевидно, авторитетъ ея стоялъ очень высоко.

До насъ дошелъ неполный экземпляръ этой книги *изданія 1586 года*, хранящійся въ Петербургѣ, въ библиотекѣ Общества любителей древней письменности ⁴⁾. На послѣднемъ листѣ находятся строки, кото-

¹⁾ Сдѣлать это было нелегко вследствие оппозиціи со стороны поразительнаго невѣжества. Іоаннъ изъ Ввниши, напр., писалъ князю Острожскому: „По діавольскому навожденію славянскій языкъ обмерзѣлъ многми..., но опъ есть плодороднѣйшій и любимѣйшій Богомъ языкъ человѣчскій именно за то, что нѣтъ на немъ ни грамматки, ни риторки, ни диалектики“. (Акты Ю. в З. Рос. т. II, стр. 210—211).

²⁾ Для опредѣленія круга школьныхъ занятій и интересовъ того времени очень любопытенъ одинъ документъ—реестръ книгъ Львовскаго ставропольскаго братства, *составленный въ 1601 году*. Среди латинскихъ сочиненій здѣсь между прочимъ помѣчены: *Грамматика Огара, Клекарди Грамматика, Грамматика латинская партесь осмъ*.—Этотъ реестръ напечатанъ въ трудѣ С. Голубева „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, т. I, прил., стр. 167—171. См. также исследование П. К. Харламповича. „Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка“. Казань 1898 г.

³⁾ Всѣ эти грамматики скоро, вѣроятно, вошли въ кругъ учебныхъ предметовъ и въ болѣе мелкихъ школахъ. Въ *1592 году*, напр. Перемышльскій епископъ, Мит. Копыстенскій, просилъ Львовское братство прислать въ Перемышль „длинскага для наученія письменнаго дѣтей... аще ли можно искусствомъ греческого, латинского и словенского“. С. Голубевъ. Петръ Могила. Т. I, прил. стр. 29. Ср. здѣсь же страницы 32—35.

⁴⁾ № 3091. Другой экземпляръ находится въ библиотекѣ Перемышльскаго собора І. Крестителя. См. Голубевъ. „Исторія Кіевской академіи“, вып. I.

рыя показывають, что печатаніе ея было вызвано *религиозными, общественными и патриотическими* мотивами: жители Вильны просили о ея напечатаніи, а издатели выражали надежду, что она послужит „на немертную славу народу“ и будет источником „наученія и вырозумѣнья божественнаго писанья“ ¹⁾.

Въ 1591 году появилась грамматика, составленная Львовскими студентами подъ руководствомъ профессора школы, митрополита Арсенія: „Адельфотисъ. Грамматика доброглаголиваго Еллинсловаенскаго языка, совершеннаго искусства осми частей слова, во наказанію многоименному Россійскому роду, во Львовѣ, въ друкарни братской, року 1591... Сложена отъ различныхъ Грамматикъ спудейми (студентами): яже въ Львовской школѣ“ ²⁾.

Эта грамматика тоже не случайнаго происхожденія, а связана съ церковно-общественными нуждами эпохи. Въ предисловіи разъясняется, почему раньше не было на Руси грамматики, какъ основы научнаго

¹⁾ Въ это послѣсловіе цѣлкомъ: „Бога Слагаго благодатию, а за врозбою жителей столицы великаго князства литовскаго града Вильни. Сия грамматика словенскаго языка зъ газоевладим славнаго града Острога властное отчизимъ яентъ вельможного князати и пана пана Константина Константиновича, князати во Острогу, пана на Дубиѣ, воеводы Кіевскаго, маршалка земли Волинское и прочая. Зъ щодробливое его милости ласки выдана для наученія и вырозумѣнья божественнаго писанья, а за помощью Христовою на немертную славу народу дому его князатской милости выдрукована в мѣсте Виленскомъ. Вроку нароженія Слова и Бога и Спаса нашего Исуса Христа 1586, мѣсяца октяврія 8 дня, на память преподобныи матере нашен Пелаген. А отъ сотворенія свѣта 7095 го въ друкарни дому Мамовичовъ“.

Такъ какъ эта грамматика есть не что иное, какъ „Книга философская“, то совершенно непонятны слова С. К. Булича, который говоритъ, что она „явилась плодомъ наблюдений надъ тогдашнимъ церковнославянскимъ языкомъ, напр. Острожской библии“.—См. С. К. Буличъ. Очеркъ исторіи языкованія въ Россіи, т. I, стр. 170. Не повторалъ ли въ данномъ случаѣ С. К. Буличъ мысли П. Житецкаго, который говоритъ то же самое въ „Очеркѣ литературной исторіи малорусскаго нарѣчя“? (Кіевъ 1889 г., ч. I, стр. 16). Во всякомъ случаѣ, это не вѣрно.

²⁾ Находится въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки (I, 7, № 1^a).— Вѣроятно, надъ этой грамматикой трудились долго. Въ посланіи Виленскихъ православныхъ гражданъ Львовскому братству, датированномъ 28-го мая 1588 года, читаемъ: „Посласте чашъ начало, проображеніе свитыхъ писаній Грамматическыиъ языка Греческаго и Словенскаго, наказующе ны, да приимемъ со благоразуміемъ, да и прочимъ сподобимся, по евангельскому реченію. Сія убо разсмотрѣше достойно, модкомъ Спаса нашего, да якоже прежде начать, такожде и совершить во васъ благодать сію“. (Акты Зап. Рос., т. IV, № 4, стр. 5—6). Несомнѣнно, рѣчь идетъ о начальныхъ работахъ надъ „Адельфотисомъ“. За ними слѣдили съ сочувственнымъ вниманіемъ.

знанія: „Понеже прежде вроссійскомъ родѣ мало сихъ обрѣсти, да-
вечудившися; Ибо въ концу тысячнаго лѣта Христова воплощенія
вновосажденніи процвѣтши, неплодно высыхающе завистію непріязнен-
ною истерзаемн суще. Изволеніемъ же Божіа челоувѣколюбія, прійде
святѣйшій патрархъ великіа Антіохія Божія града, киръ Іоакимъ
въ богохранимый градъ Львовъ року 1586, мѣсяца генуарія. Увидѣ же
нераднїе о исправленіи въ роскомъ родѣ, совѣтова сія изряднѣ по-
лезнѣйша быти: братство, школа и друкарня. Втоже лѣто, мѣсяца
июнія отъ вселенскаго патріарха ексаршески прійде, митрополтъ
димонизскій в еласонскій киръ Арсеніе, иже школьное ученіе наченше
пребысть zde во градѣ Львовѣ уча двѣ лѣтъ“. Съ благословенія все-
ленскаго патріарха дѣло было начато, и однимъ изъ первыхъ пло-
довъ просвѣтительнаго движенія явилась грамматика „Адельфотисъ“¹⁾.

Въ 1596 году въ Вильнѣ былъ напечатанъ новый обширный грам-
матическій трудъ: „Грамматика Словенска, съвершеннаго искусства
осми частій слова и иныхъ нуждныхъ, ново составлена Л. З.“ (Лав-
рентіемъ Зизаніемъ)²⁾.

Наконецъ въ 1619 году появилось знаменитое сочиненіе: „Грам-
матики славенския правилное Сунтагма; потщалиемъ многогрѣшнаго

¹⁾ Объ „Адельфотисѣ“ см. „студію“ д-ра Кир. Студимського въ „Зап. Наук.
Тов. ім. Шевченка“, т. VII.

²⁾ Есть въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библ. подъ знаками: I, 7, № 112.
Грамматикѣ предисловіе такая многозначительная „ешграмма“:

„Грамматика писма вѣтъ научаетъ,
четырма частми латве уразумяетъ.
Орографією и просодією
синтаксисомъ и етимологією.
А предречешное ей опасство
подаетъ ценное искусство.
Котори прагнутъ быти досконали,
въ писмѣ и въ словахъ абы неспратали.
Але извѣстнѣно все познавали
и чого ся учатъ абы добре знали.
Ключемъ бо есть отворячи вѣтъ умъ,
къ познанію въ преправши разумъ.
По которой власне лкъ повсходѣ поидеть,
кажди если хочеть вѣтъ науки доидеть“.

Авторъ этой книги въ предисловіи къ изданію „Бесѣды Златоустаго“ 1623 г.
названъ „святѣй православной вѣры исповѣдникъ и проповѣдникъ, мужъ благого-
вѣйный, дядекаль и витія, знатокъ греческаго языка“. См. *Голубевъ*. Петръ Могилъ,
т. I, стр. 272.

мниха Мелетія Смотрицкого въ Кишинѣ братства церковнаго Вилленскаго при храмѣ сошествія пресвятаго и животворящаго Духа назданномъ, отстранствующаго, снисканное и прижитое гѣта отъ воплощенія Бога Слова въ Евю 1619“¹⁾.

Изданіе этой книги показываетъ, что грамматическое преподаваніе успѣло получить широкое распространеніе въ юго-западной Руси. вмѣстѣ съ тѣмъ начали выясняться и нѣкоторые *методическіе* вопросы. Въ предисловіи Смотрицкій болѣе обстоятельно, чѣмъ это было раньше, выясняетъ значеніе грамматика: „Научить“, говоритъ онъ, „въ реченіяхъ розознана розличности Грамматичныхъ слова частій: научить Именъ склоненія, а Глаголовъ спряженія, ведлугъ власности оконченій (на чомъ намъ барзо сходило) языка чисте Славенскаго: научить порядку и споряженя словъ которыи за которыи для лацнѣйшого найдуючогося въ нихъ розуму повяты ведлугъ Сочиненія покладаны быти мають. Укажетъ эле положеное слово: укажетъ збытнее, укажетъ и чого бы недоставало. Научить новлю и читати по Славенски, и писати роздѣлне и чтоное вырозумѣвати лацно“.

Планъ ученія, намѣченный Смотрицкимъ, тоже представляетъ значительный интересъ благодаря указаніямъ на необходимость имѣть даже въ букварѣ нѣкоторые грамматическіе элементы: „Дѣткамъ“, говоритъ авторъ, „учитися починающимъ Букварь, звыкло рекши Алфавитарь, з той же Грамматики вычерпанный, абы *склоненіямъ Грамматичнымъ з лѣтъ дѣтинныхъ з мовою заразъ привыкали*, до выученя подаванъ нехай будетъ. По Часослова и Псалтыри (которыи опусканы быти не мають) выученю ся овая Грамматика з выкладомъ, то есть з показованемъ и уживанемъ еи пожитковъ наступитъ“.

Вѣроятно, въ связи съ этимъ въ 1621 году появилась въ Вильнѣ небольшая книжечка подъ заглавіемъ: „Грамматика. албо, сложенія письмена, хотящимъ ся учити словенскаго языка, *милкольтнымъ отрочатомъ*“²⁾. Въ началѣ ея сдѣлано примѣчаніе: „Сія азбука отъ книги осмочастныя, сирѣчь грамматикіи“. На самомъ дѣлѣ, никакого

¹⁾ Въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библ. 2 экземпляра изданія 1619 года подъ знакамъ: I, 8, № 27^a и I, 8, № 26.—Второе изданіе этой книги вышло въ 1629 году въ Вильнѣ, третье—безъ имени автора, съ передѣлками, въ Москвѣ въ 1648 году (И. П. Библ. III, 6, № 11^b).

²⁾ Рукописное отдѣленіе Имп. Публ. Библ. I, 8, № 36. На заглавномъ листѣ помѣщена картинка, изображающая сцену изъ школьной жизни: учитель въ классѣ указываетъ розгами.

обычнаго грамматическаго матеріала здѣсь нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ парадигмъ склоненій и спряженій, расположенныхъ безъ всякой системы по буквамъ. Теоретическія свѣдѣнія и терминологія совершенно отсутствуютъ. Очевидно, измѣненные по падежамъ или лицамъ (безъ наименованія тѣхъ и другихъ) имена и глаголы служили для упражненія въ чтеніи и только косвенно должны были приучать „э лѣтъ дѣтскихъ“ склонять и спрягать. Въ этой азбукѣ есть и своего рода просодія: помѣщено 26 примѣровъ измѣненія значеній слова въ зависимости отъ ударенія ¹⁾).

Въ 1638 году была издана тоже, очевидно, для школьнаго употребленія „Грамматика или письменница языка словенскаго тщателемъ въкратцѣ издана въ Кремьянци“ ²⁾).

II.

Къ концу XV и началу XVI вѣка отсутствіе образованія дало себя сильно почувствовать и въ сѣверо-восточной Руси: явилось церковное нестроеніе, искаженіе богослужебныхъ книгъ и кивгъ священнаго писанія ³⁾. Вотъ почему уже со второй половины XV вѣка замѣчается въ Новгородѣ переводческая дѣятельность, вызванная рядомъ практическихъ житейскихъ задачъ. Ересь жидовствующихъ заставила не только озаботиться полнымъ кодексомъ библейскихъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ, но и переводить различныя иностранныя книги противъ евреевъ ⁴⁾.

¹⁾ Врядъ ли поэтому можно утверждать, какъ это дѣлаетъ С. К. Буличъ въ своемъ „Очеркѣ исторіи языкованія въ Россіи“, вѣроятно, со словъ П. Житенкаго (ср. „Очеркъ литерат. вст. малор. нар.“, стр. 17), что эта „Грамматика“ составлена „на основаніи“ грамматики Смотрицкаго (с. 175). Въ сущности, какъ можетъ убѣдиться читатель, ничего *грамматическаго* въ ней нѣтъ. Очевидно, и слѣдующіе были введены въ заблужденіе заглавіемъ, которому содержаніе не отвѣчаетъ. Любопытно, что этотъ букварь былъ перепечатанъ „снисканіемъ и труды многогрѣшнаго Василія Федорова сына Бурцева“ въ 1634 году подъ заглавіемъ: „Начальное ученіе челоукомъ, хотящимъ разумѣти божественнаго писанія“. О немъ см. ст. К. Калайдоначъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“, 1823 года, ч. VI, с. 314—327. Ср. П. К. Харламовичъ. „Западнорусскія православныя школы“, стр. 449.

²⁾ Экземпляръ этой книги есть въ Кременецкой духовной семинаріи. У меня въ рукахъ ся не было.

³⁾ Когда послѣ Стоглаваго собора приступили къ пересмотру книгъ, то оказалось, что „малы обрѣтошася потребнии, прочіи же вси растлени отъ прееписупщихъ ненаученныхъ сумнихъ и нешкусныхъ въ разумѣ“ („Обзоръ русской духовной литературы“ Филарета, 1859 г., стр. 201).

⁴⁾ А. И. Соболевскій. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ. Библиографическіе матеріалы. С.-Пб. 1903. Стр. 40—41.

Приглашеніе правительствомъ въ Москву ученаго инока Святой Горы, Максима Грека, также должно было сыграть видную роль какъ въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія, такъ и въ самомъ взглядѣ на кругъ образовательныхъ предметовъ. Московскіе княжые люди увидѣвъ передъ собой въ лицѣ Максима Грека знатока богословія в свѣтскихъ наукъ. Недаромъ про него говорили: „Словеснаго любо-нудрія зѣло превсполненъ, священныя же философія до конца навылъ“¹⁾.

Знакомство Максима Грека съ грамматикой, риторикой, діалектикой, съ греческой и римской литературой, съ греческой философійю создало благоприятную почву для восторженнаго удивленія и подражанія. Къ тому же Максимъ Грекъ былъ отличнымъ пропагандистомъ и многихъ успѣлъ убѣдить, что свѣтскія науки могутъ способствовать утвержденію благочестія и христіанской вѣры и что изученіе древнихъ языческихъ писателей не противорѣчитъ священному писанію. Хотя въ свѣтскихъ наукахъ есть „лжа и нечистота“, но отвѣтъ всегда возможно уберечься.

Конечно, нельзя преувеличивать значенія въ этомъ отношеніи Максима Грека, однако идейная сторона его дѣятельности оставила глубокіе слѣды и образовала кругъ людей, преданныхъ новому просвѣтительному движенію²⁾.

Максимъ Грекъ не написалъ полной грамматики, но его перу принадлежитъ рядъ статей, затрагивающихъ различныя грамматическія темы. Широкое распространеніе этихъ статей свидѣтельствуетъ объ интересѣ, который онѣ возбуждали. О томъ же говоритъ и обиліе грамматическихъ разсужденій, появившихся въ рукописныхъ сборникахъ съ XVI столѣтія³⁾. На Максима встарину ссылались, какъ на

¹⁾ Рѣчь Арсевія Глузгаго. Синод. Библ. № 416, л. 328. См. А. И. Соболевскій. „Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ“, стр. 12. Ср. его же: „Переводная литература“, стр. 260. Здѣсь Соболевскій пишетъ: „Кажется, ни одинъ писатель древней Россіи не пользовался при жизни такимъ уваженіемъ и значеніемъ, какъ Максимъ Грекъ. Онъ былъ дважды осужденъ соборомъ московскихъ святителей, какъ еретикъ, былъ лишенъ причащенія, былъ заточенъ; но авторитетъ его не уменьшился въ глазахъ современниковъ. Никто изъ послѣднихъ не рѣшился выступить противъ собора, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ считали Максима „новымъ иновѣдникомъ“, столпомъ православія и „страдальцемъ за истину“.

²⁾ Въ числѣ лицъ, считавшихъ себя учениками М. Грека, былъ между прочимъ и Курбскій. Объ этомъ см. Соболевскій. „Переводная литература Моск. Руси XIV—XVII вѣковъ“, стр. 279—280.

³⁾ Вотъ какъ характеризуетъ ихъ И. В. Ягичъ, въ рукахъ котораго былъ гро-

авторитетъ въ области грамматическихъ вопросовъ. И надо отдать справедливость, онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ умѣлъ показать русскимъ значеніе грамматики: „Грамматика есть ученіе зѣло хытро у Еллинѣхъ“, читаемъ въ одной его статьѣ. „То бо есть начало входа иже къ философїи, и сего ради немощно есть малыи рѣчми и на мало время разумѣти силу ея, но надобѣтъ седѣти у учителя добраго годъ равенъ упразднившемуся отъ всѣхъ житейскихъ плещъ в печалехъ и любити трезвеніе всегда и воздержатися отъ всякого покоя и угоженія гортаннаго, и сна, и винопитія. И ученіе то у насъ, у грековъ, хытро зѣло, а не и у васъ. Занеже у насъ философи были изъ начала великии и премудри и составилъ собѣ вѣщаніе зѣло преушыщено и преукрашено послонницами, неудобъ разумѣваемыми намъ, грекомъ. Сего ради требуемъ мы, греки, долго сѣдѣти у учителя добраго и учитися со многымъ трудомъ и біеніемъ, доколѣ видѣть въ умъ нашъ“¹⁾).

Такими рѣчами затрагивалось національное самолюбіе, и естественно рождалось стремленіе стать вровень съ греками. Вотъ почему со времени Максима Грека общая грамматика вводится въ нѣкоторыя школы, какъ учебный предметъ. Ею изучали даже „ученицы новона-

мадный матеріалъ для наблюденій: „Начиная съ XVI столѣтія попадаются въ рукописныхъ сборникахъ все чаще и чаще статьи грамматическаго содержанія. Разобраться въ пестромъ матеріалѣ подобныхъ сборниковъ—дѣло очень трудное: рукописи отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ, у каждой свой особенный составъ. Правда, довольно часто одна и та же статья повторяется въ многихъ сборникахъ, но почти всегда въ другой обстановкѣ: что въ одной рукописи представляетъ самостоятельное, на видъ цѣльное разсужденіе, то въ другой входитъ лишь какъ часть въ составъ болѣе обширнаго цѣлаго; что въ одной занимаетъ мѣсто въ началѣ, то въ другой читается въ середнѣ или даже въ концѣ сборника... Одна общая черта всѣхъ этихъ статей—ихъ анонимность. Нигдѣ не сказано, кто первый началъ заниматься подобнаго рода разсужденіями, откуда онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія и гдѣ пришлось примѣнить ихъ къ жизни, къ школьному ли обученію или къ другимъ занятіямъ. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ припоминаются изрѣдка рядомъ съ Лаврентіемъ и Мелетіемъ, извѣстными сочинителями грамматикъ, еще другія имена: намъ разсказываютъ о грамматикѣ Евдокима, о сочиненіи о буквахъ Герасима Ворбозовскаго—и только. Гдѣ и когда они жили и что принадлежитъ имъ, какъ авторамъ, не какъ практическимъ учителямъ, пользовавшимся уже заранѣе составленными тетрадями—все это остается пока нерѣшеннымъ вопросомъ; въ рукописномъ матеріалѣ не достаетъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія его“. (И. В. Ягичъ. Разсужденія старинныя о церковно-славянскомъ языкѣ. Въ „Изслѣд. по русск. яз.“, т. I, стр. 634—635).

¹⁾ „Изслѣдованіи по русскому языку“, изд. Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. т. I, стр. 594.

чальнѣи по азбукѣ, зане основаніе есть первое и подошва хитрости граматичной, а граматика — основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ хитростямъ“ ¹⁾). То же прѣклоненіе передъ грамматикою чувствуется и въ словахъ ученика Максима Грека, старца Селиванъ, приводимыхъ въ одной рукописи XVII вѣка: „вѣсть никому же возможно право писать, аще кто не вѣсть граматичнаго устроенія, ниже родовъ, ниже чиселъ, ниже падежей, ниже временъ, ниже склоненій, ниже окончательныхъ буквъ по родамъ во всѣхъ падежѣхъ, боле же въ притяжательныхъ именѣхъ“ ²⁾).

При наличности такого почтенія къ грамматикѣ становится вполне понятнымъ отмѣченное выше обиліе анонимныхъ статей грамматическаго содержания въ русскихъ рукописныхъ сборникахъ XVI—XVII вѣковъ ³⁾).

Къ XVII вѣку сознание необходимости грамматической подготовки настолько укрѣпилось въ Московской Руси, что незнакомство съ грамматикою считалось уже признакомъ невѣжества. Царская грамота 1616 года разрѣшаетъ заниматься исправленіемъ требника исключительно тѣмъ старцамъ Троицкой лавры, которые не только „подлинно и достохвально извѣстны книжному ученію“, но и „грамотному и риторію умѣютъ“ ⁴⁾). Справщики книгъ въ спорахъ между собой упрекаютъ другъ друга, что „не знаютъ, кои въ азбукѣ письменна гласная и согласная и двогласная, а еже оснѣ частей слова разумѣти и къ сему пристоящая, срѣчь роды и числа и времена и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на разумъ всхаживало“ ⁵⁾).

Юго-западная Русь также оказала влияние въ этомъ направленіи, и, напримѣръ, въ 1648 году въ Москвѣ была переиздана грамматика Смотрницкаго съ дополненіями и поправками. Въ цѣляхъ успѣха издателя снабдилъ ее вступительными статьями, представляющими собою извлеченіе изъ сочиненій Максима Грека ⁶⁾).

¹⁾ Азбуковникъ конца XVI в., эпохи царя Федора Ивановича. См. Извѣстія Акад. Н., 1855 г., т. IV, стр. 257.

²⁾ Рус. XVII в. Синод. Библ., № 850. Цитирую по брошюрѣ А. И. Соболевскаго „Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ“, стр. 18.

³⁾ Возможно, что грамматическія разсужденія Максима Грека имѣли нѣкоторое влияние и на южно-русскія грамматикѣ.

⁴⁾ Царская грамота Троицкаго Сергіева монастыря игумену Діонисію объ исправленіи книги „Потребникъ“. А. А. Э., т. III, стр. 483.

⁵⁾ Соболевскій, „Образ. Моск. Руси“, стр. 19.

⁶⁾ По предположенію Пекарскаго, эти вступительныя статьи были помѣщены

Грамматическій матеріалъ, какъ на юго-западѣ, такъ и на сѣверо-востокаѣ очень быстро начинаетъ увеличиваться. Уже грамматика, составленная „спудеями“ (σπουδαῖος) Львовской школы, заключаетъ въ себѣ довольно сложную систему, во многихъ отношеніяхъ сохранившуюся до нашихъ дней.

Грамматика эта намѣчаетъ 4 части, обычно входившія въ содержаніе подобныхъ книгъ—правописаніе, припѣваніе (просодію), право-словіе (т. е. этимологию) и сочиненіе (синтаксисъ). Начинается она съ классификаціи звуковъ, причемъ имѣется въ виду исключительно греческій алфавитъ. Вообще вся эта грамматика не что иное, какъ грамматика греческаго языка; если она названа „еллинословенскою“, то только потому, что параллельно съ греческимъ текстомъ помѣщены славянскій и греческіе термины переведены на славянскій; всѣ же славянскія парадигмы представляютъ собою буквальный переводъ съ греческихъ. Этимъ, конечно, нужно объяснить нѣкоторыя странности Львовской грамматики, какъ, напримѣръ, ученіе о падежахъ, временахъ, наклоненіяхъ и т. д., въ которомъ читатель тщетно сталъ бы искать элементовъ славянской рѣчи ¹⁾.

при изданіи во избѣжаніе толковъ и соблазна со стороны невѣжественной массы. *Пекарскій*. „Наука и литература при Петрѣ“, т. I, стр. 183.

¹⁾ *Частей рѣчи* въ „Адельфотистѣ“—8: различіе, имя, мѣстоимы, глаголъ, при-частіе, предлогъ, нарѣчіе, союзъ. Опѣ дѣлятся на „склавленныя“ и „несклавленныя“.

Родовъ—5: мужскій, женскій, средній, общій (напр. *чловѣкъ*), приобщій (*ла-стовица, орелъ*).

Чиселъ—3: единственное, множественное, двойственное.

Падежей—5: именовный, родной, дательный, винный, звательный.

Имена вѣютъ кромя того: а) *виды*—первообразный и производный, напр.: *небо*—*небесный*; б) *начертанія*—простое, сложное, пресложное, напр.: *смьятелемъ, по-смьятелемъ, наченосмьятелемъ*.

Склоненій—5.

Имена прилагательныя вѣютъ особыя *начертанія*: разсудительное (*εὐφροσύνη*) и превосходное (*ὑπερφροσύνη*)—т. е. сравнительную и превосходную степени.

Местоименіе имѣетъ 5 *видовъ*: первообразный (*πρωτόπρον*)—*аъ, ты, онъ*; зн-дательный (*ἐπιπρόν*)—*мой, твой, свой, нашъ, вашъ*; показательный (*ἐξοπρόν*)—*сея, онъ*; наносный (*ἀντιπρόν*)—*той*; сложное (*εὐπρόν*)—*мене самого, тебе самого, себе самого*.

Въ *местоименіи* 4 *рода*: мужескій, женскій, средній, общій (*азъ*).

Въ *глаголѣ* 8 *свойствъ*: изложеніе (*ἐπιπρῶτος*), видъ (*εἶδος*), лице (*πρόσωπον*), роль или залогъ (*γένος, διάθεσις*), начертаніе (*εὐφροσύνη*), число (*εὐφροσύνη*), время (*χρόνος*), сус-пружество (*συνεχία*).

Изложскій, т. е. наклоненій, 5: изъявительное, повелительное (*βίη*), молитвенное (*δα βίη*), подчинное (*αἰσε βίη*), необаяное (*βητι*).

Подъ вліяніемъ Львовской грамматики создались грамматики Зиванія и Смотрицкаго. Оба автора пишутъ уже въ виду славянскій языкъ, грамматику котораго, однако, строятъ по образцу греческой. Въ общемъ отличіе ихъ отъ Львовской незначительное, и потому мы на нихъ не будемъ останавливаться ¹⁾. Укажемъ только, что Зиваній, сообразуясь съ славянскимъ склоненіемъ, ввелъ теоретическій падежь, винный переименовалъ въ симметричный, наметилъ имена собственные и нарицаемыя, десять склоненій и два страженія (1-ое на аю, юю, лю; 2-е на у, ю, ую). Смотрицкій упразднилъ различіе, ввелъ новую часть рѣчи—междометіе, новый падежь сказательный, т. е. нашъ предложный, новые термины—неопредѣленное и сослагательное наклоненіе, приложилъ къ отдѣльнымъ частямъ рѣчи „увѣщанія ореографійныя“, а къ синтаксису присоединилъ отдѣлъ „синтаксиса образной“, которая „есть образъ глаголенія противу правиломъ синтаксеос, искусныхъ писателей употребленіемъ утверженьемъ“. Кроме того, онъ

Залозовъ 5: дѣятельный (*дѣрууѣтхѣн*) — бѣю; страдательный (*пѣдѣтхѣн*) — бѣюся; средний (*одбѣтхѣн*)—здравствую; общій (*хѣнѣн*)—понуждаюсь; отложный (*дѣповѣтхѣн*)—борюсь.

Вида—2: первообразный—напаваю; производный—напаваю.

„*Сутружѣстнѣ*“—13.

Время—6: настоящее — бѣю; прошедшее — убихъ; протяженное—бѣяхъ; совершенное—бѣяхъ; непрядѣльное—бихъ; будущее—убію. Количество времени определено сообразно съ греческимъ закономъ: *тѣпѣтѣ*, *дѣтѣпѣтѣ*, *тѣтѣфа*, *дѣтѣдѣтѣ*, *дѣтѣфа*, *тѣфѣ*.

Нарѣчія и союзы имѣютъ чрезвычайно сложную классификацію; нарѣчія, союзы дѣлятся на 9 видовъ: сплѣтательные, съраженные, совоуплетельные, пресоуплетельные, внослоные, отлагательные, съмысленные, пренсполнительные, противные. Въ числѣ нарѣчій находятся и наши междометія.

Просодія касается только удареній, долготы и краткости звуковъ.

Отдѣла синтаксиса и правописанія нѣтъ, хотя въ дѣленіи грамматики она и упоминается.

¹⁾ Интересующимся можно указать трудъ С. К. Булича: „Очеркъ исторіи даяковъ въ Россіи“, т. I, стр. 172—178. Къ сожалѣнію, г. Буличъ не всегда приводитъ примѣры, и въ такихъ случаяхъ за голой терминологіей невозможно уловить содержаніе. Что дастъ, напр., слѣдующая классификація прилагательныхъ у Смотрицкаго, если откинуть примѣры: 1) совершенное (т. е. простое, непродуодное)—саятый, бланій; 2) отнесенное (т. е. происходящее отъ нарицательныхъ именъ существительныхъ)—желѣзный, каменный; 3) числительное—одинъ, два, три; 4) чинительное—перей, второй, третій; 5) вопросительное—какогъ, колыхъ; 6) отрицательное—такѣт, молыхъ; 7) притяжательное—Петровъ, Амихъ; 8) отечественное—Римскій, Амисійскій; 9) измѣское („еже отъ измѣскаго вида именъ производна“) — Греческій, Россійскій, Лимовскій. Между тѣмъ г. Буличъ большинство этихъ терминовъ оставляетъ безъ иллюстрацій.

установилъ два спряженія, различающіяся по второму лицу единственнаго числа, ввелъ новое понятіе *дѣепричастіа* и нѣкоторыя другія, болѣе мелкія дополненія и измѣненія. Большая опредѣленность, практичность и ясность грамматикъ Смотрницкаго надолго сдѣлали ее образцомъ и источникомъ при составленіи грамматическихъ учебниковъ ¹⁾.

Во всѣхъ этихъ грамматическихъ трудахъ съ одной стороны сильно чувствуются заимствованія изъ греческихъ грамматикъ, съ другой — замѣчается стремленіе усложнить классификацію. Любопытна, наконецъ, еще одна особенность: составители пытаются дать правила, съ помощью которыхъ можно было бы читать по *славянски*, понимать читаемое и писать *чистымъ славянскимъ языкомъ*, а между тѣмъ представленія о чистомъ славянскомъ языкѣ были смутныя. Поэтому получалось смѣшеніе древнихъ и новыхъ формъ, мертвыхъ и живыхъ. Подражаніе греко-римскимъ образцамъ приводило нерѣдко къ бессмыслицѣ. Природа славянскаго языка забывалась и затемнялась. Все вниманіе авторовъ, упорное и тонкое, направлено на описательную работу и на созданіе внѣшнихъ схемъ.

Однако живучесть составленной Смотрницкимъ и его предшественниками терминологія оказалась поразительной, и вліяніе Смотрницкаго чувствуется даже въ современныхъ школьныхъ грамматикахъ, сохранившихъ по традиціи „преданья старины глубокой“.

III.

Въ начальной школѣ грамматика въ то время проходила, какъ уже сказано, не въ объемѣ перечисленныхъ сочиненій; однако и „новоначальные ученики“ должны были имѣть довольно значительный запасъ грамматическихъ знаній, которыя имъ сообщались послѣ изученія азбуки. Объ этомъ мы можемъ судить по русскимъ передѣлкамъ латинской грамматикъ Доната, римскаго грамматика IV вѣка по Р. Хр., дошедшимъ до насъ, вѣроятно черезъ посредство Польши, въ многочисленныхъ спискахъ второй половины XVI вѣка, — и по массѣ рукописныхъ сборниковъ школьнаго происхожденія. Имя Доната сдѣлалось нарицательнымъ, и передѣлки поэтому иногда носятъ искаженное названіе „Аданатсъ“ ²⁾.

¹⁾ Характеристика грамматикъ Мелетія Смотрницкаго дана въ трудѣ *И. Засажкевича*: „Мелетій Смотрницкій, какъ филологъ“. Одесса. 1883. Ср. рецензію на него А. Будиловича въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883 г., июль, стр. 144—151.

²⁾ Нѣсколько „Донатусовъ“ напечатано И. В. Ягичемъ въ „Исследованияхъ по русскому языку“, т. I, стр. 812 — 911. Что латинопольскіе Донатусы были у насъ

Форма изложения „Донатусовъ“—вопросо-отвѣтная. Очевидно, это было вызвано педагогическими соображеніями ¹⁾). Планъ прохожденія матеріала, данный въ предисловіи къ „Донатусу“, тоже есть плодъ работы педагогической мысли. Вотъ въ какомъ видѣ онъ намѣчается: „Егда убо отроцы, сирѣчь новоначалніи ученицы, изучать азбуки и склады познать... и какъ взумѣютъ по словамъ и по складу чести кромѣ разумѣнія, тогда учитель учить имъ паденія (склоненія)... Якоже мати младенца питаетъ отъ сосцу млекоу, а не жестокими брашны, еще бо не сунимъ ему зубомъ, сиче и учитель въ толику мѣру достигшихъ учениковъ, не мудрая и хитрѣйшая истязаетъ ихъ вопрошая, но легчайшая и ипростѣйшая, сирѣчь единыхъ паденій истязая вырашаетъ отъ нихъ, а не истязая отъ нихъ прочихъ хитрѣйшихъ ко отвѣщанію, пристоящихъ ко всякому имени и прочимъ частемъ. Сирѣчь, егда о чомъ спрашати, то прежде подобаетъ увѣдати ученику о той вещи, коя есть часть. И аще есть имя, то како есть имя—собственное ли, еже есть сущее, или прикладное; и имени колицы пристоятъ и коего есть качества, и всходитъ ли на вышшую степень или ни; и вратитъ ся ли изъ рода въ родъ и изъ кончанія во иное кончаніе; и аще вратитъ ся, то како вратитъ ся, и коего рода, и коего числа, и коего образа, простаго ли, сложнаго ли, и коего впа и коего уклоненія. Сихъ всѣхъ выше реченыхъ въ сичевую мѣру достигшихъ учениковъ не попрашаетъ ихъ еще ни истязаетъ о тѣхъ до времени, но токмо вопрошаетъ ихъ о единой простѣйшей вещи, сирѣчь коего паденія есть то имя, о немже предложить ся бесѣда. Яко же о семъ спроситъ учитель, коего паденія, и единъ отъ нихъ отвѣщаетъ: именовательнаго, еже по греческому ученію глаголетъ правое, и звателное, въ мужескомъ роду, и сиче и о прочихъ. И сія убо паденія во училищехъ ученицы навыкають и отвѣщеваютъ учителю, по рядовому Донатусу изыскивая, дондеже взумѣютъ изустъ въ долго время. И сиче увидѣ ми ся велии хитро, и съ велиимъ трудомъ сему навыкати“.

Этотъ отрывокъ не только говоритъ о содержаніи „Донатусовъ“, но и указываетъ методы преподаванія: ученики заучивали по книгѣ наизустъ отвѣты на вопросы съ готовыми примѣрами, а затѣмъ по

въ обращеніи, можно видѣть изъ слѣдующаго: въ описи книгъ Законоохранскаго монастыря 1689 г. находимъ „Донатъ польскій“; въ библіотекѣ митрополита Павла „Грамматикау Донатову латинополскую“ и т. п. См. Шлякинъ. „Св. Димитрій Ростовскій“, стр. 74, 76, 82.

¹⁾ Конечно, вопросо-отвѣтная система была также заимствована съ Запада, гдѣ обращалось много учебниковъ этого типа.

даннымъ образцамъ разбирали предложенный учителемъ текстъ. Система эта, повидному, пришла по душѣ нашимъ педагогамъ, и вопросо-отвѣтный способъ былъ введенъ во многіе учебники. Чтобы познать съ характеромъ изложенія, приведу нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ изъ сочиненія подъ сложнымъ заглавіемъ: „Книга, глаголемая простословія, не книжное ученіе грамотѣ, избрана нѣкоторою безнадежною сиротою, скитающеюся бесъ покоя, Евдокимыщемъ простымя. Въ сей же настоящей книгѣ бесѣдуетъ первое о грамотѣ и о ея строеніи, потомъ о буквѣ и о буквенныхъ писмянехъ, еще же о слозѣхъ писмянныхъ и о всѣхъ пристоящихъ къ тому. Благослови, отче!“ Послѣ этого заглавія помѣщено примѣчаніе: „Не книжное ученіе грамотѣ: поставлены вопросы учительскы, акы въ образѣ учителя; также противъ тому поставлены отвѣщанія ученическа, акы въ образѣ ученика“. Затѣмъ уже слѣдуютъ вопросы. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

Вопросъ. Что есть грамота?

Отвѣтъ. Грамота есть се: умѣніе человѣческо словесемъ всякого отвѣщанія, гласованіемъ умудрено отъ бога въ слышаніе и въ разумѣніе; а писаніемъ состроено отъ человѣкъ божіимъ промысломъ, въ видѣніе и въ предложеніе на составленіе смысла, еже глаголати къ всякой потребѣ.

Вопросъ. Что есть первое ученіе грамотѣ?

Отвѣтъ. Первое ученіе грамотѣ буква.

Вопросъ. Что есть буква?

Отвѣтъ. Буква есть се: собраніе писмянъ.

Вопросъ. Что есть писмена?

Отвѣтъ. Писмена есть се: умышлены дробны начертанія различныхъ подобій, и изложены имъ имена различны, коеждо свое подобіе и имя имать. И по имению убо ихъ изложено делѣканіе языка въ тоности, обращая на различны пѣмоты, да тѣми пѣмотами слагая все возможно изглаголати еже суть предано отъ бога на разумѣніе уму человѣческу.

Вопросъ. Колико писмянъ въ буквѣ?

Отвѣтъ. Четыредесятъ и четыре.

Вопросъ. Како ихъ имена, исповѣждь ми, и кое прже коего и кое послѣди? Изочти ми я по ряду“. И т. д.

Приведу еще отрывокъ изъ морфологической части:

Вопросъ. Части вѣщанія колицы суть?

Отвѣтъ. Осмь.

Вопросъ. Кон?

Отвѣтъ. Имя, проимяніе, слово (т. е. глаголѣ), предлогъ (наше нарѣчіе), причастіе, союзъ, представленіе (нашъ предлогъ) в различіе (наше междоуміе).

Вопросъ. Имя что есть?

Отвѣтъ. Часть вѣщанія съ паденіемъ, тѣло или вещь собственнѣ или обще знаменующе, собственнѣ, яко Иеросалымъ, Иерданъ,—обще, яко градъ, рѣка.

Вопросъ. Имянв колпцы првстоятъ?

Отвѣтъ. Шесть.

Вопросъ. Ков?

Отвѣтъ. Качество, прилаганіе (т. е. степени сравненія), родъ, число, образъ, паденіе“ и т. д.

Въ подобныхъ учебникахъ мы находимъ обширный морфологическій матеріалъ, который в предлагался для „наизустнаго ученія“. Въ немъ много смутнаго, сбивчиваго, неяснаго: видимо, сами составители не вполне отчетливо разбирались въ явленіяхъ языка. Это, повторяю, было вполне естественно, потому что формы славянской рѣчи подгонялись подъ греко-латинскіе образцы.

Наряду съ вышеописанными трудами необходимо для полноты картины останочить вниманіе и на азбуковникахъ, которые служили руководствомъ для переписчиковъ и справщиковъ в давали вмѣстѣ съ тѣмъ самыя разнообразныя свѣдѣнія по всеѣмъ отраслямъ тогдашняго знанія. Въ нихъ совершенно опредѣленно указывается, что дѣтей грамматикѣ учили. По азбуковникамъ 17 вѣка, которые получили значеніе обыкновенныхъ учебниковъ, можно судить и о характерѣ самаго элементарнаго грамматическаго преподаванія.

Система въ нихъ, какъ и въ „Донатусахъ“, вопросоответная. Вниманіе читателей останавливается на звукахъ, затѣмъ на нѣкоторыхъ правилахъ правописанія. Особенно рекомендуется различать „ять“ съ „естемъ“ и не писать вмѣсто „пѣніе“—„пеніе“ и т. п. „Сіе бо весьма зазорно и укорно, еже *ять* вмѣсто *ести* глаголати, такоже и *есть* вмѣсто *яти*. Отъ сего бывасть велие несмысльство ученію“.— Излагаются также правила объ удареніяхъ, причемъ указано, что *объ этомъ юворится и въ грамматикѣ*. Ясно, что свѣдѣнія азбуковника были только первоначальными ¹⁾. Такимъ образомъ, Забѣлинъ былъ неправъ,

¹⁾ Объ азбуковникахъ см. *Л. Калайдовичъ*. „Іоаннъ, Екзархъ Болгарскій“, № XII—XIV; *Сахаровъ*. „Сказанія русск. нар.“ II, стр. I—XX, 192; *Буслаевъ*. Дополненія и прибавленія ко II тому Сказаній Сахарова въ Архивъ Калачева, 1850 г., ка. I, отд. IV; *Д. Мордосевъ*. О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка. М. 1862

утверждаю, что „наученіе грамматикки относилось къ до-Петровскому школьному образованію почти такъ же, какъ къ теперешнему школьному образованію относится изученіе санскритскаго языка“ ¹⁾).

Разсмотрѣніе вопроса о содержаніи и характерѣ грамматическаго преподаванія въ до-петровской Руси позволяетъ установить слѣдующія основныя положенія:

1) до 16 вѣка грамматикка у насъ не входила въ кругъ школьнаго образованія;

2) въ 16 вѣкѣ начинается преподаваніе грамматикки, какъ въ высшихъ школахъ, такъ и при начальномъ обученіи. Сознаніе необходимости грамматическаго образованія было вызвано въ югозападной Руси борьбой съ іезуитскимъ вліяніемъ, а въ сѣверо-восточной — исправленіемъ книгъ;

3) грамматикки, какъ высшія, такъ и начальныя, создались подъ вліяніемъ греко-латинскихъ образцовъ;

4) при составленіи грамматикъ главною цѣлью было установленіе вѣдшихъ схемъ по чисто описательному методу;

5) способъ обученія грамматикѣ былъ догматическій: правила заучивались наизусть;

6) грамматикки *русскаго* языка до 18 вѣка не было, такъ какъ литературнымъ языкомъ былъ древнецерковнославянскій, а народный, національный языкъ уваженіемъ не пользовался. Зиновій Отенскій, напримѣръ, писалъ: „Лукаваго умышленіе въ христорорцѣхъ или въ грубыхъ смысловъ, еже уподобляти и низводити книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей. *Аще же и есть полизати приличнѣиши, мню, отъ книжныхъ рѣчей и общія народныя исправляти, а не книжныя народными обезчещати*“ ²⁾).

(или въ „Чтеніяхъ Имп. Общ. ист. и древн. Рос.“ 1861 г., кн. 4); *Ширскій*. „Очеркъ древнихъ славяно-русскихъ словарей“ въ „Филолог. Зап.“ 1869 г., выш. 1.—Обширный обзоръ азбуковниковъ у *Кармова*: „Азбуковники или азфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ Соловецкой бібліотеки“ въ приложеніи къ „Православному Соборднику“ 1877 г. и отд. Казань. 1878. Также *Баталинъ*. „Древнерусскіе азбуковники“ въ „Филолог. Зап.“ 1873 г., выш. 3—5.

¹⁾ *Забѣлинь*. Опытъ изученія русскихъ древностей, т. I. „Характеръ начального образованія въ допетровское время“, стр. 67.

²⁾ *В. Казулинъ*. Зиновій, инокъ Отенскій. С.-Пб. 1894. Стр. 248. Ср. „Сказанія“ Курбскаго, изд. 3, стр. 276: „Аще гдѣ погрѣшихъ въ чень, то есть, не памятуючи важныхъ пословиць словенскихъ, лѣпотами украшенныхъ, и вѣсто того буде про-

IV.

Въ Петровскую эпоху и послѣдѣе, до 1755 года, почти ничего новаго, какъ въ области учебной литературы по грамматикѣ, такъ и въ области методовъ ея преподаванія, не произошло. Можно даже сказать, что до самыхъ послѣднихъ лѣтъ Петровской эпохи грамматическое преподаваніе находилось въ плачевномъ состояніи.

По крайней мѣрѣ, въ предисловіи къ Московской передѣлкѣ (правильнѣе, перепечаткѣ съ незначительными измѣненіями) грамматики Смотрицкаго 1721 года, опредѣленно указывается, что, хотя „тщаніемъ императора Петра“ основано много новыхъ училищъ, однако грамматика въ нихъ не преподается „за оскудѣніемъ сихъ книгъ“.

Толчкомъ къ оживленію грамматическаго преподаванія былъ, по видимому, „Духовный Регламентъ“, который приказывалъ учителямъ ¹⁾, „что бы они исперва сказывали ученикамъ своимъ вкратцѣ, но ясно, кака сила есть настоящаго ученія: Грамматики, напримѣръ, Реторики, Логики и прочая, и чего хожемъ достигнути чрезъ сіе или оное ученіе, чтобъ ученики видѣли берегъ, къ которому плвуть“.

Курсъ грамматики предлагалось проходить „кунно съ географією и исторією“, чтобы соединить „невеселое языка ученіе“ съ „веселымъ міра и мношешнихъ въ мірѣ дѣлъ познаніемъ“ и такимъ образомъ вызвать въ ученикахъ „доброхотство“ къ ученію.

Въ связи съ этимъ находятся указы синода о необходимости немедленнаго введенія въ школы преподаванія грамматики. Одинъ изъ нихъ, отъ 31 мая 1722 года гласитъ, что по изученіи дѣтми буквarei и по приобрѣтеніи навыковъ въ письмѣ слѣдуетъ „начинать имъ во обученіе славенскую грамматику, какъ уже въ Новгородской епархіи такое букварное въ школахъ тверженіе и грамматическое ученіе не точію при архіерейскомъ домѣ въ Великомъ Новѣгородѣ, но и въ прочихъ городѣхъ и уѣздѣхъ дѣйствительно является ²⁾. А къ

студю пословяду введохъ, пречитающии, молюся, съ любовію и христоподобною кротостію да исправятся; ибо и со Павломъ дерзну рещи: аще и невѣжда есмь словомъ, но не разумомъ“.

¹⁾ Въ главѣ: „Домы училищныя и въ нихъ учителя и ученики, такожъ и церковныя проповѣдники“.—Здѣсь наизъясненъ такой чинъ ученія: „Грамматика кунно съ Географією и Исторією; Арифметика и Геометрія; Логика или Діалектика и едно то двоименное ученіе; Реторика кунно или раздѣлно съ стихотворнымъ ученіемъ; Физика, присоюзуна враткую Метафизикку; Политика враткая Пуффендорфова“. Такимъ образомъ, грамматика являлась фундаментомъ ученія.

²⁾ Такое блестящее состояніе Новгородской епархіи объясняется историческими

тому грамматическому ученію коуждо архіерею ученыхъ людей по-лучать, откуда кто возможесть, и о томъ грамматичномъ ученіи все-прележное имѣть тщаніе, дабы тое во общую пользу размножалось¹⁾.

Повелѣніе синода, однако, исполнить было довольно трудно, и отовсюду стали приходять извѣщенія, что некому взяться за дѣло²⁾. Тѣмъ не менѣе, въ октябрѣ 1723 года синодъ подтвердилъ свое тре-

причинами. Въ 1701 году, какъ извѣстно, братья Лихуды были сосланы въ заточеніе въ Ипатьевскій Костромской монастырь. Митрополитъ Новгородскій Іовъ, стремясь къ распространенію просвѣщенія, рѣшилъ ходатайствовать за Лихудовъ передъ государемъ и просилъ перевести ихъ въ Новгородъ. Государь согласился. Плодотворная дѣятельность Лихудовъ, прибывшихъ въ Новгородъ въ 1706 году, не замедлила обнаружиться: „Иеромонахи Іоаннѣи и Софроній Лихудіевы“, писалъ Іовъ 26-го іюня 1706 г. арх. Сильвестру, „вонстинну высокоучени суть, добри же и вѣрни, трезви и бодріи и во ученіи усердїи. Непрестанно на кійждо день учениковъ греческимъ, славенскимъ и латинскимъ писъмникомъ безъ всякаго сокрытія вседушно обучаютъ“. (Письма Іова къ Сильвестру и другимъ помѣщены въ „Странникѣ“ 1861 г., т. I). За короткое время Лихуды успѣли подготовить нѣсколько преданныхъ дѣлу образованнѣйшихъ учениковъ. О Лихудахъ см. изслѣдованіе М. Сменцовскаго „Братья Лихуды“, С.-Пб. 1899.

Славянскую грамматику въ Новгородской школѣ, вѣроятно, изучали по руководству Мелетїа Смотрицкаго. Но крайней мѣрѣ, въ описи книгъ этой школы, составленной въ 1716 году, упоминаются слѣдующія грамматики: 1) „Грамматика, Софронїева творенїа Лихудїена, греческая“; 2) „Двѣ грамматики, творенїю Эліи Копіевскаго, латинословенскїе“; 3) „Грамматика Ласкарева, греческая“; 4) „Грамматика Лвовская, грекославенская“; 5) „Двѣ грамматики, греколатинскїя“; 6) „Грамматика Мелетїева, славенская“. (Опис. Синод. Арх., т. I, прил. № 8, стр. XCVII—XCVIII).

Что это за „Софронїева Грамматика“, сказать трудно. Учебники грамматики, составленные Лихудами, хранятся въ библіотекѣ Моск. Дух. Акад. (№№ 330, 331, 332 рукоп.). Еще въ 1687 г. они написали краткій учебникъ грамматики на греческомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „πῆρὶ ὑρακτικῆς; μεθόδου, τῆς κατὰ διακρίσεως; ἐς τρεῖς βιβλίου; κατ'ἐρωτικὴν καὶ ἀποκριτικὴν“. Это было сокращеніе грамматики Ласкаря, изданной въ Венеціи въ 1673 г. О грамматическихъ трудахъ Лихудовъ см. С. Смирновъ. „Ист. Моск. Слав.-гр.-лат. академіи“. М. 1855, стр. 44—50.

¹⁾ П. Знаменскій. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. Казань, 1881. Стр. 115.

²⁾ См., напр., донесеніе ростовскаго епископа въ „Христіанскомъ Чтеніи“, 1877 г., т. I, стр. 366. Въ епархіи, довозилъ епископъ, „церковническихъ дѣтей обучаетца букварямъ 203 человекъ, и которме букварямъ обучились, и тѣ нинѣ пребываютъ безъ ученія, понеже грамматикки обучать некому“. Ср. Опис. Арх. Сн., т. II, ч. 1, стр. 519. Отсутствие учителей подтверждается и заявленіемъ, поданнымъ въ 1723 году въ синодъ Ѳ. Полликарповымъ: „Нинѣ любомудрымъ Вашего Святѣйшества тщаніемъ повсюду разсѣваются грамматикки славенскїя ради познаниа орфографїи и праворѣчія; по что можетъ дѣйствовать сама грамматика безъ наставника? и козь много преподавати оу нинѣ юнымъ охотниковъ обрѣтеса? Вонстину жатва многа, дѣлателей же мало“. (Знаменскій, *op. cit.*, стр. 128).

бованіе относительно грамматикъ и подавалъ совѣтъ, „ежели гдѣ таковыхъ учителей не обрѣтается“, отправить наиболѣе выдающихся учениковъ въ новгородскія училища „для обученія грамматическаго художества“ или выписать изъ Новгородской епархіи учителей ¹⁾).

Офіціальныя требованія вызвали появленіе новыхъ грамматикъ. Такъ, въ 1721 году была перепечатана, какъ уже сказано, съ незначительными измѣненіями грамматика Смотрицкаго. Эта передѣлка принадлежитъ Ѳеодору Поликарпову ²⁾).

Но не содержаніе грамматикъ Поликарпова можетъ привлечь наше вниманіе. Самымъ интереснымъ въ этой книгѣ является предисловіе, выясняющее причины ея выхода въ свѣтъ. „Понеже“, говоритъ издатель, „непостижимымъ промысломъ создателя нашего Бога (въ его же руцѣ цареве сердце) изволися любомудрѣйшему всероссійскому нашему Монарху, Петру, того имене и дѣль высокихъ Первому, чрезъ неусыпное его Царскаго Величества тщаніе, преславное и православное свое Государство, якоже иными военными высокими науками, и всякими нужными механическими хитростми украсити и обогатити. Тако и седми свободныхъ наукъ, еллинногреческа и латинска діалектовъ училищами паполнити. Въ нихъ же не точію грамматика, риторика, философія, но и самая теологія пвѣтеть взобилно. *А славенская грам-*

¹⁾ Знаменскій, *op. cit.*, стр. 129—130.

²⁾ Ѳ. Поликарповъ, ученикъ Лихудовъ, былъ сирващикомъ, а впоследствии занималъ мѣсто управляющаго Московской духовной типографіей. Въ 1701 г. издалъ въ Москвѣ букварь. Ему принадлежитъ много переводовъ. — О Поликарповѣ см. статью С. Н. Бранзовскаго въ *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1894 г., сентябрь, октябрь и ноябрь. Здѣсь указана и обширная библіографія о немъ.

Сравненіе грамматикъ Поликарпова и Смотрицкаго находится въ трудѣ Пекарскаго „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, т. II, № 448, стр. 501.

Въ концѣ предисловія къ изданію Ѳ. Поликарповъ говоритъ: „Сія трудовъ Мелетіевыхъ (негли же отъ части при помощи Божіей и нашихъ) вовновленная типою грамматика“. Но ничто самостоятельнаго Ѳ. Поликарповъ не далъ и ограничился ничтожными измѣненіями.

Грамматику Поликарпова можно найти въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки подъ знаками: VШ, 5, № 18а. Вотъ ея полное заглавіе: „Во славу святыхъ едносущныхъ, животворящихъ, и нераздѣлимыхъ троицъ, Отца и Сына и Святаго Духа: Повелѣніемъ Благочестивѣйшаго великаго Государя нашего Царя, и великаго Князя, Петра Алексіевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца. При благороднѣйшемъ великомъ князѣ Петрѣ Алексіевичѣ. Благословеніемъ же первосвященнымъ архіереевъ между патріаршествомъ. Напечатана книга сія грамматика, въ Царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ въ гдѣто отъ сотворенія міра 7229. Отъ рождества же по плоти Бога Слова 1721, виднѣта 14, мѣсяца февруаріа“.

матика въ тѣхъ училищахъ не преподававшая за оскуднѣніемъ книгъ, и отъ сего нужда зависить учащимся не малая. Ибо еще она грамматика и издава бѣше не единою печатію, но всегда времени продолженіемъ, едва идѣ обрѣтается, аки искра въ пепель сокрываема“.

Это — одна причина, вызвавшая печатаніе грамматики. Но вромѣ нея указана и другая, тѣсно связанная съ культурными потребностями Петровской эпохи: *„Яко любомудрыхъ російскихъ отроковъ, мнози нынѣ различная юсударства пчелоподобно облетающе, да оттуду соберуть себѣ благовонныя различныхъ ученій цвѣты, изъ нихже бы могли себѣ и прочимъ оныхъ желателямъ, сладкій, на славенскомъ діалектѣ, сотъ, преводомъ своимъ отъ различныхъ языковъ представити, но основательнаю къ преводу орудіа (грамматики) лишающася, и сами множицею того не получаютъ, и имыхъ не удостоятъ оныхъ наукъ доброту и силу видѣти. Смиѣ убо недостаткомъ обязани суще, мнози преводники покусившіися съ еллиногреческаго в яныхъ діалектовъ преводити, въ неудобопостижныхъ богословскихъ и догматственныхъ писаніяхъ, нидѣ же и во всторіалныхъ не мало погрѣшша, и погрѣшаютъ, якоже есть видѣти мнози приклады въ поправлевыхъ кнѣгахъ, Премудраго Максима грека, званіемъ и знаніемъ философа взяшнаго: и во имыхъ новаю превода кнѣгахъ и писаніяхъ“.*—Такимъ образомъ и здѣсь мы замѣчаемъ связь между школою и жизнью: школа пошла навстрѣчу запросамъ жизни.

Поликарповъ понималъ, что его рѣчь могутъ показаться многимъ обидными, что въ нихъ заподозрять стремленіе унизить нѣкоторыхъ труженниковъ литературы и другихъ болѣе или менѣе образованныхъ людей; поэтому, перечисляя достоинства грамматической науки, выясняя ея высокое значеніе и ссылаясь на многочисленныя авторитеты, Поликарповъ замѣчалъ: *„Сія малая отъ многихъ свидѣтельства предложася, не во укоризну грамматическаго искусства прежде сего не коснувшимъ, но во утѣшаніе будущимъ родомъ, да впредь сію нуждную науку, вначалѣ ученія своего изслѣдовати съ прилѣжаніемъ тшатся, аще хотятъ во премудромъ святыхъ книгъ писаніи стяжати ключъ разумѣнія“.*

Такъ въ словахъ Поликарпова старыя мотивы преподаванія грамматики, вызванныя церковными неурядицами въ области книгъ священнаго писанія, переплетались съ новыми, источникомъ которыхъ были реформы Петра ¹⁾).

¹⁾ Небезынтересно отмѣтити, что по епархіямъ было разослано 920 экземпляровъ грамматики Поликарпова. Опис. Арх. Свн., т. III, стр. 517.

Такъ или иначе, авторитетъ грамматикъ снова поднялся. Вотъ почему Поликарповъ, пользуясь словами древняго писателя, утверждалъ, что „всякаго безчестія сѣмъ достойни суть, иже сѣе ученіе тщимъ и непотребнымъ нарицають“, и обращался къ родителямъ и учителямъ съ такимъ увѣщаніемъ: „Наче же вамъ о чадолюбивіи родителіе, и трудолюбивіи дѣтей учителіе, сего смотрити и хранити усердно надлежитъ, яко да ваша чада и ученики по изученіи азбуки... во грамматикѣ вводити усердствуете. При нейже въ сочиненіи и писму російскому навькнетъ ученикъ, аще былъ бы и лѣнивый“¹⁾.

Подъ вліяніемъ официальныхъ требованій созданъ и другой грамматическій трудъ: „Грамматика Славенская въ кратцѣ собранная въ Грекославенской школѣ яже въ великомъ Новѣ градѣ при домѣ Ар-

¹⁾ Въ концѣ грамматикъ Поликарпова помѣщенъ въ подражаніе Смотрницкому образецъ грамматическаго разбора: „Чинъ технологіи, свѣчь художнаго собесѣдованія о осми частехъ слова, по вопросамъ и отвѣтамъ, употребляемаго“. Въ немъ на разборѣ молитвы Господней повторяется вся грамматика. Катехитическій методъ, предлагаемый Поликарповымъ, былъ не новъ.

Между прочимъ, въ Имп. Публ. Библ., въ рукописномъ отдѣленіи, за знаками VIII. 5. № 35^a, находится другая грамматика, содержаніе которой совершенно тождественно съ грамматикой Поликарпова. Она издана въ 1755 году въ епископіи Рымнической „въ пользу и употребленіе отроковъ Сербски желающихъ основательнаго наученія славенскаго діалекта“. Разница только въ заглавіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предисловія: слово „русскій“, напримѣръ, вездѣ замѣнено словомъ „сербскій“; вмѣсто текста: „любомудрыхъ російскихъ отроковъ мнози имѣтъ различныя государственна пчелоподобно облетающе“ сказано: „любомудрыхъ сербскихъ отроковъ мнози имѣтъ различная училища пчелоподобно облетающе“; мѣсто, гдѣ рѣчь идетъ о Петрѣ и о его заботахъ по народному просвѣщенію, передѣлано такъ: „Понеже въ училищахъ нашихъ Славенно Сербскихъ въ державахъ цесаро королевскихъ обрѣтающимся художное Грамматическое ученіе предъ нѣкоими дослѣ лѣти введено бывшее ради преміи время, наипачеже смутныхъ военныхъ обстоятельствъ не токмо пресѣклося, но и въ конечное забвеніе приводится начало бѣ тамъ наче; что всегда времени продолженіемъ Грамматическія книги, аще отъ прежнихъ времени въ доволномъ числѣ на сѣхъ краяхъ собираща, въ таковое оскуденіе приидоши, яко желающихъ сего Грамматическаго ученія едва гдѣ возможно быше обрѣсти Гнигу (sic!) сѣмъ Грамматикѣ“.

Слѣдовательно, эта грамматика была перепечатана съ труда Поликарпова, а не непосредственно съ грамматикъ М. Смотрницкаго. Ср. Н. Засаджевичъ. Мелетій Смотрницкій, какъ филологъ. Одесса 1883. Schaffarik. Geschichte der Slavischen Sprache und Litteratur nach allen Mundarten. 1-е изд. 1826 г., 2-е 1869, стр. 126, прим., и стр. 211. Новаковичъ. Писторија српске књижевности. Београд. 1871. Стр. 184.— Предисловіе, такимъ образомъ, буквально повторило слова Поликарпова, а не принадлежало карловацкому митроп. Павлу Ненадовичу, какъ это можно было предполагать по изложенію названнаго авторомъ.

хіерейскомъ. Повелѣніемъ Всепресвѣтлѣйшаго, Державнѣйшаго Государя нашего Петра Великаго, Отца Отечества, Императора и Самодержца Всероссийскаго. Благословіемъ же Свят. Прав. Всерос. Синода напечатана при Санктпетербургѣ въ Троицкомъ Александроневскомъ монастырѣ лѣта Рож. Христова 1723“¹⁾. Эту грамматику составилъ Федоръ Максимовъ, бывшій ученикъ Лихудовъ по Новгородской школѣ, а затѣмъ и самъ преподававшій въ ней.

Хотя грамматика Максимова представляетъ собою извлеченіе изъ труда Смотряцкаго, однако въ ней уже чувствуется *первый, еще робкій протестъ противъ безразборнаго увлеченія грамматическимъ матеріаломъ*. Максимовъ признаетъ, что грамматика „научаетъ насъ право писати, и въ разглагоствіяхъ безпогрѣшно глаголати, въ трудномъ же сочиненіи свободно разбирати и рассуждати, въ чуждыхъ діалектахъ свойства познавати, ясно и чисто на свой діалектъ переводити“. Онъ считаетъ вполне правильнымъ, что она во всѣхъ школахъ, „яко прочіихъ наукъ основаніе, люботщателемъ первѣе преподается“, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что прежняя грамматика „*отъ темъ въ ученіи возмнися быти продолжительна, а разуму и памяти ихъ множества ради отяготителна*“.

По этимъ соображеніямъ Максимовъ рѣшилъ „собрати отъ различныхъ въ кратцѣ сію грамматику, съ приложеніемъ простыхъ реченій, понеже въ ней обдержатся славенская реченія, російски в малѣ разумѣваема“. Последнія слова тоже своего рода знаменіе времени: въ нихъ можно видѣть стремленіе отойти отъ старославянской рѣчи и приблизиться къ русской.

Смѣлость Максимова дошла даже до того, что онъ въ отдѣлѣ просодіи оставилъ только ученіе объ удареніяхъ, надстрочныхъ знакахъ и знакахъ препинанія, а стихотворную просодію, которая уже вошла въ кругъ грамматическаго преподаванія, выкинулъ, такъ какъ она „славеномъ не нужна и едва употребляема“. Излишней ему казалась и вопросоотвѣтная система изложенія, пользовавшаяся сочувствіемъ у педагоговъ.

¹⁾ Находится въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библ., VII, 7, № 5а.

Въ „Описаніи Синод. Арх.“, т. III, № 439 находится, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія о печатаніи этой грамматики: Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ „тоє грамматику для общей въ російскомъ народѣ пользы въ обыкновенномъ числѣ книгъ печатать“. Напечатано было 1.200 экземпляровъ. Для типографіи экземпляръ стоилъ 8 алт. 2 ден., а продажная цѣна была назначена 11 алт. 4 ден.

Сравненіе грамматикъ Максимова и Смотряцкаго у Пекарскаго: „Наука и литература при Петрѣ Вел.“ т. I, стр. 185—186.

Изданныя грамматики удовлетворили, однако, далеко не всѣхъ ревнителей просвѣщенія. Вотъ что, напримѣръ, писалъ Посошковъ въ книгѣ „О скудости и о богатствѣ“ (1724 г.): „Его Императорскому Величеству надлежитъ *постараться о грамматикѣ*, чтобъ принудить ее выправить добрымъ расположеніемъ..., чтобъ и безъ учителя можно познать всякіе падежи и склоненія, и тако исправя ону... *Нынѣ есть напечатано въ Москвѣ тысячъ пять-шесть грамматикъ, да Богъ стѣтъ какія*; на печатномъ дворѣ командиры напечатали ее толь просто, что безъ учителя и орографіи не можно растолковать и научитися, чтобъ по ней правописаніе разумѣть. Къ томужь еще и бумагу положили въ нихъ самую плохую, коя ни куда, кромѣ черныхъ писемъ по нуждѣ, что развѣ на такой бумагѣ календари печатать, потому что они на одинъ только годъ печатаются, а *грамматика—дѣло высокое и прочное*: и того ради и печатать ее надлежитъ на самой доброй бумагѣ, чтобы она прочна была“¹⁾.

Такое заботливое отношеніе къ грамматикѣ исполнѣ понятно. На нее возлагались серьезныя надежды. Нѣкоторые думали, что если „положить недвижмый предѣлъ: буде кой человекъ школьнаго ученія не принесъ, и грамматическаго разумѣнія не научился, таковыхъ бы отнюдь въ пресвитеры и діаконы не посвящати“, то „таконимъ способомъ вся Россія можетъ умудряться не весьма многими лѣтми; и сіе преславное дѣло трудно токмо начать, да основати, а тамо будетъ оно уже и само правитися; понеже *ученіе грамматическое и прочія науки умнымъ и острымъ людямъ весьма азотно и любезно бываетъ. И егда священничестіи дѣти и прочіе церковники научатся грамматическаю ученія и книжнаю разумѣнія навыкнутъ всесовершенно, то и о частяхъ своей прилежнѣ будутъ пецися, дабы адскіе волки не распудили ихъ*“²⁾.

Временный перерывъ въ грамматическомъ преподаваніи въ эпоху Петра Великаго объясняется характеромъ его просвѣтительной дѣятельности: онъ стремился, главнымъ образомъ, распространять такія знанія, которыя имѣли прикладное значеніе.

Утвержденію объ ослабленіи грамматическаго преподаванія въ царствованіе Петра нисколько не противорѣчатъ факты учрежденія школъ для изученія японскаго и монгольскаго языковъ, посылка молодыхъ людей для изученія китайскаго, турецкаго и персидскаго, и т. п. Со

¹⁾ *Посошковъ. Сочиненія. М. 1842. Т. I, стр. 11.*

²⁾ *Тамъ же, стр. 12.*

всѣмъ этимъ были связаны чисто-практическія цѣли, для которыхъ теоретическое изученіе „славенской“ грамматики вовсе не было нужно. И только, какъ мы видѣли, въ концѣ царствованія Петра снова стали, по выраженію Посошкова, „стараться о грамматикѣ“.

О вей, прежде всего, заставила вспомнить обнаружившаяся потребность въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ, а кромѣ того, когда острый періодъ обновленія прошелъ, явилось сознаніе необходимости общаго образованія; возможно, наконецъ, что грамматическое преподаваніе должно было поднять уровень образованія духовенства, по крайней мѣрѣ на это надѣялся Посошковъ. Но и въ этомъ направленіи чувствуется утилитарный характеръ Петровской эпохи: недаромъ Максимовъ въ своемъ трудѣ осмѣлился откинуть все съ его точки зрѣнія „зѣло пространное“ и написалъ сокращенную грамматику, въ тѣхъ видахъ, что раньше вводилось много ненужнаго, что благодаря этому „конецъ и чрезъ многое время съ немалымъ трудомъ достигался“.

Въ первые годы послѣ смерти Петра никакихъ измѣненій въ области преподаванія грамматики не происходило. Впрочемъ, матеріалы, относящіеся къ этой эпохѣ, довольно скудны и позволяютъ дѣлать только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Такъ, въ 1727 г. состоялось Высочайшее повелѣніе Синоду подать немедленно въ Верховный Тайный Совѣтъ вѣдомость „при всѣхъ ли епархіяхъ школы и ученики по силѣ Духовнаго Регламента содержатся и сколько въ которой епархіи тѣхъ учениковъ сначала было и нынѣ обрѣтается, до какихъ наукъ произошли и въ какое достоинство куда произведены“ ¹⁾. Синодъ разослалъ указы по епархіямъ и вскорѣ получилъ отвѣты, изъ которыхъ видно, что большинство учениковъ изучаютъ или „произошли“ „грекословенски грамматику“, „словено-россійскую“ или „словенскую грамматику“, одни цѣликомъ, другіе частію. Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ болѣе обстоятельно указывается, что въ школахъ изучаютъ „букварей наизусть и толкованій грамматическихъ четырехъ статей: орографіи, этимологій, просодій орографійной и синтаксисъ, осми частей слова, уравненія, окончаній родовъ, склоненій“, спряженій“ ²⁾. Такимъ образомъ, школьная практика сохраняла старое направленіе въ преподаваніи грамматики.

Новгородская школа, видимо, попрежнему, являлась разсадникомъ учителей. По крайней мѣрѣ, въ отчетѣ рязанской епархіи ска-

¹⁾ Опис. Синод. Арх., т. VII, стр. 238. Ср. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т. 69. Дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта, стр. 66.

²⁾ Тамъ же, прилож. № VIII.

зано по поводу одной школы, что „до 1726 году въ оной священно-служительскихъ и причетническихъ дѣтей грамматикъ и прочихъ въ пошанію священнаго писанія наукъ обучать было некому“, и потому въ 1724 г. „три человека для означеннаго обученія посланы въ Новгородскую школу“ ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ школы или совсѣмъ отсутствовали или были только начальныя, въ которыхъ некому было преподавать грамматику. Въ Вятской, напримѣръ, обучали только „словенской азбуку, часослова, букварямъ, псалтири, толкованія блаженствъ евангельскихъ, писать. А болѣе оныхъ наукъ, за неимѣніемъ въ той епархіи учителя, учить некому“ ²⁾.

Изъ Переяславской доносили, что „въ донѣ архіерейскомъ школы и учениковъ не имѣется и содержать оныхъ за скудостью не на чѣмъ“ ³⁾. Изъ Астраханской тоже шли неутѣшительныя вѣсти: „Школъ въ Астрахани не построено и учениковъ нѣкого не имѣлось и нынѣ не имѣется, да и построить оныхъ школъ и учениковъ содержать не чѣмъ“ ⁴⁾.

Скоро школьное дѣло стало совсѣмъ падать. Этому способствовали съ одной стороны экономическія причины, а съ другой ослабленіе интереса къ просвѣщенію въ сферахъ правительственныхъ ⁵⁾. Въ 1730 году мы сталкиваемся уже съ поразительнымъ фактомъ: въ этомъ году ректоръ Московскихъ славено-греко-латинскихъ школъ сообщалъ Синоду, что „число учениковъ во всей академіи зто уменьшилось и ученія распространеніе пресѣкается“ ⁶⁾. Въ 1731 году Синоду доносили, что „въ славено-греко-латинской Московской академіи не токмо, что въ латинскихъ школахъ лексиконовъ казенныхъ, но и

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же.—Въ 1833 г. изъ Астрахани писали въ Синодъ о томъ же. См. Опис. Сив. Арх., т. X, стр. 624.

⁵⁾ Дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта, напечатанныя въ Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., показываютъ, что просвѣщеніе мало интересовало правительство. Уже въ 1826 году Тайный Совѣтъ объявилъ Синоду, „чтобы по представленію адмиралтействъ коллегіи вѣдѣющимся во всемъ государствѣ для ученія приказныхъ и прочихъ чиновъ людей дѣтей дыфери и геометріи школамъ и во оныхъ обрѣтающимся учителямъ и ученикамъ быть въ вѣдѣніи Синода и соединить тѣ школы съ семинаріемъ и школами церковными“. (Сб. И. Р. И. О., т. 69, стр. 67. Ср. Полн. Собр. постан. и распоряж. по вѣд. правосл. испов., т. V, № 1858). — Синодъ просилъ освободить его отъ этой обязанности.

⁶⁾ Описаніе Сивод. Арх., т. X, стр. 622.

въ російской школѣ азбука, часослововъ и псалтырей не виѣтся, а собственнымъ за скудостію ученики купить не могутъ, отчего и учению ихъ виѣтся препятствіе не малое“¹⁾. Въ 1740 году Синодъ извѣщалъ Кабинетъ Ея Величества, что въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ духовныхъ школъ²⁾, и т. д.

Отчеты типографій³⁾ показываютъ, что новыхъ грамматикъ послѣ смерти Петра не печаталось. Такъ, напримѣръ, изъ отчетовъ Московской типографіи 1730 и 1731 гг. видно, что здѣсь съ 1721 года грамматикъ не выпускали⁴⁾. Въ вѣдомостяхъ о книгахъ по той же типографіи за 1741—1755 гг. упоминается 14 экземпляровъ грамматикъ, имѣющихся въ наличности, но объ изданіи не говорится⁵⁾. Въ вѣдомостяхъ Московской типографской конторы о выходѣ изъ печати различныхъ учебныхъ книгъ за 1749—1751 гг. грамматика совершенно не упоминается⁶⁾. То же находимъ и въ отчетахъ другихъ типографій.

Очевидно, о славянской грамматикѣ мало-по-малу забыли. Въ отчетѣ 1735 года объ имѣющихся въ Александроневской семинаріи учебникахъ указано, чему ученики обучаются: изъ него видно, что латинской грамматикѣ въ это время здѣсь еще учили, но по-русски занимались только чтеніемъ и письмомъ. Если такъ обстояло дѣло въ центрѣ, то, вѣроятно, не лучше было и въ большинствѣ провинціальныхъ школъ.

V.

Какъ ни печально было положеніе школьнаго дѣла послѣ Петра, однако то просвѣтительное движеніе, которое началось при немъ, заглухнуть уже не могло. Если школа постепенно теряла свое значеніе, то на сцену выступалъ новый могущественный факторъ—литература. Литературнымъ дѣятелемъ той эпохи естественно было на первыхъ же порахъ столкнуться съ вопросомъ о языкѣ: старшій литературный языкъ казался уже обветшалымъ, нужно было вырабо-

¹⁾ Тамъ же, т. XI, стр. 725.

²⁾ Тамъ же, т. XX, стр. 32.

³⁾ Московской Синодальной, Кіево-Печерской, Сенатской. Академіи наукъ. Очень много этихъ отчетовъ напечатано въ Опис. Синод. Арх.

⁴⁾ Опис. Синод. Арх., т. X, стр. 1085—1094; т. XI, стр. 725.

⁵⁾ Тамъ же, т. XX, прил. II. Въ 1747 году изъ 14 оставалось пять. Тѣ же пять упоминаются и въ 1750 году.

⁶⁾ Тамъ же, т. XXXI, стр. 533—536.

тать новый. „Посмотрите отъ Петра Великаго лѣтъ на многія прошедшія годы; то размысливши увидите ясно, что совершеннѣйшій сталъ въ Петровы лѣта языкъ, нежели въ бывшія прежде“—съ такими словами обращался къ своимъ слушателямъ Тредьяковскій при открытіи въ 1735 году „Россійскаго Собранія“. „Не великая ль удобность“, говорилъ онъ, „къ начатію Грамматикъ?“¹⁾

Тредьяковскій, очевидно, былъ въ данномъ случаѣ выразителемъ опредѣлявшагося литературнаго направленія. Этимъ только и объясняется обиліе разсужденій на грамматическія темы у представителей нашего знаменитаго литературнаго триумвирата—Тредьяковского, Ломоносова и Сумарокова²⁾.

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, несмотря на разнообразіе темъ, замѣчается одна характерная черта—стремленіе создать *національный* литературный языкъ, освободиться отъ чуждаго вліянія. Національно-литературное самосознаніе, такимъ образомъ, начинало уже замѣтно пробуждаться. „Россійская ортографія ні самая малая нужды не имѣеть слѣдовать всякой чужой ортографіи“, писалъ Тредьяковскій въ „Разговорѣ о правописаніи“³⁾. Въ предисловіи къ книгѣ „Бада въ островъ любви“ онъ еще ярче обнаружилъ эту національную тенденцію и предлагалъ читателю не гнѣваться, что онъ „оную не славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Рускимъ слѣвомъ, то есть каковымъ мы межъ собою говоримъ“. Свою смѣлость онъ оправдывалъ слѣдующими соображеніями: 1) „языкъ славенскон у насъ есть языкъ церковнон“, 2) „языкъ славенскон въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь темень и многія его наши читая не ра-

¹⁾ „Рѣчь о чистотѣ Россійскаго языка“. Сочиненія, изд. Смирдина, 1849 г., т. I, стр. 265—266.

²⁾ У Тредьяковского: „Рѣчь о чистотѣ Россійскаго языка“; „Разговоръ о правописаніи“; „О первенствѣ словенскаго языка предъ тевтоническимъ“; предисловіе къ переводу французскаго сочиненія „Бада въ островъ любви“; „Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи Россійскомъ“; „De plurali nominum adjectivorum integrorum Russica lingua scribendorum terminatione“; „Объ окончаніи прилагательныхъ именъ цѣлыхъ, мужскаго рода, множественнаго числа, и о двухъ нѣкоторыхъ разностяхъ, до правописанія принадлежащихъ“.

У Сумарокова: „О астребленіи чужихъ словъ въ Русскаго языка“; „О коренныхъ словахъ Русскаго языка“; „Истолкованіе личныхъ исторіи“; „Къ типографскимъ наборщикамъ“; „Епистола о Русскомъ языкѣ“; „О правописаніи“; „Наставленіе ученикамъ“; „О стопосложеніи“.

³⁾ Сочиненія, т. III, стр. 79.—Это было тѣмъ болѣе важно, что въ прежнихъ грамматикахъ рекомендовалось „опасно блюсти“ въ греческихъ словахъ греческую, въ латинскихъ—латинскую, въ еврейскихъ—еврейскую ортографію.

зумѣють“, 8) „языкъ славянскон нынѣ жестокъ мнѣ ушамъ слышится“¹⁾).

Защищаль русскій языкъ отъ иноземнаго вліянія и Сумароковъ: „Воспріятіе чужихъ словъ“, писалъ онъ (правда, въ болѣе позднюю пору), „а особливо безъ необходимости, есть не обогащеніе, но порча языка... Языкъ нашъ только сею зараженъ язвою, что и теперь вычищать его трудно“²⁾. То же онъ повторилъ и въ „Епистолѣ о Русскомъ языкѣ“:

„Довольно нашъ языкъ въ себѣ имѣетъ словъ;
Но нѣтъ довольнаго числа на немъ писцовъ.
Однѣхъ послѣдую несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію Россійскую Палладу,
И мнѣ, что тѣмъ онъ сѣ пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ее беретъ.
Другой не выучася такъ грамотѣ, какъ должно,
Порусски, думаетъ, всего сказать не можно,
И взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплѣтаетъ рѣчь.

.....
Имѣетъ въ слогахъ всякъ различіе народъ.
Что очень хорошо на языкѣ французскомъ,
То можетъ въ точности быть скаредно на Русскомъ“³⁾.

Это движеніе, какъ мы уже отмѣтили, началось еще съ 30-хъ годовъ. „Россійское Собраніе“ при Академіи наукъ должно было, по примѣру французской академіи, „радѣть о возможномъ дополненіи русскаго языка, о его чистотѣ, красотѣ и желаемомъ потомъ совершенствѣ“. Первой его обязанностью являлось сочиненіе „грамматики доброй и исправной“ и „лексикона полнаго и довольнаго“, какъ говорилъ Тредьяковскій⁴⁾. Создавалось мало-по-малу убѣжденіе, что только такимъ путемъ можно „въ совершенство приводить нашъ языкъ“⁵⁾.

¹⁾ Сочиненія, т. III, стр. 649.

²⁾ Сочиненія, изд. 1787 г., т. IX, стр. 244—248: „О истребленіи чужихъ словъ изъ Русскаго языка“.—Со временъ Петра и до Екатерины II въ русскій языкъ вторглась масса варваризмовъ. Припомнимъ сатирическіе журналы Екатерининской эпохи, „Бригадиръ“ Фонвизина и т. п. произведенія, гдѣ высмѣивается пристрастіе къ иностраннымъ словамъ. Сумароковъ приводитъ такой примѣръ: „Я въ цитракинн и дезеспере; Аманта моя здѣлала мнѣ нифиделитс: а я а ку сюръ противъ ривала сиво-ево буду реванжироваться“.

³⁾ Сочиненія, т. I, 331—335.

⁴⁾ Сочиненія, т. I, стр. 260.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 261.

Благодаря этому интересу въ вопросамъ языка была подготовлена почва для появленія труда Ломоносова „Россійская Грамматика“, которая произвела цѣлый переворотъ какъ въ ученѣмъ и литературномъ, такъ и въ педагогическомъ мѣрѣ. Даже врагъ Ломоносова, Сумароковъ, хотя и говорилъ, что „многія не размышляя ево ошибки приняли украшеніемъ шитическимъ и употребляютъ оныя къ безобразію нашего языка“¹⁾, однако долженъ былъ признать, что грамматика Ломоносова стала закономъ для писателей и что „по ево правиламъ начали писати“²⁾.

До 1800 года грамматика Ломоносова выдержала 8 изданій³⁾. Могла бы выдержать и больше, если бы спросъ своевременно удовлетворялся. По крайней мѣрѣ, въ журналѣ Канцеляріи Академіи Наукъ 17-го октября 1763 года говорится, что „напечатанная Россійская Грамматика господина коллежскаго совѣтника Ломоносова въ продажу вся вышла, а многіе охотники купить ее желаютъ“. То же подтверждается журналомъ 26-го мая 1764 года, въ которомъ указывается, что „многіе желаютъ книгъ сочиненія господина статскаго совѣтника Ломоносова Риторики и Грамматики, а оныхъ, за продажу, въ книжной лавкѣ отъ давняго времени нѣтъ“⁴⁾.

Вотъ какъ опредѣляютъ значеніе грамматки Ломоносова митрополитъ Евгенийъ и Ѳ. И. Буслаевъ: Ломоносовъ, пишетъ Евгенийъ, „сочинилъ *первую для Россійскаго языка грамматику*; до него были въ Россіи только славянскія грамматики: Зизанія, Смотрицкаго и Максимова, изъ коихъ нельзя было извлечь правилъ для русскаго языка, имѣющаго многія отлічія, и во время Ломоносова получившаго уже столько различныхъ новыхъ оборотовъ выраженія и слога, что каждый по произволу выдумывалъ и употреблялъ ихъ. Между писателями завелся споръ о правописаніи и грамматической аналогіи, такъ что трудно было всѣмъ угодить правилами, ... но большая часть правилъ Ломоносова осталась въ нашей грамматикѣ“⁵⁾.

Ѳ. И. Буслаевъ говоритъ, что подробности грамматки Ломоносова, „впервые собранныя изъ устъ народа съ необыкновенной про-

¹⁾ Сочиненія, изд. 1787 г., т. X, стр. 7.

²⁾ Тамъ же, стр. 37.

³⁾ Изъ нихъ четыре изданія помѣчены 1755 г.; *пятое* — въ „Собраніи сочиненій Ломоносова“ 1787 г., ч. VI; *шестое* — С.-Пб. 1788; *седьмое* — въ „Собраніи сочиненій Ломоносова“ 1794 г., ч. VI; *восьмое* — С.-Пб. 1797.

⁴⁾ Сочиненія М. В. Ломоносова. Изд. И. А. Н. С.-Пб. 1898, т. IV, прил. стр. 36—37.

⁵⁾ Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей. 1845. Т. II, стр. 22—23.

нищательностью, ученою и артистическою тонкостью художника, и впервые искусно приведенныя въ стройную систему, составляют самое существенное достоинство этой книги. Съ точки зрѣнія современной лингвистики не удивительно было бы найти слабыя стороны въ книгѣ, составленной еще въ то время, когда не знали ни исторіи языка, ни сравнительной грамматики. Напротивъ того, гораздо удивительнѣе то, какъ ея гениальный авторъ умѣлъ предупредить грозившую ему въ будущемъ ученую критику, удержавшись отъ теоретическихъ ошибокъ своего времени и ограничившись скромною задачей—точно и мѣтко объяснять для практики только свою родную рѣчь. И въ этомъ-то именно отношеніи Грамматика Ломоносова не только не утратила своего ученаго значенія, но и до сихъ поръ по частямъ передается въ обученіи новымъ поколѣніямъ по позднѣйшимъ руководствамъ, для которыхъ выдержки изъ этой книги составляютъ лучшее украшеніе“¹⁾).

Дѣйствительно, грамматика Ломоносова составила эпоху: это была первая научная попытка создать грамматику *русскаго* языка. Въ виду исключительнаго значенія труда Ломоносова и его вліянія на школьное преподаваніе намъ придется на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Для выясненія построенія и опредѣленія содержанія Ломоносовской грамматики удобнѣе всего привести оглавленіе, помѣщенное въ первомъ изданіи 1755 года въ такомъ видѣ:

Наставленіе первое.

О человѣческомъ словѣ вообще.

Глава 1. О голосѣ.

- „ 2. О выговорѣ и нераздѣлимыхъ частяхъ человѣческаго слова.
- „ 3. О сложеніи нераздѣлимыхъ частей слова.
- „ 4. О знаменательныхъ частяхъ слова.
- „ 5. О сложеніи знаменательныхъ частей слова.

Наставленіе второе.

О чтеніи и правописаніи Россійскомъ.

Глава 1. О азбукѣ Россійской.

- „ 2. О произношеніи буквъ Россійскихъ.
- „ 3. О складахъ и реченіяхъ.

¹⁾ Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова. 1865. „Ломоносовъ, какъ грамматикъ“, Ф. И. Буслаева, стр. 71—74.—Грамматика Ломоносова была переве-

- Глава 4. О знакахъ.
 „ 5. О правописаніи.

Наставленіе третье.

- Глава 1. О родахъ именъ.
 „ 2. О склоненіяхъ.
 „ 3. Содержащая особливья правила склоненій.
 „ 4. О уравненіяхъ.
 „ 5. О производеніи притяжательныхъ, отечественныхъ и оточескихъ именъ, и женскихъ отъ мужскихъ.
 „ 6. О именахъ увеличительныхъ и умалительныхъ.
 „ 7. О именахъ числительныхъ.

Наставленіе четвертое.

О глаголѣ.

- Глава 1. О свойствахъ глагола вообще.
 „ 2. О первомъ спряженіи простыхъ глаголовъ.
 „ 3. О второмъ спряженіи простыхъ глаголовъ.
 „ 4. О глаголахъ сложенныхъ обоюго спряженія.
 „ 5. О неправильныхъ и неполныхъ глаголахъ.

Наставленіе пятое.

О служебныхъ частяхъ слова.

- Глава 1. О мѣстоименіи.
 „ 2. О причастіи.
 „ 3. О нарѣчій.
 „ 4. О предлогѣ.
 „ 5. О союзѣ.
 „ 6. О междуметіи.

Наставленіе шестое.

О сочиненіи частей слова.

- Глава 1. О сочиненіи частей слова вообще.
 „ 2. О сочиненіи именъ.
 „ 3. О сочиненіи глаголовъ.

доль на грѣцкій языкъ Ставекгаемомъ въ 1764 году и на новогреческій Михаилъ Анастасомъ въ 1804 году.

Глава 4. О сочиненіи служебныхъ частей слова.

5. О сочиненіи частей слова по разнымъ обстоятельствамъ.

Этотъ стройный планъ дался Ломоносову послѣ многолѣтняго упорнаго труда. Черновые наброски, дошедшіе до насъ, свидѣлствуютъ о томъ, что онъ тщательно разсмотрѣлъ весь матеріалъ, какой только могъ быть ему доступенъ. Въ методѣ работы виденъ ученый, привыкшій *исходить* изъ явленій, а не *подгонять* ихъ подъ готовые формулы, дѣленія и опредѣленія. Онъ внимательно собираетъ факты языка, классифицируетъ ихъ и только послѣ этого дѣлаетъ тотъ или другой выводъ. Если въ иныхъ отдѣлахъ, напримеръ, въ ученіи о глаголѣ, замѣчается нѣкоторая искусственная сложность, то она обусловливается не догматичностью работы, а сложностью самихъ фактовъ. Во многихъ же другихъ отношеніяхъ грамматика Ломоносова неизмѣримо выше современныхъ намъ школьныхъ.

Обратимся къ содержанію ея.

Въ *первомъ наставленіи* рѣчь идетъ о звукахъ, при чемъ Ломоносовъ пытается распредѣлить ихъ по органамъ произношенія ¹⁾; затѣмъ о слогахъ и о частяхъ рѣчи.

Частей рѣчи онъ насчитываетъ 8, какъ и прежде: имя, мѣстоименіе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междуметіе. *Имя прилагательное* и *имя числительное* упоминаются, но, какъ и *имя существительное*, не являются еще отдѣльными частями рѣчи. *Имя и глаголъ* Ломоносовъ называетъ *главными*, а *остальныя*—*служебными* частями слова. Въ именахъ прилагательныхъ отмѣчается три *степени*: *положительный*, *рассудительный* (наша сравн.) и *превосходный* ²⁾. *Чисель* Ломоносовъ признаетъ два, *падежей*—семь, причемъ впервые вводитъ терминъ *предложный падежь*; такимъ образомъ и число и названія падежей у него совпадаютъ съ теперешними. *Родовъ*—три. *Временъ*—десять. *Наклоненій*—три: изъявительное, повелительное,

¹⁾ Это распредѣленіе гораздо правильнѣе современнаго школьнаго. Напримеръ, согласныя у него раздѣляются такъ:

Губныя. Б, В, М, П, Ф. Сюда принадлежатъ и та согласная, которую для остановки конского произносятъ.

Зубныя. Ж, З, С, Ш.

Язычныя. Д, Л, Н, Р, Т, Ц, Ч.

Подобныя. Г (въ словѣ *глазъ*), К.

Гортанныя. Г (въ *блато*), Х.

²⁾ Слово „степень“ было мужск. рода.

неопредѣленное ¹⁾. *Залоговъ* — три: дѣйствительный, страдательный и средний ²⁾. *Спряжений* — два. Заканчивается этотъ отдѣлъ „сложеніемъ знаменательныхъ частей слова“, подѣ которыми нужно разумѣть нѣкоторыя элементарныя замѣчанія о синтаксисѣ простаго и сложнаго предложенія. Однако терминовъ здѣсь нѣтъ: Ломоносовъ пытается только выяснитъ *психологическія* основы построенія *простаго* и *сложнаго*. Въ заключительныхъ словахъ „перваго наставленія“ Ломоносовъ даетъ опредѣленіе понятія „грамматика“: „Общая Грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова, а особливая, какова Россійская, Грамматика есть знаніе, какъ говорить и писать чисто Россійскимъ языкомъ по лутчему, рассудительному его употребленію“ (§ 86).

Второе наставленіе касается *чтенія* и *правописанія Россійскаго*. Здѣсь дается классификація буквъ, изслѣдуется ихъ произношеніе, указывается способъ дѣленія словъ на слоги ³⁾, говорится о знакахъ препинанія и наконецъ дѣлается попытка научно подойти къ вопросамъ правописанія. При этомъ Ломоносовъ приводитъ главнѣйшія орфографическія правила ⁴⁾.

¹⁾ Терминъ „составительное“ у Ломоносова есть, но это наклоненіе онъ не считаетъ свойственнымъ русскому языку.

²⁾ По поводу залоговъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что въ этотъ отдѣлъ прежніе сочинители много ввели *неисправностей*, „послѣдуя греческому и латинскому свойству“ (§ 73).

³⁾ Этотъ способъ довольно простъ и не лишень остроумія: „Сіе“, говоритъ Л. „можно различитъ *началомъ, сложениемъ, окончаніемъ* реченій и *усугубленіемъ* буквъ. 1) *Началомъ*, причитаются тѣ согласныя буквы къ послѣдующей самогласной, съ которыхъ есть начинающееся какое-нибудь реченіе въ Россійскомъ языкѣ, тѣмъ же порядкомъ согласныхъ, напримѣръ: *у-жа-смый, чу-дмый, дря-хлмый, мо-пчу*: ибо отъ согласныхъ *см, дм, хл, пч*, начинаются реченія, *смѣлъ, дмо, хлѣбъ, пчела*. 2) *Сложениемъ*, что предлоги по складамъ всегда отдѣляются отъ частей слова, съ которыми она сложены; хотя бы вышесказанному правилу противно было, напр. *воз-мому* а не *во-мому*; несмотря на то, что отъ *зм, змаю, змой*, начинаются. 3) *Окончаніемъ*, когда въ производномъ реченіи приращенныхъ согласныхъ буквъ нѣтъ въ первообразномъ, тѣ относятся къ слѣдующимъ самогласнымъ, напр. *по-теор-ство, ноч-мый, ма-стре-шмый, раз-лич-мый* и проч. 4) *Усугубленныя* буквы всегда по буквамъ раздѣляются, одна къ предыдущему, другая къ слѣдующему: *стран-мый, Ахил-лестъ*“ (§ 106).

⁴⁾ Главнѣйшими средствами при изученіи орфографіи Ломоносовъ считаетъ знаніе грамматики и чтеніе книгъ: „составительное“, говоритъ онъ, „что для избѣжанія погрѣшностей не можно предписать другихъ правилъ, кромѣ прилѣжнаго ученія Россійской граммати, и чтенія книгъ церковныхъ, безъ чего и во всемъ Россійскомъ словѣ никто тверды и слезы быть не можетъ“ (§ 116). Ср. § 117.

Третье наставленіе посвящено имени. Ломоносовъ устанавливаетъ 5 склоненій— четыре существительныхъ я одно прилагательныхъ.

Къ *первому* относятся существительныя на *а, я*, (м. в ж. р.), ко *второму* — на *ъ, ѳ*, (м. р.), *й* и на *е, ie, о*; къ *третьему* — слова среднего рода на *я*; къ *четвертому*—женскаго рода на *ь*.—Сдѣлано очень много замѣчаній объ „особливыхъ правилахъ склоненій“, въ которыхъ Ломоносовъ проявилъ тонкое филологическое чутье.

Склоненіе прилагательныхъ отличается отъ нашего въ некоторымъ мелочами, отчасти фонетическаго, отчасти орфографическаго характера. Такъ, для им. пад. ед. ч. мужскаго рода допускаются два окончанія *ый* и *ой* (*истинный* или *истинной*), а для мягкаго — *ей* (*прежней*); род. пад. женск. р. ед. ч. кромѣ русскаго окончанія *ой* имѣеть и старославянское *ья* (*истинная* или *истинной*), им. мн. ч. для всѣхъ родовъ оканчивается безразлично на *е* или *я*.

Въ ученіи о степеняхъ сравненія съ точки зрѣнія исторіи литературнаго языка любопытны слѣдующія замѣчанія: „Новыя превосходныя, съ польскаго языка взятая, съ приложеніемъ *нам*, *наилутшій*, *наичистыйшій*, Россійскому слуху непріятны“ (§ 216). „Нерѣдко ради двухъ или трехъ *е*, первые склады составляющихъ, вмѣсто *не* употребляется *яе*: *блекляе*, *свѣтляе*. Однако в *блекляе*, *свѣтляе*, равное или и лутчее достоинство имѣють“ (§ 218) ¹⁾. „Прилагательныя, отъ матеріи происходящія, ни рассудительнаго, ни превосходнаго степени не имѣють, какъ: *золотой*, *дубовой*; нельзя сказать, *золотѣе*, *дубовѣе*“ (§ 226).

Въ разсужденіи Ломоносова объ именахъ *увеличительныхъ* и *умалительныхъ* указывается еще подраздѣленіе умалительныхъ на *ласкательныя* и *презирательныя* ²⁾.

Имена числительныя раздѣляются Ломоносовымъ на *первообразныя* и *производныя*, т. е. наши *количественныя* и *порядковыя*. Склоненіе ихъ связывается или со склоненіемъ существительныхъ или со

¹⁾ Такое допущеніе народныхъ формъ въ литературный языкъ вызвало замѣчаніе Сумарокова, что Ломоносовъ „московское нарѣчіе въ колмогорское превратилъ“.

²⁾ Этотъ отдѣлъ тоже очень важенъ для исторіи литературнаго языка. Въ *увеличительныхъ*, которыя „значать вещь грубую“, Ломоносовъ даетъ три окончанія: *ище*, *има*, *имище* (*столъ*, *столище*, *столина*, *столиннще*; *рука*, *ручище*, *ручища*, *ручиннще*); *ласкательныя* имѣють окончанія *икъ*, *юкъ*, *окъ*, *чикъ* (*столпкъ*, *куліюкъ*, *зубокъ*, *кафтанчикъ*), *ка*, *ыка*, *ушка* (*головка*, *головышка*, *головушка*), *ко*, *чо*, *чко*, *ушко* (*слово*, *словечко*, *словечушко*); *презирательныя* „кончатся на *имко* и *енко*, и рода суть сомнительнаго“ (*вашъ столышко*, *наша скатертишко*, *старое пивенцо*, *драхлое стариченло*, *старое бабенцо*, *утлое суднышко*). §§ 246, 247 и 248.

склоненіемъ прилагательныхъ. Отъ нашего склоненія отстываетъ въ схемахъ Ломоносова склоненіе *сорока, девяноста, ста* ¹⁾.

Наиболѣе сложнымъ является *наставленіе четвертое*, въ которомъ рѣчь идетъ о глаголѣ.

Признавая, какъ уже было сказано, три наклоненія ²⁾, Ломоносовъ установилъ десять временъ: 1) настоящее: *трясу, мотаю, бросаю, плещу*; 2) прошедшее неопредѣленное: *трясь, моталъ, бросалъ, плескалъ*; 3) прошедшее однократное: *тряхнулъ, мотнулъ, бросилъ, плеснулъ*; 4) давно прошедшее первое: *тряхивалъ, мотывалъ, брасывалъ, плескивалъ*; 5) давно прошедшее второе: *бывало трясъ, бывало моталъ, бросалъ, плескалъ*; 6) давно прошедшее третье: *бывало трясывалъ, мотывалъ, брасывалъ, плескивалъ*; 7) будущее неопредѣленное: *буду трясти, стану мотать, бросать, плескать*; 8) будущее однократное: *тряхну, мотну, брошу, плесну*; 9) прошедшее совершенное, напримѣръ: *написалъ отъ пишу*; 10) будущее совершенное: *напишу* (§ 268). Какъ видимъ, сложность ученія о временахъ обусловилась отсутствіемъ ученія о видахъ.

Исходя изъ трехъ *главныхъ* залоговъ, Ломоносовъ насчитываетъ ихъ шесть: дѣйствительный, средний, страдательный, возвратный, взаимный и общій. Различеніе ихъ совпадаетъ съ нашимъ школьнымъ.

¹⁾ Вотъ какъ они склоняются у Ломоносова:

Единственное число.

Им. сорокъ,	девяносто.	сто.
Род. сорока,	девяноста,	ста.
Дат. сороку.	девяносту.	сту.
Вин. сорокъ,	девяносто.	сто.
Твор. сороками,	девяностои,	стои.
Пред. сорокъ.	девяности,	сти.

Множественное число.

Им. сороки,	ста.
Род. сороковъ.	сотъ.
Дат. сорокамъ,	стамъ.
Вин. сороки.	ста.
Твор. сороками.	стами.
Пред. сорокъ.	стахъ.

²⁾ „Желательнаго и сослагательнаго наклоненій въ Россійскомъ языкѣ особенныхъ нѣтъ; но вмѣсто оныхъ употребляютъ изъявительное съ приложеніемъ союзовъ: *когдабы, дабы, естъли, буде* и проч.“ (§ 267).

Такое же совпаденіе замѣчается и почти во всѣхъ другвхъ частяхъ ученія о глаголахъ ¹⁾.

Въ *наставленіи пятомъ*, гдѣ говорится объ остальныхъ частяхъ рѣчи, слѣдуетъ обратить вниманіе прежде всего на мѣстоименіе. Ломоносовъ точно устанавливаетъ число мѣстоименій—*девятнадцать* ²⁾ и дѣлитъ ихъ на *указательныя* (я, ты, онъ, самъ, сей, тотъ), *возносительныя* (которой, кой, оный), *возвратительныя* (себя), *вопуюсительныя* (чей, кто, кой, которой) и *притяжательныя* (мой, твой, свой, нашъ, вашъ).—Остальное не представляетъ особаго интереса. Укажемъ только, что *нарѣчія* дѣлятся на „время показующія“, „мѣсто значащія“, качества и количества, числительныя, порядка (*прежде, потомъ, даже, еще*), увѣренія (*такъ, весьма, подлинно*), отрицанія (*никакъ, отнюдь, ни мало*), напряженія (*очень, весьма*), уподобленія (*какъ, подобно, коль, толь*), разности (*инако, различно*), вопрошенія, сомнѣнія (*восьлибо, никакъ*), собранія (*вмѣстѣ, заодно, вдругъ*), скорости (*мечаянно, вдругъ*), указанія (*вотъ, тутъ*), отгоненія (*вонъ, прочь, далье*). Союзы дѣлятся на простые (*прежде, ибо*), сложенные (*ежели, дабы*), двурѣчные (*прежде нежели, тою ради*). „*Знаменованія*“ союзовъ указаны слѣдующія: союргательныя, раздѣлительныя, условныя, противительныя, винословныя, наносительныя (*и такъ, поему, следовательно*).

Наставленіе шестое сосредоточивается на нѣкоторыхъ синтаксическихъ явленіяхъ русскаго языка: здѣсь идетъ рѣчь о согласованіи существительныхъ съ прилагательными, глаголовъ съ мѣстоименіями, мѣстоименій съ существительными; выясняется значеніе падежей; даются правила относительно синтаксиса именъ числительныхъ; указывается употребленіе падежей при глаголахъ и употребленіе глагольныхъ формъ ³⁾; наконецъ, даются свѣдѣнія о синтаксическихъ явле-

¹⁾ Интересенъ § 427: „Оканчевая правила о глаголахъ, нельзя не упомянуть о нѣкоторомъ особавомъ свойствѣ простаго Россійскаго языка, являющемся скорымъ дѣйствіемъ, которымъ производятся отъ прошедшихъ неопредѣленныхъ: отъ *лядмъ*, *лялъ*; отъ *брякъ*, *брякъ*; отъ *хвѣтъ*, *хвѣтъ*; отъ *свалъ*, *свалъ*; отъ *пысалъ*, *пылъ*. Всѣ сіи односложныя глаголы произведенія ихѣтъ, 1) силу дѣепричастія: *лялъ на меня, молвилъ*, т. е. *взявшау на меня вдругъ, молвилъ*; 2) и наклоненіе пль-явительное значать: *хвѣтъ его за руку*, т. е. *вдругъ хвѣтъ его за руку*“.

²⁾ Для сравненія съ современнымъ грамматическимъ ученіемъ приводимъ пль перечисленіе: я, мы, онъ, себя, самъ, кто, что, тотъ, сей, мой, твой, свой, который, кой, чей, нашъ, вашъ, оный, имой (§ 428).

³⁾ Между прочимъ Ломоносовъ впервые устанавливаетъ правило относительно употребленія дѣепричастія: „Весьма погрѣшаютъ тѣ, говорятъ онъ, „которые по свой-

ніяхъ въ области вспомогательныхъ частей рѣчи. Этимъ снѣтансье и исчерпывается.

Хотя грамматическая терминологія Ломоносова и близка къ терминологіи Смотрицкаго, однако содержаніе его труда отличалось совершенной новизной: прекрасное знаніе *живой* русской рѣчи и церковно-славянскаго языка позволило ему установить въ литературномъ языкѣ два основныхъ элемента: старо-книжный и народный ¹⁾, причѣмъ изъ всѣхъ говоровъ онъ предпочелъ московскій, не упуская однако изъ вниманія и интересы другихъ мѣстностей Россіи. Эта точка зрѣнія, безусловно правильная, ярко выразилась въ двухъ положеніяхъ Ломоносова относительно правописанія: „Въ правописаніи“, говоритъ онъ, „наблюдать надлежитъ. 1) Чтобы оно служило къ удобному чтенію каждому знающему Россійской грамматъ. 2) Чтобы не отходило далече отъ главныхъ Россійскихъ діалектовъ, которые суть три: Московскою, Сѣверною, Украинскою. 3) Чтобы не удалялось много отъ чистаго выговору. 4) Чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды произвожденія и сложенія реченій“ (§ 112). „Московское нарѣчіе не токмо для важности столбчаго города, но и для своей отмѣнной красоты протчимъ справедливо предпочитается; а особливо выговоръ буквы *о* безъ ударенія, какъ *а*, много пріятнѣе; но отъ того Московскіе уроженцы, а больше тѣ, которые немного и невнимательно по церковнымъ книгамъ читать учились, въ правописаніи часто погрѣшаютъ, пишучи *а* вмѣсто *о*: *хачу* вмѣсто *хочу*, *завари* вмѣсто *говорю*. Но ежели положить, чтобы по сему выговору

ству чужихъ языковъ дѣепричастія отъ глаголовъ личныхъ лицами раздѣляютъ. Ибо дѣепричастіе должно въ лицѣ согласоваться съ главнымъ глаголомъ личнымъ, на которомъ всей рѣчи состоитъ сила: *идучи ѿ школы, естрѣтился я съ пріятелемъ; написавъ я грамотку, посылалъ за море*. Но многіе въ противность сему пишутъ: *идучи я ѿ школы, естрѣтился со мною пріятель; написавъ я грамотку, онъ пріятель съ моря; будучи я удостоотрѣвъ о вамемъ къ себѣ дружество, вы можете умовать на мое къ вамъ усердіе*, что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему право Россійское сочиненіе“ (§ 532).

¹⁾ Яркимъ примѣромъ можетъ служить разсужденіе Ломоносова о дѣепричастіяхъ: „Дѣепричастія времени настоящаго глаголовъ, кончающихся на *ю* съ предидущей самогласною, рождаются чрезъ приложеніе склада *чи* или чрезъ пренѣшеніе литеры *ю* на *я*, напр.: *знаю, знала* или *знаючи*; *имѣю, имѣла* или *имѣючи*; *толкую, толкала* или *толкуючи*. При семъ примѣчать надлежитъ, что дѣепричастія на *ючи* пристойнѣе у точныхъ Россійскихъ глаголовъ, нежели у тѣхъ, которые отъ Славянскихъ происходятъ; и напротивъ того дѣепричастія на *я* употребительнѣе у Славянскихъ, нежели у Россійскихъ. Напримѣръ лучше сказать *толкуючи*, нежели *толкала*; но напротивъ того лучше употребить *дерзая*, нежели *дерзаячи*“ (§§ 354 и 356).

всѣмъ писать и печатать; то должно большую часть Россіи говорить и читать снова переучить насильно“ (§ 115).

Такимъ образомъ современники Ломоносова получили въ его трудѣ гениальную попытку создать грамматику русскаго литературнаго языка. Этого языка еще не было, но чисто художническое чутье Ломоносова, проявившееся въ указаніи отношеній старо-книжнаго и народнаго элементовъ, выборъ грамматическаго матеріала, ясность изложенія, остроуміе многихъ замѣчаній о словоупотребленіи и словосочиненіи, стройная систематизація—все это служило залогомъ созданія литературнаго языка въ ближайшемъ будущемъ.

Правда, въ своемъ „Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ“ Ломоносовъ съ одной стороны отвелъ еще слишкомъ почетное мѣсто старославянскому языку, съ другой — сдѣлалъ грубую психологическую ошибку, нарушивъ свободу творчества установленіемъ строгихъ пѣтическихъ рамокъ. Тѣмъ не менѣе для эволюціи новаго литературнаго языка была открыта широкая дорога: слѣдующимъ литературнымъ поколѣніямъ оставалось только ослабить элементъ старо-книжный на счетъ чисто національнаго, народнаго ¹⁾).

VI.

Новыя задачи, поставленныя Ломоносовымъ, талантливая разработка грамматическаго матеріала въ его трудѣ, общее стремленіе

¹⁾ Къ числу попытокъ создать русскую грамматику нужно отнести и неоконченное сочиненіе А. Л. Шлецера на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ довелъ обзоръ до склоненія именъ прилагательныхъ. Въ 1764 г. было отпечатано всего одиннадцать листовъ, которые сохранились въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ. Одинъ изъ нихъ находится въ геттингенской библіотекѣ съ собственноручными замѣтками автора. О причинахъ, вызвавшихъ прекращеніе работы Шлецера, см. въ его автобіографіи „Schlözger's Oeffentliches und Privatleben von ihm selbst beschrieben. Göttingen. 1802“. Русскій переводъ этой книги съ примѣчаніями В. Кеневича въ „Сборн. Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н.“, т. XIII.

Грамматическія изысканія Шлецера были встрѣчены Ломоносовымъ крайне недружелюбно. Онъ официально заявлялъ, что его грамматика „достойна вѣчнаго погашенія и забвенія“ (Биллярскій. „Матеріалы для біографіи Ломоносова“. С.-Пб. 1865. Стр. 729). Въ черновой замѣткѣ, написанной по тому же поводу, Ломоносовъ выражался еще рѣшительнѣе. Отиѣчал „нестерпимыя погрѣшности“ въ Шлецеровой „беспорядочной грамматикѣ“, его „незнаніе и сумазбродство въ произведеніи словъ Россійскихъ“, онъ заканчивалъ замѣтку слѣдующими словами: „Какихъ гнусныхъ пакостен не наколобродитъ въ Россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина“. (Сочиненія Ломоносова, изд. Смирнова. С.-Пб. 1847. Т. I, стр. 762—763). Ср. § 80 автобіографіи Шлецера.

создать русскій литературный языкъ—вызвали естественное желаніе освѣжить грамматическое преподаваніе. Въ то же время заботы Екатерины II объ образованіи давали толчекъ русской педагогической мысли в заставляли ее работать въ разнообразныхъ направленіяхъ: въ 1775 году Екатерина объявляла указы общественнаго призрѣнія учредить школы по всѣмъ городамъ и даже крупнымъ селеніямъ, т. е. положила основаніе „народнымъ училищамъ“¹⁾; въ 1782 году образовалась комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ, которой, между прочимъ, было вмѣнено въ обязанность составить учебныя книги и подготовить „способныхъ“ учителей²⁾; въ 1783 году открылось главное народное училище, одной изъ цѣлей котораго было воспитаніе будущихъ педагоговъ; въ 1786 году былъ изданъ „Уставъ Народныхъ Училищъ“; появился рядъ проskтовъ, касающихся системы народнаго просвѣщенія³⁾; для обновленія методовъ преподаванія было напечатано „Руководство учителямъ перваго и втораго класса народныхъ училищъ“, шедшее вразрѣзъ съ установившейся практикой преподаванія⁴⁾; одно за другимъ учреждались „главныя“ и „малыя“ училища и т. д.⁵⁾.

Программы малыхъ и главныхъ училищъ показываютъ, что грамматикѣ было отведено видное мѣсто въ кругу учебныхъ предметовъ. Такъ, въ 1 и 2 классахъ предлагалось проходить „первоначальныя правила“ русской грамматики, въ 3-мъ—систематическую русскую грамматику съ упражненіями въ правописаніи, въ 4-мъ—съ упражненіями въ письменныхъ сочиненіяхъ. Въ „генеральномъ планѣ гимназій или государственныхъ училищъ“ находимъ любопытные взгляды на грамматику: „особливо“, говорится здѣсь, „должно какъ можно основательнѣе учить грамматическому познанію россійскаго языка. Въ разсужденіи сего для всѣхъ школъ надлежитъ предписать добрую, а не самовымышленную орфографію одинаковую..., непрерывно понуждать

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ. Учрежденіе о губернныхъ 7-го ноября 1776 г. ст. 384.

²⁾ Полн. Собр. Зак. Ук. 7-го сентября 1782 г.

³⁾ См. С. В. Рождественскій, „Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ“. С.-Пб. 1910.

⁴⁾ Это была передѣлка австрійскаго руководства „Lehre des Methodenbuchs“.

⁵⁾ Между прочимъ, нужно отмѣтить и обиліе иностранныхъ пансіоновъ, появившихся въ это время. Въ Петербургѣ въ 1780 году такихъ пансіоновъ было 23, кромѣ трехъ нѣмецкихъ училищъ при церквяхъ св. Петра, Анны и Екатерины.—См. А. Воронцовъ. Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Пб. Учебнаго Округа съ 1715 по 1828 г. вклучительно. С.-Пб. 1849. Стр. 6.

(учениковъ) къ прилежному примѣчанію свойствъ россійскаго языка, отличающихъ оной отъ другихъ языковъ¹⁾).

Всѣмъ этимъ объясняется исключительное оживленіе грамматической литературы. Въ 1769 году появилась „Россійская универсальная грамматика или всеобщее писмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія русскому языку, съ семью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезныхъ вещей“²⁾. Въ 1771 году ученикъ Ломоносова, профессоръ Московскаго университета А. А. Барсовъ издалъ по порученію университетской конференціи „Краткія правила россійской грамматики, собранныя изъ разныхъ россійскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ гимназіяхъ Имп. Моск. Унив.“³⁾. Въ 1787 году по высочайшему повелѣнію Сырейщиковъ⁴⁾, профессоръ русскаго языка въ главномъ народномъ училищѣ, составилъ для народныхъ училищъ „Краткую россійскую грамматику“⁵⁾. Въ 1788 году „руководитель въ отечественномъ языкѣ юношеству, обучающемуся въ Академическомъ училищѣ“, Петръ Соколовъ, выпустилъ въ свѣтъ по приказанію президента Академіи, княгини Е. Р. Дашковой, „Начальныя основанія россійской грамматики въ пользу учащагося въ гимназіи при Имя. Ак. Наукъ юношества“⁶⁾. Въ 1790 году Василій Свѣтовъ издалъ „Краткія правила ко изученію языка россійскаго, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ россій-

¹⁾ С. В. Рождественскій, „Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ“. С.-Пб. 1910. Стр. 107.

²⁾ Въ теченіе 40 лѣтъ (со 2-го изд. подъ названіемъ „Писмовникъ“) эта книга выдержала 9 изданій. До 30-хъ гг. она пользовалась широкимъ распространеніемъ. Составителемъ ея былъ Н. Кургановъ. „Писмовникъ“ — своего рода популярная энциклопедія.

³⁾ До 1802 года выдержала 8 изданій. Въ 1786 году изъ нея было сдѣлано сокращеніе нѣкимъ Шаховымъ для младшихъ классовъ главныхъ народныхъ училищъ. Извлеченіе изъ грамматики Барсова можно найти въ книгѣ Буслаева „Въ воспоминаніе 12-го января 1755 года“. М. 1855.

⁴⁾ Подъ редакціей Сырейщикова издавался ежемѣсячный журналъ „Растущій виноградъ“, гдѣ помѣщались произведенія воспитанниковъ главнаго училища.

⁵⁾ У меня въ рукахъ были слѣдующія изданія: 1-ое—1787 г.; 3-е—1794 г.; 4-ое—1796 г.; 5-ое—1801 г.; 6-ое—1804 г.; 7-ое—1805 г. Всѣ изданія печатались съ перваго безъ перемѣнъ и нѣкоторыя изъ нихъ выходили въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

⁶⁾ 2-ое изданіе 1792 г.; 3-е—1797 г.; 4-ое—1808 г., 5-ое—1808 г. Каждое новое изданіе являється въ планѣ и „дополняется и обогащается“ многими новыми правилами. Первыя два изданія съ посвященіемъ „Княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашкавой“ (sic!).

ской проза или науки писать стихи, собранная изъ новѣйшихъ писаній въ пользу обучающагося юношества“¹⁾. Въ 1793 году была напечатана „Краткая Россійская Грамматика. Въ пользу юношества въ Благородномъ Пансіонѣ при Имп. Моск. Унив.“²⁾.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ грамматикъ есть предисловія, съ одной стороны объясняющія причины появленія грамматикъ, съ другой дающія методическія указанія. Такимъ образомъ, предисловія представляютъ не только историко-методическій, но и историко-культурный интересъ. Напримѣръ, въ обращеніи „Къ читателю“, предисловіи труду Барсова, излагаются взгляды на значеніе грамматическихъ занятій. „Твердое и основательное“, говоритъ авторъ, „по правиламъ Грамматическимъ обученіе иностранныхъ языковъ весьма нужно и полезно. Отъ такового правильнаго ученія та во-первыхъ происходитъ польза, что дѣти, наставляемы будучи по правиламъ въ какомъ нибудь языкѣ, не теряютъ напрасно времени, но еще онаго и мало тратится въ такомъ обученіи. Второе: сіе получаютъ дѣти немечтательное благо, что сверхъ изощренія памяти отъ разумнаго и яснаго толкованія правилъ, самый разумъ ихъ изощряется, и нечувствительно готовится къ воспріятію пышныхъ словесныхъ Наукъ. Ибо при прямомъ толкованіи правилъ могутъ понимать, для чего необходимы и нужны по самой натурѣ восемь частей рѣчи въ человѣческомъ словѣ. Притомъ понятнo слушая оныхъ частей опредѣленія, помалу привыкнуть къ умствованію надлежащему“.

Дальше указывается на то, что изучавшіе языкъ безъ грамматикъ „изобилуютъ словами, или называемыми вокабулами“, но это—мнимое

¹⁾ 1-ое изданіе въ Москвѣ, 2-ое—въ Петербургѣ въ 1795 г.

²⁾ Можно еще отнѣсти, какъ продуктъ увлеченія грамматическими вопросами, сочиненіе епископа Аполлоса: „Грамматика, руководствующая къ познанію славено-россійскаго языка. Печатана въ типографіи Киевопечерскія Лавры 1794 года“. Въ предисловіи сочинитель трогательно пишетъ: „Были возбужденія приступить къ сочиненію сего грамматикъ. И повиновеніе было всрепнее! И намѣреніе мое всегда стремилось къ тому, дабы пожертвовать общему благу вселѣнными трудами и напечатать собственными изданіемъ. Благодушныхъ любителей учевости усердно прому вознаграждать трудившагося благосклонными книги сего принятіемъ! И простить недостатки, которые покажутъ, можетъ быть, охотнымъ путь, тоже намѣреніе или распространить, или въ большее совершенство привести. 1794. Сент. 28. писано въ Сѣвскѣ“.—Это—компилиція грамматикъ Смотрицкаго и Ломоносова.

Въ 1782 году купецъ Сыромятниковъ издалъ въ Москвѣ „Бесѣдованіе Максима Грека о пользѣ грамматикъ съ присовокупленіемъ: 1) сословія именъ по азъ вѣди, съ толкованіемъ Славянскимъ; 2) толкованія Грамматическаго думъ Молитвамъ: Царю небесный и Отче нашъ“.

богатство, такъ какъ учившіеся подобнымъ способомъ овладѣвають только обиходнымъ лексикономъ, а при помощи грамматики они „разумѣть могутъ стиль искуснаго Писателя и его сочиненія, естли нужно будетъ, на свой языкъ перевести въ состояніи“.

Если такъ важно знаніе иностранной грамматики, то, конечно, не менѣе важно изученіе родной. Это прежде всего обережетъ „матерній языкъ“: „ученые люди о правильномъ знаніи природнаго языка не меньше разсуждаютъ“, говоритъ Барсовъ, „какъ и о довольномъ свѣдѣніи чужестранныхъ. Причину сему полагаютъ сію, что иной, стремясь къ иностранному языку, наноситъ своему несносное безславіе, обезображая его или безсиліемъ, или недостаткомъ въ изображеніи нашихъ мыслей, или презирая его изобиліе, введеніемъ безъ всякой нужды иностранныхъ рѣчей“.

Составитель ставитъ въ связь съ грамматикой появленіе „на природномъ языкѣ гремѣщихъ Демосеновъ и Цицероновъ, важныхъ Гомеровъ и Виргиліевъ“, Овидіевъ и Ювеналовъ, „съ сожалѣніемъ укоряющихъ людскіе пороки“. Поэтому „кто желаетъ прославить себя Науками на природномъ языкѣ въ славу Отечества, себѣ въ честь: непременно оному долженъ учиться по правиламъ Грамматическимъ“.

Воздавая должное грамматикѣ Ломоносова, какъ крупному ученому труду, Барсовъ находитъ, что она „для малолѣтнихъ въ нѣкоторыхъ, но необходимыхъ мѣстахъ, трудною покажется“. Это и было причиной его попытки „собрать изъ разныхъ Россійскихъ Грамматикъ краткія самонужнѣйшія правила Россійской Грамматики, которыя бы дѣтямъ, по ихъ нѣжному понятію, были вразумительны и ясны“.

Слова Барсова отражаютъ господствовавшіе въ то время взгляды, которые могутъ быть сведены къ такимъ положеніямъ:

- 1) *грамматика способствуетъ болѣе быстрому и осмыслительному усвоенію иностранныхъ языковъ;*
- 2) *грамматика изоцряетъ память;*
- 3) *грамматика содѣйствуетъ развитію мыслительныхъ способностей вообще и развиваетъ въ частности отвлеченное мышленіе;*
- 4) *грамматика охраняетъ національный языкъ, съ одной стороны указывая его богатства, съ другой—устраняя варваризмы;*
- 5) *грамматика способствуетъ развитію литературы.*

Ясно, что намѣченныя цѣли находились въ извѣстной связи съ культурными особенностями эпохи.

Предисловіе къ грамматикѣ Сырейщикова интересно по методи-

ческими указаніями, которыя намъ даютъ представленіе о грамматическомъ преподаваніи того времени. „Учитель“, говоритъ составитель въ методическомъ наставленіи, „прошедь по грамматикѣ истолкованіе о имени, заставляеть учениковъ по одимачкѣ приписывать въ какой либо учебной книгѣ, имена существительнымъ и прочія, показывая какою каждое изъ нихъ рода, котораю склоненія, съ какомъ падежъ, а прилагательныя съ какой степени уравненія; при чемъ болѣе всего упражняетъ учениковъ своихъ въ склоненіи, сперва порознь именъ существительныхъ и прилагательныхъ; а по времени соединя ихъ вмѣстѣ, и согласуя въ родѣ; въ разсужденіи жъ именъ прилагательныхъ, заставляеть учитель учениковъ, приводить ихъ въ разныя степени уравненія и въ оныхъ склонять. Сіе упражненіе продолжаетъ учитель и по истолкованіи мѣстоименій, приказывая ученикамъ склонять мѣстоименія, соединивъ съ именами существительными и прилагательными. На примѣръ, склоняя мѣстоименія *сей, моя, то*, велитъ учитель прибирать къ нимъ мѣстоименіямъ пристойныя имена существительныя и прилагательныя и съ оными склонять мѣстоименія сін, какъ то: *сей огромной домъ, моя правая рука, то пріятное время*: ибо въ такомъ соединеніи, дѣти удобнѣе удерживать могутъ въ памяти склоненія именъ и мѣстоименій. Но еще нужнѣе упражненіе въ спряженіи глаголовъ; по чему учитель не токмо на каждое спряженіе, но и на каждый залогъ глаголовъ, заставляеть по одиначкѣ своихъ учениковъ написать на черной доскѣ, по меньшей мѣрѣ, по одному полному примѣру. Причастія, должны ученики склонять съ именами существительными, такъ какъ имена прилагательныя.

Въ сочиненіи словъ, каждое правило прилѣжно должно быть изъяснено, и снабдѣно довольнымъ числомъ примѣровъ, по которымъ учащіяся лучше помнятъ будутъ сін правила, нежели въ учили ихъ наизусть. По окончаніи такимъ образомъ всей грамматикки, учитель заставляеть учениковъ разбирать, взятой періодъ изъ какой либо учебной книги, грамматическимъ способомъ, показывая всѣ части рѣчи, и правила изъ сочиненія словъ, по которымъ оныя части рѣчи соединены; а по томъ, выбравъ учитель самъ одинъ изъ такихъ періодовъ, переставливаетъ въ немъ всѣ реченія, и заставляеть ученика приводить оныя реченія пакы въ порядокъ, по правиламъ сочиненія словъ; въ сіежь время повторяеть учитель съ учениками своию таблицу о правописаніи, которая тѣмъ яснѣе усвоится для учащихъся, что они уже знаютъ грамматику“.

Это обстоятельное наставленіе намѣчаетъ весь ходъ обученія: въ

основу положено изученіе правилъ и устныхъ и письменныхъ упражненій, имѣющихъ цѣлью научить „правильно говорить и исправно писать“.

Въ моментъ зарожденія и первичной эволюціи національнаго литературнаго языка, такія цѣли и такіе методы были вполне законны: общество еще не владѣло основами литературнаго языка, въ живой рѣчи было много неправильностей, и школа должна была привить чутье къ новому строю и формамъ. Отсутствие среды, говорящей этимъ языкомъ, незначительное количество дѣтскихъ книгъ—невольнo заставляли обращаться къ правиламъ, которыя заучивались наизусть въ видѣ „истолкованій“ грамматики и учителя. Догматическій характеръ преподаванія при такихъ условіяхъ былъ неизбеженъ.

Обращаясь къ содержанію указанныхъ грамматикъ, мы должны замѣтить, что всѣ онѣ состоятъ по традиціи изъ четырехъ частей—правописанія, словопроизводства, словосочиненія и слогаударенія (просодія). Такъ какъ духовная близость ихъ къ грамматикѣ Ломоносова бросается въ глаза даже при бѣгломъ просмотрѣ, то совершенно естественно, что разница между ними опредѣляется по преимуществу объемомъ содержанія и отчасти планомъ и терминологіей. Одни авторы, видимо, стремятся возможно сократить грамматическій матеріалъ, сдѣлать его болѣе усвояемымъ (Барсовъ, Сырейщковъ), другіе, наоборотъ, его усложняютъ (П. Соколовъ). Поэтому можно ограничиться подробнымъ обзоромъ содержанія одного изъ учебниковъ, а о другихъ сказать мимоходомъ. Такъ какъ Барсовъ, ближайшій ученикъ Ломоносова и истолкователь его грамматики на университетской кафедрѣ, представляетъ въ этомъ отношеніи наибольшій интересъ, то мы на немъ главнымъ образомъ и остановимся, тѣмъ болѣе, что его учебникъ пользовался наибольшимъ распространеніемъ.

Глава I грамматики Барсова толкуетъ о „грамматикѣ вообще“. II— „о частяхъ рѣчи и въ особенности о имени и его свойствахъ“. III— „о склоненіяхъ существительныхъ и прилагательныхъ имени“. IV— „о урвненіяхъ прилагательныхъ имени“, V— „о происхожденіи притяжательныхъ, отечественныхъ, отеческихъ и прочихъ имени“. VI— „о именахъ увеличительныхъ и умалительныхъ“, VII— „о числительныхъ именахъ“, VIII— „о мѣстоименіи“, IX— „о глаголѣ и свойствахъ его“, X— „о причастіи“, XI— „о нарѣчій“, XII— „о предлогѣ“, XIII— „о союзѣ“, XIV— „о междуметіи“, XV— „о сочиненіи частей слова“, XVI даетъ „краткія примѣчанія о правописаніи“; затѣмъ идетъ повторительная „таблица, показывающая свойства и принадлежности

каждой изъ осьми частей рѣчи російскаго слова“; заканчивается грамматика примѣрами „для грамматическаго разобранія каждого слова въ періодѣ“.

Предлагаю вниманію читателей конспектъ содержанія книги Барсова, который дастъ возможность представить объемъ и характеръ учебныхъ грамматикъ второй половины XVIII вѣка.

Глава I. Какая наука называется грамматикой? Что значитъ говорить и писать? Дѣленіе грамматики на четыре части. Опредѣленіе каждой изъ нихъ. Буква или литера. Число ихъ. Слогъ. Слово. Дѣленіе буквъ на гласныя, согласныя и безгласныя и перечисленіе ихъ.

Глава II. Перечисленіе частей рѣчи (имя, мѣстоименіе, глаголь, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междометіе). Дѣленіе ихъ на измѣняемая и неизмѣняемая. Опредѣленіе имени. Дѣленіе его на существительное и прилагательное. Дѣленіе существительныхъ на первообразныя (солнце, гора), производныя (порука, легкомысліе), собственные, нарицательныя, собирательныя. Родъ. Родовыя окончанія существительныхъ и прилагательныхъ.

Глава III. Опредѣленіе понятій: „склоненіе“, „падежъ“. Названіе надежей. Числа. Склоненія (четыре существительныхъ и одно прилаг.). Замѣчанія о сходствѣ именит. и зват. пад. всѣхъ склоненій; именит., вин., зват. въ именахъ средняго рода и женскаго на *ь*; винит. и род. въ именахъ „одушевленныхъ вещей“. Обзоръ склоненій, при чемъ *при падежигь вопросы не указаны, а въ прилагательныхъ муж. р. имѣеть только окончанія ый, ій, родительный же женск. рода наряду съ ой—ья, какъ у Ломоносова; для всѣхъ родовъ множественнаго числа указаны безразлично окончанія и ые и ья.*

Глава IV. Три степени уравниенія. Что каждая показываетъ и какъ образуется? Отсутствие уравниеній при прилагательныхъ, „отъ матерій происходящихъ“. При этомъ согласно съ Ломоносовымъ дѣлается замѣчаніе: „Съ польскаго языка новыя принятая превосходныя съ приложеніемъ *каи*, Російскому слуху весьма досадны: *наилучшій, ниическійшій*“ (§ 68).

Глава V. Притяжательныя имена (*Дьяконовъ, Лукинъ, Алексѣевъ*). Отеческія (*Надеевичъ, Васильевна, Юмичъ, Юминичина*). Отечественныя (*Картолецъ, Новотородецъ, Курчининъ*). Происхожденіе женскихъ отъ мужескихъ (*князь, княгиня, кузнецъ, кузничиха*). По поводу послѣднихъ сказано: „На *та* кончащіяся женскія, отъ мужескихъ происходящія, низкое и подлое значеніе имѣють и происходятъ больше

отъ посмѣятельныхъ прозвищъ: *чесночиха, волчиха*“ (§ 78, ср. „Грам.“ Ломоносова § 243).

Глава VI. Окончанія увеличительныхъ и умалительныхъ именъ. Въ увеличительныхъ указаны три окончанія: *ище, ина, инище*, напр. *столь, столице, столица, столицнице; рука, рѣчище, рѣчина, рѣчилице* (по Ломоносову).

Глава VII. Дѣленіе числительныхъ на первообразныя и производныя (по Ломоносову). Склоненіе (по Ломоносову). Для исторіи литературнаго языка интересно слѣдующее замѣчаніе, отголосокъ ученія о „штиляхъ“: „Отъ одиннадцати до девятнадцати, девять производныхъ составляютъ съ приложеніемъ на десять: *первойнадесять, второйнадесять, третинадесять* и проч. и употребляются только въ важныхъ матеріяхъ, и въ числахъ мѣсячныхъ: напр. *Карль второйнадесять*, а не двенадцатый, *Маія шестоенадесять* число, а не шестнадцатое“ (§ 86, ср. Ломоносова § 259).

Глава VIII. Перечисленіе 19 мѣстоименій. Дѣленіе ихъ на первообразныя, производныя и др. по Ломоносову (см. выше). Родъ мѣстоименій (пять: муж., женск., средн., общій (кто?) и всякій (я, ты, себя),—согласно съ Ломоносовымъ). Склоненія мѣстоименій.

Глава IX. Определеніе глагола („Глаголь изображаетъ чувствительныхъ вещей *разныя дѣлія*“—§ 100). Дѣленіе глаголовъ на первообразныя и производныя, простые и сложныя. Наклоненія (три—по Ломоносову). Времена (десять—по Ломоносову). Залоги (шесть—по Ломоносову). Дѣленіе глаголовъ на личные, безличные, правильныя, неправильныя, полныя (колю), неполныя (очутился, довелось), избыточные (колеблю и колебаю, машу и махаю). Два сиращенія. Парадигмы.

Глава X. Определеніе причастія („Причастіе сокращаетъ идеи чрезъ соединеніе имени и глагола въ одно реченіе“—§ 129). Свойства причастій: три рода, два числа, семь падежей, пять временъ (настоящее, прошедшее неопред., прош. однократное, прош. совершенное, давно-прошедшее). Парадигмы. Отдѣльныя замѣчанія.—Эти замѣчанія интересны по стремленію разграничить элементы церковно-славянскіе и русскіе, напримѣръ § 135: „Страдательнаго залога, причастія настоящаго времени, кончащіяся на *мый*, происходятъ и отъ Россійскихъ глаголовъ, у Славянъ употребляемыхъ, напримѣръ *вѣмчасмый, питаемый, носимый*. Употребляются больше въ *Риторическихкихъ* и *Стихотворческихкихъ сочиненіяхъ* нежели въ *просторѣчій*. Отъ Россійскихъ глаголовъ, Славянамъ неизвѣстныхъ, таковыя причастія произведен-

ныя, наприкладъ *трогаемый, кидаемый, мараемый*, весьма противны“. § 136: „Прощедшія неопредѣленныя страдательныя причастія довольно употребительны. Онѣ какъ отъ новыхъ Россійскихъ, такъ и отъ славенскихъ глаголовъ происходятъ: *питанный, стнчанный, качанный, маранный*. Разница та между ними, что отъ Славенскихъ произведенныя склоняются, какъ настоящія; а Россійскія въ родительномъ единственномъ, мужескомъ и среднемъ родѣ пріятнѣе на *ою*, нежели на *аю* кончатся, а на концѣ одинъ и нмѣють“¹⁾). Отсутствіе знанія исторіи языка сказывалось въ этихъ разсужденіяхъ, но непосредственное чутье нерѣдко приводило къ вѣрнымъ заключеніямъ.

Глава XI. Опредѣленіе нарѣчія и классификація (время означающія, качество и количество, числительныя, нарѣчія порядка, увѣренія, отрицанія, напряженія, уподобленія, разности, сомнѣнія, собранія, скорости, указанія, отгоненія).

Глава XII. Опредѣленіе предлога („предлогъ показываетъ принадлежность обстоятельствъ въ *вещахъ* или *дѣянїяхъ*“).

Глава XIII. Дѣленіе союзовъ по *составу* на *простые* (прежде, ибо), *сложные* (сжели, также), *двурѣчные* (прежде нежели, того ради); дѣленіе по *значенію* на *сопрягаемые, раздѣлительные, условные, противительные, выносные, наносительные* (и такъ, слѣдовательно).

Глава XIV. Дѣленіе междометій на *свойственныя* (ой, ба) и *взаимственныя* (горе, куда, о какъ!). Дѣленіе ихъ по значенію.

Глава XV—занимаетъ 5½ страницъ и посвящена *синтаксису*.—Опредѣленіе синтаксиса (сочиненія): „Сочиненіе предписываетъ правила, по которымъ части рѣчи порядочно слагать должно“.—Согласованіе существительныхъ съ прилагательными (2 правила: 1-ое—прилагательное согласуется съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ; 2-ое—при нѣсколькихъ существительныхъ прилагательное ставится во множественномъ числѣ. §§ 156 и 157). Соединеніе двухъ существительныхъ (§ 158). Согласованіе мѣстоименій (§ 159). Согласованіе глаголовъ съ существительными (§ 160). Замѣна именительнаго падежа неопредѣленнымъ наклоненіемъ (§ 161). Падежи при дѣйствительномъ и страдательномъ залогѣ (§ 162 и 163. NB: „Страдательный глаголъ требуетъ родительнаго падежа съ предлогомъ *отъ* или творительнаго безъ предлога: *Карлъ вторыинадцать побѣжденъ отъ Петра Великаю, или Петромъ Великимъ*“). Падежи при дѣспри-

¹⁾ Ср. „Россійскую грамматику“ Ломоносова §§ 444 и 446.

частіяхъ и причастіяхъ (§ 164). Падежи при нарѣчіяхъ (§§ 165 и 166). Падежи при предлогахъ (§§ 167—171). Значеніе союзовъ (§§ 172—176). Падежи при междометіяхъ (§§ 177—180).

*Глава XVI посвящена правописанію и пунктуации. Занимаетъ 18 страницъ. Въ нее входятъ прежде всего указанія на разницу между буквами и звуками, и перечисляется рядъ случаевъ, гдѣ возможно сдѣлать ошибку. О характерѣ изложенія можно судить по слѣдующему примѣру: „Неправильно выговариваютъ и пишутъ *а* или *о* вмѣсто *у*, на пр. онъ одержалъ великую, или великою побѣду, вмѣсто великую; *а* вмѣсто *ы*, на пр. вымираешь, вмѣсто вымираешь, *а* вмѣсто *я*, на пр. дѣлается, пишется, вмѣсто дѣлается, пишется“. Система, слѣдовательно, такая: указываются возможные ошибки и затѣмъ отмѣчается, что такъ писать нельзя. Правиль, которыми изобилуютъ современныя грамматики, почти нѣтъ¹⁾.*

О характерѣ „грамматическаго разобранія“ можно судить по слѣдующему образцу, имѣющему въ виду текстъ: „Молитву пролію ко Господу и Тому возвѣщу печаль мою“ и проч.—„Въ сей церковной гвснв находится пять частей рѣчи, а именно: *имя, предлогъ, местоименіе, союзъ, мѣстоименіе*.—*Молитву*. Начало *молитва*, имя существительное первообразное, рода женскаго, склоненія перваго, винительный падежъ, единственнаго числа.—*Пролію*. Начало *проливаю*, глаголь сложенный изъ предлога *про* и глагола *лію*, перваго спряженія, изъявительнаго наклоненія, будущее однократное, первое лице, единственнаго числа, дѣйствительнаго залога.—*Ко*. Предлогъ, правящій дательный падежъ.—*Господу*. Начало *Господь*, имя существительное первообразное, дательный падежъ, единственнаго числа.—*И*. Союзъ сопрягательный.—*Тому*. Начало *тотъ*, указательное мѣстоименіе первообразное, дательный падежъ, единственнаго числа, рода мужскаго.—*Возвѣщу*. Начало *возвѣщаю*, глаголь дѣйствительный, производный, изъ предлога *во* и глагола *вѣщаю*, перваго спряженія, изъявительнаго наклоненія, будущее время, первое лице, единственнаго числа“. И т. д.

Построеніе и содержаніе *грамматики Сырейщикова* „Краткая Россійская Грамматика, изданная для народныхъ училищъ“ вполне отвѣ-

¹⁾ Любопытно замѣчаніе о буквѣ *з*: „*з* значить только прирочное, т. е. безъ окончанія согласныхъ, и употребляется при *н*хъ только въ концѣ реченія; хотя оныя буквы тутъ и безъ него не иначе бы выговорены были, какъ и въ среднѣхъ безъ негожъ выговариваются... И такъ онъ въ семъ разсужденіи почти совсѣмъ излишній“. Вотъ когда уже раздался робкій протестъ противъ *з*.

чають своему назначенію: этимологія посвящено 50 страницъ, синтаксису—5, произношенію словъ, т. е. просодіи,—всего 2. Количество и различіе склоненій, классификація именованій, ученіе о глаголахъ съ тремя наклоненіями, шестью залогами и двумя спряженіями почти вѣдливою замѣтливою заимствованы изъ труда Ломоносова. Замѣчаются только нѣкоторые вывѣщенія въ терминологіи и стремленіе кое-что сократить. Такъ, напримѣръ, числительныя дѣлятся не на *первообразныя* и *производныя*, какъ у Ломоносова, а на *количественныя* и *порядочныя*; время указано только шесть (настоящее—*кидаю*, прошедшее несов.—*кидалъ*, прош. однократное—*кинулъ*, давнопрош.—*кидысалъ*, буд. неопредѣленное—*буду кидать*, буд. однократное—*кину*), и т. п. Нарѣчіе, союзъ и междометіе имѣютъ попрежнему довольно сложную классификацію¹⁾. Но въ общемъ всѣ правила наложены кратко и ясно, приведено много яменъ и глаголовъ для упражненія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ.

Синтаксисъ такъ же кратко, какъ у Барсова, и имѣетъ новое опредѣленіе: „*Сочиненіе словъ* учитъ соединять разныя части рѣчи такъ, что бы оныя всѣ вмѣстѣ составляли полной разумъ. На пр. когда сін части рѣчи: *праздность, всѣ, почитаются, источникъ, порока* соединить по правиламъ сочиненія словъ, то онѣ составятъ, слѣдующій полной разумъ: *праздность отъ всѣхъ почитается источникомъ пороковъ*“. Затѣмъ указаны основныя правила согласованія, управленія и расположенія словъ. Ничего другого въ синтаксисѣ нѣтъ.

Эта грамматика послѣ Барсовской была наиболѣе распространена и воспитала нѣсколько школьныхъ поколѣній.

„Начальныя основанія російской грамматки“ *И. Соколова* являются наиболѣе объемистымъ учебникомъ Екатерининской эпохи. Въ сравненіи съ Барсовымъ и Сырейшковымъ, авторъ оказался болѣе требовательнымъ и съ одной стороны внесъ въ этимологію изъ грамматки Ломоносова всякаго рода подробности, съ другой—усложнилъ синтаксисъ. Впрочемъ кругъ его синтаксическихъ интересовъ попрежнему въ области согласованія и управленія словъ. Что касается ученія о слогуудареніи, то у Соколова оно связано съ стихосложеніемъ.

¹⁾ Нарѣчія, напримѣръ, различаются по указанію на *время, мѣсто, качество, количество, число, порядокъ, управленіе* (такъ, да), *отрицаніе, напряженіе* (очень, весьма), *умноженіе, разность, сомнѣніе, скорость, указаніе, оминовеніе* (вонъ, прочь, далье), *обращеніе* (вмѣстѣ, купно). Междометія различаются по выраженію *радости, печали, удивленія* (того, того на, исполать), *презрѣнія, боязни* (ой, уу).

Содержаніе учебника Соколова было настолько сложно, что начиная от третьяго изданія онъ ввелъ въ него „Сокращеніе російской грамматики для дѣтей, начинающихъ обучаться правиламъ Россійскаго языка“. Хотя трудъ Соколова по педагогическимъ достоинствамъ былъ гораздо ниже Барсова и Сырейщикова, тѣмъ не менѣе онъ пользовался, повидному, большимъ сочувствіемъ со стороны учителей русскаго языка.—Между прочимъ, нужно отмѣтить, что Соколовъ первый обратилъ вниманіе на вопросъ объ опредѣленіи рода именъ существительныхъ, склоняемыхъ только во множественномъ числѣ.

„Краткія правила“ *Вас. Свѣтова* не представляютъ особаго интереса. Онъ отступилъ отъ своего образца, грамматики Ломоносова, только въ расположеніи матеріала и въ терминологіи. Впрочемъ, одна сторона учебника Свѣтова обращаетъ на себя вниманіе и отличаетъ его отъ всѣхъ прежнихъ грамматикъ: онъ усложнилъ отдѣлъ о стихосложеніи, „въ чемъ“, какъ онъ самъ признается, „покойнаго Г. Тредіаковского труды не мало послужили“ ему.

Что касается „Краткой Россійской Грамматики“, изданной для Благороднаго Пансіона при Московскомъ Университетѣ, то въ ней оригинальнаго такъ же мало, какъ и въ другихъ ¹⁾. Достоинствомъ ея является сравнительная краткость и простота. Многое излишнее удалено. Такъ, время только три, дѣленіе союзовъ менѣе сложно, междометія совсѣмъ не классифицируются и т. п. Синтаксисъ болѣе кратокъ, чѣмъ въ другихъ учебникахъ. Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ этомъ отдѣлѣ старой грамматики, привожу его весь:

„Сочиненіе есть согласованіе между собою измѣняющихся частей рѣчи, и сопряженіе ихъ въ одну рѣчь, такъ чтобы она составила цѣлую мысль.

I. *Согласованіе* состоитъ въ томъ:

1) Когда всѣ къ одному предмету, или къ имени существитель-

¹⁾ Вотъ что авторъ, между прочимъ, пишетъ въ предисловіи: „Всякій можетъ говорить изъ обращенія; но говорить *всегда* правильно, и звать почему правильно, не лая безъ Грамматики. А писать и подавно!—Вотъ причина для чего Грамматика надается. Есть другія Грамматикі: но изъ нихъ нѣтъ смышломъ обширны, нѣтъ достаточны,—и вообще ни которая не подходитъ къ нашему образу и порядку ученія. Сочинитель, по самолюбію или честолюбію своему, желалъ бы, чтобы сія маленькая, но все нужное въ себѣ заключающая, Грамматика поправилась и принята была Публикою. Онъ однакожъ сдѣлалъ ее по должности, препорученію ему отъ Господъ Попечителей здѣшняго Пансіона,—особенно для *начальнаго Россійскаго Класса*“.

ному, въ той же рѣчи относящіяся названія, т. е. имена прилагательныя, числительныя, мѣстоименія в причастія, принимаютъ в самѣ

- а) одинакой съ нимъ родъ,
- б) одинакое число,
- в) одинакой надежъ“.

Примѣчаніе. Мѣстоименіе, занимая въ другой рѣчи мѣсто прежде состоящаго имени, надежъ имѣеть по связи, на пр. Этотъ молодой человекъ, котораю мы видѣли, мнѣ братъ родной.

2) Когда глаголь, принадлежа къ главной вещи, или къ имени-существительному надежу, вступастъ съ нимъ

- а) въ единство числа.
- б) „ „ лица.
- в) „ „ рода (въ прошедшихъ временахъ).

II. *Сопряженіе* частей слова въ полную рѣчь производится чрезъ *управленіе* однихъ словъ другими, а именно:

Въ каждой рѣчи есть

1) *Главная вещь*, о которой говорится, или *основаніе* (подлежащее), къ которому всѣ прочія части относятся—*Именительный надежъ*.

Примѣчаніе. Еслии такое главное, или и другое въ рѣчи существительное имя будетъ слишкомъ общее, то ограничивается другимъ существительнымъ—въ *родительномъ надежъ*.

2) *Главной вещи бытіе, состояніе, дѣйствіе* — *Глаголь личный* ¹⁾.

Примѣчанія.

а) Дѣйствіе главной вещи на предметъ производитъ въ рѣчи—*Винительный надежъ*.

б) Дѣйствіе производитъ *касательно къ кому нибудь съ пользу, или со вредъ*—*Дательной надежъ*.

в) Дѣйствіе творится *орудіемъ, способомъ, средствомъ*—*Творительный надежъ*.

г) Наконецъ оно бываетъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ *времени или мѣста*—*Предложный надежъ*“.

¹⁾ Термина „сказуемое“ нѣтъ.

Этимъ мы закончимъ историческій обзоръ содержанія, методовъ и цѣлей грамматическаго преподаванія въ XVIII вѣкѣ. Обзоръ этотъ позволяетъ намъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) въ первые годы Петровской эпохи грамматическое преподаваніе должно было уступить мѣсто другимъ школьнымъ занятіямъ, но затѣмъ, подъ влияніемъ потребности въ переводахъ разныхъ полезныхъ книгъ съ иностранныхъ языковъ на русскій и благодаря сознанию необходимости общаго образованія грамматика снова заняла прежнее почетное положеніе;

2) уже въ Петровскую эпоху чувствуется полусознательное стремленіе приблизиться въ преподаваніи грамматики къ великорусскому языку (всп. учебникъ Максимова);

3) грамматика Ломоносова явилась новой эрой въ грамматическомъ преподаваніи, такъ какъ была первымъ научнымъ опытомъ грамматики *русскаю* языка;

4) грамматическому преподаванію въ Екатерининскую эпоху, въ связи съ современными культурными потребностями, были поставлены новыя опредѣленныя цѣли: охранять національный языкъ; способствовать развитію литературы; облегчать усвоеніе иностранныхъ языковъ; изощрять память и развивать мыслительныя способности;

5) методъ преподаванія оставался догматическимъ въ теченіе всего столѣтія: ученики изучали учебникъ наизусть. Это было естественной необходимостью и послѣ появленія труда Ломоносова, такъ какъ національный литературный языкъ находился въ первичной стадіи развитія;

6) всѣ учебныя грамматики Екатерининской эпохи создались подъ влияніемъ Ломоносовской; поэтому между ними не было существенной разницы;

7) содержаніе грамматикъ XVIII столѣтія попрежнему опредѣляется четырьмя частями: правописаніемъ, словопроизводствомъ, словосочиненіемъ и слогуудареніемъ. Словосочиненіе (т. е. синтаксисъ) очень кратко и касается только основныхъ явленій въ области согласованія и управленія словъ. *Синтаксиса предложеній и членовъ предложенія еще нѣтъ*. Въ отдѣлѣ слогуударенія (т. е. просодіи) начинается вторгаться элементъ „пѣническій“, хотя еще въ скромной степени.

VII.

Съ царствованіемъ Александра I связана новая эра въ исторіи народнаго образованія. 8-го сентября 1802 года комиссія народныхъ училищъ была преобразована въ министерство народнаго просвѣщенія.

Учрежденіе отдѣльнаго вѣдомства для нуждъ просвѣщенія было естественнымъ выводомъ изъ тѣхъ попытокъ правительственной власти распространить образованіе, которыми характеризуется наша исторія XVIII вѣка.

24-го января 1803 года государь утвердилъ „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія“. Этотъ законодательный актъ положилъ начало главному правленію училищъ, которому суждено было сыграть видную роль въ дѣлѣ постановки преподаванія и въ созданіи учебной литературы ¹⁾.

5-го ноября 1804 года появился „Уставъ учебныхъ заведеній подвѣдомыхъ университетамъ“. Уставъ опредѣлялъ цѣли организованнымъ по новой системѣ гимназіямъ, уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ. Каждая школа должна была съ одной стороны готовить къ поступленію въ высшую, съ другой — давать законченное образованіе тѣмъ, кто не желалъ его продолжать дальше. Поэтому въ гимназіяхъ предполагалось преподавать „науки хотя начальныя, но полныя въ разсужденіи предметовъ ученія, тѣмъ, кои не имѣя намѣренія продолжать оныя въ университетахъ, пожелаютъ приобрѣсть свѣдѣнія, необходимыя для благовоспитаннаго человѣка“. Уѣздныя училища должны были „открыть дѣтямъ различнаго состоянія необходимыя познанія, сообразныя состоянію ихъ и промышленности“. Приходскія училища имѣли цѣлью „доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предрасудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію“.

Соотвѣтственно этимъ цѣлямъ были составлены и программы ²⁾,

¹⁾ Въ составъ главнаго правленія училищъ вошли люди просвѣщенные. преданные реформамъ Александра. Здѣсь были: М. Н. Муравьевъ, Н. Н. Новосильцовъ, кн. А. Чарторижскій, гр. С. Потоцкій, С. Я. Разумовскій, Ф. И. Кляггерь, П. И. Пастуховъ, Яковичъ де-Миріево, академики Озерцовскій и Фусъ.

²⁾ Въ программу гимназій вошли: языки латинскій, нѣмецкій, французскій, географія, исторія, статистика общая и частная Россіи, философія и изящныя науки, начала политической экономіи, математика чистая и прикладная, опытная физика и естественная исторія, основанія коммерческихъ наукъ и технологій, рисованіе.—Курсъ 4 годъ, при 30 недѣльныхъ часахъ.

Въ уѣздныхъ училищахъ преподавались: Законъ Божій и Священная исторія, должности человека и гражданина, русская грамматика (въ инокроческихъ мѣстностяхъ и мѣстныи языкъ), чистописаніе, правописаніе и правила слога, всеобщая географія и начальныя правила математической географіи, географія Россіи, всеобщая и русская исторія, арифметика, начальныя правила физики, естественной исторіи и

при чемъ русской грамматикѣ отводилось мѣсто только въ уѣздныхъ училищахъ, а въ кругъ философскихъ предметовъ гимназій наряду съ логикой, психологіей и правоученіемъ была введена *всеобщая грамматика*.

Всеобщая грамматика преподавалась сравнительно недолго, но она оставила тяжелое наслѣдіе русской школѣ и въ значительной степени повліяла на составъ учебныхъ грамматикъ послѣдующей эпохи. Этотъ эпизодъ никогда еще не былъ предметомъ изслѣдованія ¹⁾, а между тѣмъ архивные матеріалы, находящіеся въ нашемъ распоряженіи, всесторонне освѣщаютъ его и раскрываютъ одну изъ любопытныхъ страницъ нашего просвѣщенія. Мы увидимъ, какъ начало образовываться то наслоеніе въ русской грамматикѣ, которое впоследствии нашло такую талантливую разработку въ „Исторической грамматикѣ“ Буслаева и которое отличаетъ школьные грамматическіе учебники XIX столѣтія отъ грамматикъ XVIII вѣка. А такъ какъ вопросъ о преподаваніи всеобщей грамматики находится въ неразрывной связи съ Александровскою эпохой, то разсмотрѣніе его дастъ лишнюю и притомъ довольно характерную иллюстрацію для нѣкоторыхъ культурныхъ теченій этой эпохи.

Философскія науки имѣли своихъ представителей на русскихъ университетскихъ кафедрахъ уже съ первыхъ лѣтъ существованія университетовъ. Логика, метафизика, этика, психологія, исторія философіи—все это и преподавалось и усваивалось съ увлеченіемъ. Философскій характеръ университетскаго преподаванія, созданный главнымъ образомъ привѣжными нѣмцами-профессорами, скоро привился, и философія заняла почетное мѣсто въ системѣ образованія. На лекціяхъ, въ публичныхъ актовыхъ рѣчахъ, въ научныхъ сочиненіяхъ шла пропаганда философіи ²⁾.

Интересъ къ философіи обнаружился у насъ еще въ XVIII вѣкѣ, въ Екатерининскую эпоху, и если эта эпоха въ общемъ отдавала

технологіи (амбіція отношеніе къ мѣстному положенію и промышленности), рисованіе. — Курсъ 2 года, при 28 недѣльныхъ часахъ.

Въ *пригодскихъ училищахъ* дѣти обучались чтенію, письму, начальной арифметикѣ, Закону Божію и главнымъ началамъ правоученія. Кроме того, полагалось читать книгу „Краткое наставленіе о сельскомъ домохозяйствѣ“.

¹⁾ Если не считать нѣсколькихъ словъ у Сухомлинова въ книгѣ „Матеріалы для исторіи народнаго образованія въ Россіи“, т. I, стр. 123 — 124.

²⁾ Примеры см. у М. И. Сухомлинова „Изслѣдованія и статьи“ С.-Пб. 1889, т. I, стр. III. Объ упоминаемомъ у Сухомлинова профессорѣ Орджманѣ П. Буличѣ. „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета“ изданіе 2-ое. С.-Пб. 1901, ч. II, стр. 131 — 170.

явное предпочтеніе французской литературы, то въ отдѣльныхъ кружкахъ, напимѣръ, въ кружкѣ Новикова, чувствовалось несомнѣнное тяготѣніе къ литературѣ нѣмецкой. При этомъ нужно замѣтить, что здѣсь читались не только протестантскіе мистики, въ родѣ Бема ¹⁾, Аридта ²⁾, Штурма ³⁾ и т. п., но и новѣйшія сочиненія философскаго характера. Карамзинъ, напимѣръ, во время своего заграничнаго путешествія уже вналъ нѣкоторыя произведенія Канта и Гердера ⁴⁾. Молодежь, побывавшая въ Геттингенскомъ университетѣ, еще болѣе увеличила интересъ къ нѣмецкой мысли ⁵⁾, и къ началу XIX вѣка почва для нѣмецкихъ вліяній, какъ литературныхъ, такъ и научныхъ, была вполне подготовлена.

Такимъ образомъ, введеніе въ гимназическій курсъ философскихъ предметовъ, въ томъ числѣ и всеобщей грамматики, не представляетъ чего либо неожиданнаго. Въ этомъ мы должны видѣть не только результатъ подражанія западно-европейскимъ программамъ, но и отвѣтъ на вкусы современнаго образованнаго общества, среди котораго „геттингенская душа“ стала явленіемъ далеко не рѣдкимъ.

Въ Европѣ философская грамматика получила начало еще въ XVII вѣкѣ и была связана съ реформаторскою дѣятельностью ясенитовъ. Испытанія, перенесенныя католической церковью въ XVI вѣкѣ (лютеранство и кальвинизмъ, вліяніе воззрѣній Рабле, Монтеня и многое другое), заставили ея напрячь всѣ свои силы къ XVII-му. Все, что было въ церкви блестящаго, талантливаго, съ жаромъ принялось за

¹⁾ „Библиографическія Записки“ 1858 г., № 5: „Русскіе переводы Ян. Бема“.

²⁾ Сочиненіе I. Аридта „Объ истинномъ христіанствѣ“ было переведено И. П. Тургеневымъ въ 1784 г. Синодъ призналъ книгу вредной, и императрица приказала ее отбирать. Однако Гірськъ 3-го февраля 1785 года донесъ, что преслѣдуемой книги „за раздачею, въ наличности никто не объявляетъ“. („Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву“, прилѣч., стр. 04).

³⁾ Напимѣръ „Бесѣды съ Богомъ“, издававшіяся въ 1787 году въ переводѣ Карамзина.

⁴⁾ Въ письмѣ „Кенигсбергъ, іюня 19-го, 1789“ Карамзинъ пишетъ: „Кантъ зависалъ мнѣ титуломъ двухъ своихъ сочиненій, которыхъ я не читалъ: Kritik der praktischen Vernunft и Metaphisik der Sitten“. Въ письмѣ „Веймаръ, Іюля 20-го“: „Я читалъ его (Гердера) Urkunde des menschlichen Geschlechts“. Въ письмѣ „Іюля 21-го“: „Духъ вашъ, сказалъ я, прощаясь съ Гердеромъ, возбѣстень мнѣ по вашимъ твореніямъ“.

⁵⁾ См. Wischnitzer, Markus. „Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19 Jahrhunderts“. Berlin. 1907.—В. М. Истрикъ. „Русскіе студенты въ Геттингенѣ въ 1802--1804 гг.“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., № 7, отд. 2. стр. 80—144).

необходимыя преобразованія. На почвѣ этой возродившейся энергіи во Франціи создано своеобразное учрежденіе, получившее названіе Port-Royal ¹⁾. Вліяніе Port-Royal, какъ извѣстно, было въ свое время огромно: въ христіанской догматикѣ, въ литературѣ, въ этикѣ—ездѣ онъ оставилъ свои замѣтные слѣды. Общее значеніе его было настолько велико, что іезуиты не могутъ не раздѣлить съ нимъ славы своего воздѣйствія на европейскую жизнь. Сентъ-Бевъ справедливо называетъ янсенистовъ и іезуитовъ двумя крыльями одной католической арміи.

Воспитаніе дѣтей было одной изъ существенныхъ задачъ Port-Royal, естественно вытекавшихъ изъ религіозно-моральнаго міросозерцанія янсенистовъ: „Нужно всегда“, говоритъ одинъ изъ нихъ (Сентъ-Свранъ), „молиться за души дѣтей и всегда бодрствовать, какъ въ осажденномъ городѣ. Дьяволъ ходитъ вокругъ дозоромъ и рано нападаетъ на принявшихъ крещеніе. Онъ наблюдаетъ за душами, и если Духъ Святой не заполняетъ ихъ, то это дѣлаетъ онъ. Онъ нападаетъ на дѣтей, и они не сопротивляются ему: надо поэтому бороться за нихъ съ дьяволомъ. Для него достаточно одной плевелы, брошенной во время сна. Въ вѣжныхъ душахъ онъ ищетъ лишь лазейки, *rimulas*, какъ говоритъ Св. Григорій“ ²⁾.

Янсенисты принялись за организацію особыхъ школъ, оригинальное устройство которыхъ вполне отвѣчало ихъ педагогическимъ воззрѣніямъ. Какъ ни велики были внѣшнія препятствія для нормальнаго развитія этихъ школъ, однако настойчивость, самоотверженіе и непоколебимая вѣра въ возможность возрожденія нравственно чистаго человека сдѣлали свое дѣло: янсенисты въ короткое время сумѣли показать, къ какимъ блестящимъ результатамъ приводитъ ихъ педагогическая система.

Идея янсенистскихъ школъ была связана съ христіанскимъ догматомъ грѣхопаденія. Дѣтство безъ крещенія представляетъ собою подобіе падшаго человека и является его прямымъ произведеніемъ: совершенное отсутствіе свободы, полное неумѣнье владѣть словомъ, подчиненіе всего существа чувствамъ, первому явившемуся желанію, страсти; постоянное и непреодолимое подражаніе всему, что попадаетъ на глаза, абсолютное невѣжество, ожемянутое неповиновеніе—вотъ характерныя черты некрещенаго ребенка. Воспитаніе должно по воз-

¹⁾ Прекрасное изслѣдованіе о Port-Royal написано Сентъ-Бевомъ. Мастерское изложеніе Сентъ-Бева и обиліе живыхъ документовъ эпохи дѣлаютъ эту книгу, несмотря на объемъ (3 тома), легко читаемой.

²⁾ *Sainte-Beuve. Port-Royal, livre 2, p. 38. Paris-1812.*

возможности возстановить, воссоздать человека, какимъ онъ былъ до грѣхопаденія. Крещеніе возвращаетъ благодать. Оно облакаетъ невинностью всѣ эти движенія машины и неразумнаго животнаго до достиженія ребенкомъ того возраста, когда уже начинаетъ дѣйствовать разумъ. Но для того, чтобы спасительное дѣйствіе крещенія осуществилось, надо дать ребенку, какъ только онъ вступитъ въ этотъ возрастъ, пониманіе значенія таинства, перевести таинство, такъ сказать, на разумъ. Такимъ образомъ, состояніе благодати, полученное ребенкомъ по неизреченной милости Бога, помимо его пониманія и желанія, становится для него осмысленнымъ, прочувствованнымъ. Надо только пробудить въ немъ къ жизни это второе рожденіе, и христіанинъ-младенецъ, христіанинъ-слѣпецъ превратится въ христіанина сознательнаго ¹⁾).

Подобными воззрѣніями задачи образованія и воспитанія объединялись въ одной общей цѣли: образованіе, развивая разумъ, ведетъ къ сознанію благодати, человекъ, умственно подготовленный, становится человекомъ нравственно воспитаннымъ. Для нравственнаго совершенствованія, по воззрѣнію ясеннистовъ, важно широкое образованіе. Отсюда естественно вытекалъ культъ науки.

Увлеченіе педагогическими вопросами должно было отразиться и на учебной литературѣ, бывшей въ употребленіи въ ясеннистскихъ школахъ. Старые учебники и рутинные методы преподаванія мало удовлетворяли ясеннистовъ, поэтому они пошли новыми путями. Они поставили себѣ цѣлью создать такія пособія и выработать такіе методы, которые давали бы возможность ученикамъ въ короткое время, съ наибольшею пользою для развитія и съ неослабѣвающимъ интересомъ усвоить необходимыя свѣдѣнія ²⁾. „Поменьше правилъ, побольше

¹⁾ *Saint-Beuve*. Op. cit., t. IV, ch. 1.

²⁾ Вотъ списокъ главнѣйшихъ трудовъ ясеннистовъ въ порядкѣ ихъ постепенной важности:

1. *La Logique ou l'Art de penser*, contenant, outre les Régies communes, plusieurs observations nouvelles propres à former le jugement, 1662. Авторы: *Arnauld et Nicole*.

2. *Grammaire générale et raisonnée*, contenant les fondemens de l'Art de parler, expliqués d'une manière claire et naturelle, les raisons de ce qui est commun à toutes les langues et des principales différences qui s'y rencontrent, et plusieurs remarques nouvelles sur la Langue françoise, 1660. Авторы: *Arnauld et Lancelot*.

3. *Nouvelle Méthode pour apprendre facilement et en peu de temps la Langue grecque* 1655. Авторъ: *Lancelot*.

4. *Nouvelle Méthode pour apprendre facilement et en peu de temps la Langue latine*, 1644. Авторъ: *Lancelot*.

упражнений“ вотъ что было общимъ педагогическимъ девизомъ янсенистовъ, а эпиграфомъ къ своимъ грамматическимъ трудамъ, какъ говоритъ Сентъ-Бевъ, они могли бы поставить слова: „*Aliud est grammaticæ, aliud latine loqui*“.

Дѣйствительно, хотя языкамъ и вообще литературному образованію янсенисты придавали большое значеніе, но грамматика съ ея догматическими сухими опредѣленіями была при этомъ отодвинута на задній планъ. Отправляясь отъ основательнаго изученія роднаго языка, они только потомъ переходили къ иностраннымъ и заставляли учениковъ усваивать ихъ главнымъ образомъ на литературныхъ образцахъ. Это давало возможность понять духъ языка, сжитья съ нимъ.

Но если отдѣльныя грамматики не играли прежней схоластической роли въ янсенистскихъ школахъ, то янсенистамъ несомнѣнно принадлежитъ слава созданія новой дисциплины — *всобщей грамматики*, которая имѣла цѣлью уяснить общіе законы человѣческой рѣчи, а не какого либо отдѣльнаго языка.

Это философское направленіе нашло въ Европѣ широкое распространеніе въ XVIII вѣкѣ, когда появился цѣлый рядъ трудовъ, посвященныхъ вопросу о происхожденіи языка и изученію общихъ основъ, на которыхъ строится рѣчь человѣка ¹⁾.

5. *Nouvelle Méthode pour apprendre facilement et en peu de temps la Langue italienne*, 1660. Авторъ: *Lancelot*.

6. *Nouvelle Méthode pour apprendre facilement et en peu de temps la Langue espagnole*, 1660. Авторъ: *Lancelot*.

7. *Quatre Traités de Poésies latine, françoise, italienne et espagnole*, 1663. Авторъ: *Lancelot*.

8. *Le Jardin des Rimes grecques mises en vers françois*, 1657. Авторъ: *Lancelot* и *M. de Saci*.

9. *Nouveaux Éléments de Géométrie*, contenant, outre un ordre tout nouveau et de nouvelles démonstrations des propositions les plus communes, de nouveaux moyens de faire voir quelles lignes sont incommensurables, de nouvelles mesures des angles, etc., etc., 1667. Авторъ: *Arnauld*.

Перечисленіе болѣе мелкихъ трудовъ можно найти у *Sainte-Beuve*. *Port-Royal*, I. IV.

¹⁾ Изъ нихъ въ русской литературѣ, посвященной философской грамматикѣ, между прочимъ упоминались: *Adelung*. „*Umständliches Lehrgebäude der deutschen sprache zur erleuterung der deutschen sprachlehre für schulen*“; *Court de Liebelin*. „*Monde primitif, analysé et comparé avec le monde moderne, considéré dans l'histoire naturelle de la parole ou grammaire universelle et comparative*“; *Harris*. „*Hermes, or a Philosophical inquiry concerning language and universal grammar*“; *De Brostes*. „*Traité de la formation mécanique des langues*“; *Beuzée*. „*Grammaire générale*“. *Kempelen*. „*Mechanismus der menschlichen Sprache*“; *Du Marsais*. „*Prin-*

Къ намъ философская грамматика попала въ концѣ XVIII вѣка. Элементы ея можно, правда, найти даже въ „Россійской Грамматикѣ“ Ломоносова и особенно въ грамматическомъ трудѣ Барсова, оставшемся ненапечатаннымъ ¹⁾, но у Ломоносова философская точка зрѣнія является болѣе или менѣе случайной, а сочиненіе Барсова, какъ не увидѣвшее свѣта, не могло имѣть никакого вліянія. Поэтому мы на нихъ не будемъ останавливаться, а непосредственно перейдемъ къ тѣмъ произведеніямъ, которыя болѣе опредѣленно отразили философско-грамматическое направленіе.

Въ 1799 году въ Москвѣ вышла небольшая книжка, посвященная Ивану Петровичу Тургеневу, подъ заглавіемъ: „О началѣ и постепенномъ приращеніи языка и изобрѣтеніи письма“. Это былъ переводъ съ французскаго, сдѣланный км. *Гр. Гагаринымъ и П. Лихачевымъ* ²⁾. Содержаніе этой книги уже представляетъ нѣкоторый интересъ и можетъ показать, какого рода разсужденія входили въ составъ подобныхъ трудовъ.

Главнымъ вопросомъ естественно являлся вопросъ о самомъ зарожденіи языка. Онъ рѣшался заманчиво просто и не безъ остроумія: „Люди были разсѣяны и вели жизнь кочевую“, читаемъ въ книгѣ Гагарина и Лихачева: „Естьли существовали общества, то они ограничивались тѣснымъ только кругомъ сѣмействъ... Поелику необходимою принуждаемы они были безпрестанно разлучаться другъ съ другомъ: то слѣдуетъ непременно заключить, что сѣмейственное общество было весьма несовершенно. Какъ же могли они согласиться ввести общіе звуки или слова для взаимнаго сообщенія своихъ мыслей?.. Кажется, что для утвержденія и распространенія языка надобно было сперва, чтобы люди соединились въ великомъ множествѣ, и чтобы они достигли уже извѣстной степени гражданственнаго совершенства. Но съ другой стороны кажется также, что языкъ необходимо нуженъ былъ къ составленію общества: ибо какъ бы множество людей могло утвердиться нѣ одномъ мѣстѣ и содѣйствовать общей пользѣ, есть-

cipes de Grammaire“; *Meiner*. „Versuch einer an der menschlichen Sprache abgebildeten Vernunftlehre“; *Sylvester de Sasy*. „Principes de Grammaire générale, mis à la portée des enfans et propres à servir d'introduction à l'étude des toutes les langues“; *Burnett*. „On the origine and progress of language“.

¹⁾ Объ этой грамматикѣ Барсова, сохранившейся въ рукописи, у *Сухомлинова* „Исторія Россійской Академіи“, выд. 4, стр. 242—298.

²⁾ Въ „Опытѣ Россійской библіографіи“ Соликова подъ № 9598 упоминается вышедшее въ 1777 году въ Москвѣ „Разсужденіе о началѣ и происхожденіи языковъ. Переводъ съ французскаго“. Къ сожалѣнію, этой книги я достать не могъ.

либъ они не были въ состояніи изъяснить другъ другу своихъ нуждъ и своихъ намѣреній? Слѣдовательно равно трудно, кажется, изъяснить, какъ общество могло составиться прежде языка; или какъ прежде составленія общества, слова могли произвестъ языкъ. Естьлижъ разсмотрѣть еще удивительное сходство всѣхъ почти языковъ; то затрудненія представляются въ толь великомъ множествѣ, что не безъ причины можно приписать образованіе языка Божескому наставленію или вдохновенію. Положивъ однако, что нѣкоторая, выше нежели человѣческая сила имѣла вліяніе на составленіе языка, не лзя еще думать, чтобы она вдругъ сообщила людямъ полную и совершенную его систему. Гораздо вѣроятнѣе, что Богъ сперва научилъ нашихъ Праотцевъ языку столько, сколько нужно имъ было въ тогдашнемъ ихъ положеніи, и что впрочемъ, касательно сего предмета, равно какъ и всѣхъ другихъ, предоставилъ онъ имъ самимъ трудъ распростра- нять его и приводить въ совершенство по мѣрѣ какъ требовали того ихъ нужды... Предположивъ такое время, когда не были изобрѣтены слова, или когда они были еще неизвѣстны, тотчасъ увидимъ, что человекъ не могъ тогда сообщать иначе своихъ мыслей другому, какъ посредствомъ исторгаемыхъ страстію восклицаній или криковъ, сопровождаемыхъ движеніями, сходствовавшими съ внутреннимъ его рас- положеніемъ: ибо сіи только знаки для взаимнаго сообщенія полу- чили люди отъ природы, и ихъ только всѣ они могутъ разумѣть... Восклицанія, извѣстныя у Грамматиковъ подъ именемъ *междометій*, суть натуральныя выраженія живо тронутой страсти; и они безъ сомнѣнія послужили первымъ основаніемъ или началомъ языку... Когда нужда потребовала обширнѣйшаго сообщенія, и когда люди вздумали отличать предметы особыми именами: то спрашивается, какое бы упо- требили они средство для изобрѣтенія словъ и наименованій? Очень вѣроятно, что сходственнымъ звукомъ словъ старались они выразить натуру предметовъ, кои хотѣлось имъ означить... Когда нужно было дать названіе шероховатому или жесткому предмету; то надлежало употребить сходной звукъ, то есть такой, которой бы заключалъ въ себѣ нѣчто шероховатое, жесткое, грубое¹⁾.

Вслѣдъ за этою книжкой у насъ появился дѣлшій рядъ работъ, разсматривающихъ языкъ съ философской точки зрѣнія. Такъ, напри- мѣръ, въ 1806 году въ Харьковѣ вышла книга: *И. Рижскаго „Вне- деніе въ кругъ словесности“*. Авторъ ся также видѣтъ въ междоме-

¹⁾ Кн. Гр. Гагаринъ и Петръ Лигачевъ. „О началѣ и постепенномъ приращеніи языка и изобрѣтеніи письма“. М. 1790, стр. 13—18.

тіяхъ источникъ челоуѣческаго языка и повторяетъ мысль о соответствіи звукового состава словъ характеру предмета.

Но въ книгѣ Рижскаго важна другая сторона. Въ ней впервые у насъ опредѣленно выразилась *логико-грамматическая* точка зрѣнія... „Слова суть знаки нашихъ мыслей“, говоритъ авторъ. „Свойства означаемой вещи должны находиться въ ея изображеніи, естьли только оно можетъ ихъ выражать. Слѣдовательно, *все, что существенно и всегда принадлежитъ нашимъ мыслямъ, должно быть существенно и неизмѣнно въ нашихъ словахъ*“ ¹⁾. Отсюда легко уже было перейти, какъ это и случилось впоследствии, къ отождествленію грамматическихъ и логическихъ категорій.

Любопытны въ книгѣ Рижскаго и разсужденія относительно созданія *русскаю* языка. Идіомы отдѣльныхъ языковъ, конечно, должны были нарушать стройность отвлеченныхъ филологическихъ построеній авторовъ общихъ грамматикъ и вызывали на размышленія. Но наивная догматичность искусно обходила всѣ подводные камни и оберегала цѣльность теорій. Вотъ примѣръ: „Естественное остроуміе первыхъ виновниковъ нашего языка“, говоритъ Рижскій, „усмотрѣло не только касательно свойствъ, что въ одной ихъ степени сравненія бываютъ иногда нѣкоторыя отгвни; отъ чего прилагательныя имена положительнаго и сравнительнаго степеней имѣютъ у насъ свои уменьшительныя и увеличительныя: но даже въ разсужденіи вещей, находящихся въ уменьшительномъ видѣ, что нныя изъ нихъ въ семъ состояніи намъ пріятны, нныя напротивъ сего отвратительны; а отъ сего произошли имена уменьшительныя, ласкательныя и уничижительныя. Подобнымъ образомъ даръ остроумія могъ примѣтить, что есть особенный родъ вещей, которыя обыкновенно бываютъ по двѣ, на примѣръ, глаза, руки, и проч., и одно дѣятельное вниманіе могло примѣнить сіе наблюденіе и къ прочимъ обстоятельствамъ, въ коихъ

¹⁾ *Н. Рижскій*. „Введеніе въ кругъ словесаости“. Харьковъ. 1806, стр. 23—31. Содержаніе книги Рижскаго довольно подробно изложено въ трудѣ *С. К. Булча* „Очеркъ исторіи языковеденія въ Россіи“, т. I, стр. 525—536. Нельзя только согласиться съ замѣчаніемъ *С. К. Булча*, что „научная безсодержательность и наивность сочиненія Рижскаго довольно живо характеризуютъ направленіе тогдашняго *московскаго* университетскаго преподаванія въ разсматриваемой области“. — Наше университетское преподаваніе въ данномъ отношеніи слѣдовало философскимъ грамматикамъ Запада и не представляло исключенія.

О Рижскомъ и его филологическихъ воззрѣніяхъ см. *М. Н. Сухомякова*. „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи“, т. I, стр. 64—74; или „Исслѣдованія и статьи“, т. I, стр. 72—83.

случайно находятся вещи въ числѣ двухъ токмо: отъ чего въ славянскомъ языкѣ есть особенное, какъ бы посредствующее между единственнымъ и множественнымъ, двойственное число. Но коль тонкія еще различія усмотрѣны творцами нашего языка въ тѣхъ измѣненіяхъ, какія бываютъ въ дѣйствіяхъ вещей! Замѣтимъ токмо объ однѣхъ временахъ нашихъ глаголовъ. Примѣняя всякое бытіе къ своему собственному, всѣ раздѣляютъ время на настоящее, прошедшее и будущее. Первое изъ нихъ толь мгновенно, толь не раздѣлимо, что ни одинъ, сколько извѣстно, народъ не нашелъ въ немъ никакихъ частныхъ отмѣнъ; и посему оно почти у всѣхъ одно, а евреи, которые не имѣютъ его, даже и не примѣтили онаго. Напротивъ сего въ прошедшемъ всѣмъ народамъ извѣстны два главныя его отлчія, то есть давность и недавность; но наши предки нашли еще въ самой давности разныя степени, которыя мы изображаемъ тремя разными давнопрошедшими временами. Многіе также усмотрѣли то естественное разлчіе, что прошедшія и будущія иногда предполагаютъ притомъ совершенное ихъ исполненіе, а иногда бываютъ безъ означенія сего обстоятельства: но въ нашемъ языкѣ видно еще тончайшее замѣчаніе, а именно, что всякое дѣйствіе въ послѣднемъ изъ оныхъ двухъ случаевъ иногда бываетъ продолжительное и многократно повторяемое, а иногда совершаемое въ одинъ приемъ: и сіи отлчія находятся даже въ такихъ измѣненіяхъ дѣйствія, которыя ни его лица, ни числа, ни времени не показываютъ; то есть въ глаголахъ не окончательнаго склоненія. Наконецъ всякое иносказательное, производное, особливо сложное реченіе есть правда произведеніе остроумнаго сличенія между собою вещей въ ихъ свойствахъ, дѣйствіяхъ, обстоятельствахъ, и проч., но первоначально замѣтить сіи сходства, несходства, и другаго рода отношенія служащія предметомъ оныхъ сужденій, есть дѣло отъ природы острога токмо ума" ¹⁾).

Такъ просто освѣщались сложнѣйшіе вопросы языка. Да иначе и быть не могло, разъ каждый отдѣльный народъ представлялся сознательнымъ изобрѣтателемъ своего языка. Очевидно, все зависѣло отъ *остроумія* и *находчивости* даннаго народа. Такимъ образомъ то, что выходило за предѣлы общей грамматики или противорѣчило ей положеніямъ, легко объяснялось и успокаивало сомнѣнія.

Къ 1810 году относятся два труда по всеобщей грамматикѣ. Въ Харьковѣ появилось сочиненіе *И. Орнатовскаго* „Новѣйшее начер-

¹⁾ *И. Рижскій*. Ор. cit., стр. 75—79.

таніе правилъ російской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ“, а въ Петербургѣ преподаватель гимназій и педагогическаго института *Н. Извицкій* издалъ „Всеобщую, философскую грамматику“.

Въ 1811 году въ Харьковѣ же была напечатана книга подъ заглавіемъ „Опытный способъ къ философскому познанію Россійскаго языка, сочиненный *Илією Тимковскимъ*“.

Въ 1812 году главное правленіе училищъ выпустило въ свѣтъ въ Петербургѣ вторую часть „курса философіи для гимназій Россійской имперіи“, содержащую „начертаніе всеобщей грамматики“, сочиненія доктора *Людвига Генриха Якоба* ¹⁾.

Всѣ эти сочиненія появились, конечно, не случайно. Разъ уставъ учебныхъ заведеній къ числу главныхъ предметовъ преподаванія въ гимназіяхъ относилъ и всеобщую грамматику, то необходимость имѣть соответственныя учебники и руководства должна была побудить какъ частныхъ лицъ, такъ и главное правленіе училищъ, позаботиться объ удовлетвореніи нуждъ новой школы. Правда, не всѣ неречисленныя книги были предназначены для учениковъ. Такъ, напримѣръ, сочиненія Тимковскаго и Орнатовскаго не могли быть по своему содержанию учебниками, но что и они имѣли въ виду потребности школы, видно хотя бы изъ предисловія къ книгѣ Тимковскаго, въ которомъ авторъ даетъ учителямъ методическія указанія относительно преподаванія.

Имѣть надобности подробно останавливаться на всѣхъ этихъ произведеніяхъ. Мы извлечемъ изъ нихъ только то, что такъ или иначе характеризуетъ преподаваніе всеобщей грамматики и даетъ представленіе объ ея составѣ. При этомъ мы отдадимъ преимущественное вниманіе тѣмъ отдѣламъ, которые помогутъ понять причины усложненія синтаксиса въ учебныхъ грамматикахъ 19 столѣтія.

„Всеобщая, философская грамматика“ *Извицкаю* была въ сущности первымъ учебникомъ по этому предмету въ нашихъ гимназіяхъ. Ничего оригинальнаго въ ней не было. Она представляла собою переводъ, мѣстами искаженный и незначительно дополненный, грамматики *Port-Royal*. Отмѣтимъ, какъ курьезъ, что *Извицкій* въ предис-

¹⁾ Курсъ философіи для гимназій, сочиненный Якобомъ, состоялъ изъ 6 частей:

Часть I, содержащая начертаніе всеобщей логики, 1811 года.

Часть II, содержащая начертаніе всеобщей грамматики, 1812 г.

Часть III, содержащая психологію, 1814 г.

Часть IV, содержащая нравоучительную философію, 1814 г.

Часть V, содержащая начертаніе эстетики, 1813 г.

Часть VI, содержащая умозрѣніе словесныхъ наукъ, 1813 г.

словѣн приписалъ это сочиненіе „французскому писателю Порт-Роялю“. По этому поводу одинъ изъ критиковъ выразилъ не лишнее извѣстности сожалѣніе: „Еще почитаемъ долгомъ сказать“, писалъ онъ въ рецензіи, „что г. переводчикъ не знаетъ даже, кѣмъ и гдѣ сочинена переведенная имъ книга. Онъ называетъ ее сочиненіемъ французскаго писателя Портъ-Рояля. Жаль, что онъ въ началѣ не помѣстилъ біографіи сего знаменитаго француза“¹⁾.

Книга Язвицкаго состоитъ изъ двухъ частей: первая трактуетъ „о начертаніяхъ и буквахъ, употребляемыхъ въ письмѣ“, вторая— „о значеніи словъ“. Въ первой части затрагиваются слѣдующіе вопросы: „о литерахъ, такъ какъ звукахъ, и во-первыхъ о гласныхъ“ (гл. 1); „о согласныхъ“ (гл. 2); „о слогахъ“ (гл. 3); „о словахъ, такъ какъ звукахъ, и о ихъ удареніяхъ“ (гл. 4); „о буквахъ; разсматриваемыхъ такъ какъ начертаніяхъ“ (гл. 5); „о новыхъ способахъ, посредствомъ коихъ легко можно выучиться читать на разныхъ языкахъ“ (гл. 6). Эта часть не представляетъ особаго интереса²⁾.

Вторая часть касается, между прочимъ, и общихъ вопросовъ.— Языкъ—удивительное изобрѣтеніе человѣка. Въ умѣ нашемъ три дѣйствія — понятіе, сужденіе и умозаключеніе. „Всякое сужденіе или предложеніе по необходимости заключаетъ въ себѣ два слова или термина. Напримѣръ первое слово *земля*, другое слово, къ ней присоединенное, *крутая*; а *есть*, составляетъ связь между сими двумя

¹⁾ „Санктпетербургскій Вѣстникъ“ 1812 г., ч. I. № 1, январь, стр. 93 — 101. Статья подписана Г. (Гречемъ?). Авторъ дѣлаетъ такое „общее заключеніе“ о книгѣ Язвицкаго: „Философская грамматика сія совершенно испорчена этимъ переводомъ, и нельзя не пожелать, чтобъ кто-нибудь другой взялся перевести ее снова, и тѣмъ примирилъ съ русскою словесностію священныя тѣни ея сочинителей“. — Никто, однако, новымъ переводомъ не занялся.

²⁾ Главы 3, 4, 5 и 6 почти вполнѣ совпадаютъ съ грамматикой „Port-Royal“. Главы 1 и 2 значительно сокращены: въ грамматикѣ „Port-Royal“ указана артикуляція отдѣльныхъ звуковъ; очевидно, Язвицкій былъ поставленъ въ нѣкоторое затрудненіе относительно русскаго языка и потому ограничился замѣчаніемъ: „Человѣкъ способный и понятный почти одному только произношенію и можетъ научиться отъ уроковъ учителя. Все прочее находится въ хорошихъ грамматикахъ, и прілежный ученикъ можетъ пользоваться оною и безъ учителя съ равнымъ, а часто еще съ большимъ успѣхомъ“ (стр. 16). Примѣры изъ еврейскаго языка, встрѣчающіеся въ грамматикѣ „Port-Royal“, вездѣ выкинуты.

6-я глава представляетъ интересъ для историка методовъ обученія грамотѣ. Авторы грамматикъ „Port-Royal“ указывали на трудности при обученіи чтенію, если буквы называть обычными терминами, я рекомендовалъ 1) называть всѣ согласныя съ *e* (*be, me, se...*), какъ у *Л. Толстого*, и 2) произносить слоги цѣлкомъ, а не складывать ихъ. Для Россіи это было новостью.

словами. То слово, о которомъ говоримъ, называется *подлежащимъ* или *предметомъ*; то же, которое къ нему присоединяемъ, или отдѣляемъ—называется *сказуемымъ* или *свойствомъ*; что же связываетъ подлежащее съ сказуемымъ называется *связью*¹⁾.

Авторы грамматики „Port-Royal“, а за ними и Языцкій, правильно смотрѣли на этотъ анализъ *исключительно какъ на логическій* и еще не смѣшивали его съ *синтаксисомъ*. Подлежащее и сказуемое въ ихъ глазахъ были членами сужденія, такъ что въ предложеніи „*невидимый Богъ создалъ видимый міръ*“ подлежащимъ являлись слова „*невидимый Богъ*“, а сказуемымъ—„*создалъ видимый міръ*“. Поэтому и наши такъ называемыя опредѣлительныя предложенія, начинающіяся съ мѣстоименія *кто*, рассматривались или какъ составная часть подлежащаго или какъ составная часть сказуемаго.

Мало того: авторы „Port-Royal“ находили, что всеобщая грамматика не можетъ и не должна рассуждать объ *особенностяхъ* синтаксиса, и давали поэтому только нѣсколько общихъ указаній о *согласованіи* и *управленіи* словъ. Синтаксисъ ими рассматривался исключительно съ этой точки зрѣнія, какъ и въ нашихъ старыхъ грамматикахъ до 19 вѣка.

Если языкъ вообще считался изобрѣтеніемъ человѣка, то отдѣльныя части рѣчи, конечно, были только продуктомъ остроумной находчивости, вытекавшей изъ естественной необходимости: „Люди имѣя нужду въ знакахъ для выраженія того, что происходило въ душѣ ихъ, принуждены были изобрѣсти различіе въ словахъ, такъ, что бы одніе изъ нихъ означали предметъ мыслей; а другія образъ оныхъ. Къ первому отдѣленію относятся тѣ слова, кои называются: именами, членами, мѣстоименіями, причастіями и нарѣчіями, а ко второму: глаголы, союзы и междометія. Всѣ они изобрѣтены по причинѣ естественной необходимости“²⁾. „Предметы нашихъ мыслей бываютъ или волци, напр.: *земля, солнце, вода*, и проч., что обыкновенно называютъ

¹⁾ Языцкій, стр. 31. Ср. „Port-Royal“: „Le jugement que nous faisons des choses, comme quand je dis, *la terre est ronde*, s'appelle *Proposition*; et ainsi toute proposition enferme nécessairement deux termes; et l'autre appelé *attribut* qui est ce qu'on affirme comme *ronde*; et de plus la liaison entre ces deux termes. est“. (Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal, par Arnauld et Lancelot; précédée d'un Essai sur l'origine et les progrès de la Langue française, par M. Petitot. et suivie du commentaire de M. Duclos, auquel on a ajouté des Notes. Paris, 1803, p. 271.—Всѣ дальнѣйшія ссылки я дѣлаю на это изданіе).

²⁾ Языцкій, стр. 32. „Port-Royal“, p. 272.

существомъ (substantif); или качества вещей, какъ-то: быть *крутымъ, краснымъ*, что называется *случайностию* (accident)¹⁾.

Разница между ними въ томъ, что „существа имѣютъ сами по себѣ бытіе, между тѣмъ какъ случайности существуютъ по средствомъ однихъ только существъ“. Правда, существуютъ такія слова, какъ *бѣлзна, глупость* и т. п., но это не противорѣчитъ сказанному: „Если случается, что какое либо существительное не можетъ стоять само по себѣ, то сіе бываетъ тогда, когда оно сверхъ раздѣльнаго своего значенія, имѣетъ еще смѣшенное, которое можно назвать connotation вещи, которой прилнчествуетъ все то, что замѣчено чрезъ раздѣльное значеніе. Такимъ образомъ отъ раздѣльнаго значенія: *красный, румяный*, происходитъ—*красность, румянность, rouge, rougeur*. Таковое значеніе очень смѣшанно означаетъ подлежащее—красности; отсюда и происходитъ то, что оно не можетъ существовать одно въ разговорахъ, по тому что здѣсь должно изъяснять, или подразумѣвать то слово, которое означаетъ сіе подлежащее“²⁾.

Грамматическія свойства отдѣльных частей рѣчи или роль частей рѣчи въ языкѣ представлялись тоже результатомъ сознательныхъ дѣйствій человека. Вотъ характерные примѣры: „Какъ имена прилагательныя по ихъ природѣ прилнчествуютъ многымъ: то, *чтобъ разговоръ сдѣлать смѣшаннымъ, и чтобъ украсить его разнообразіемъ окончаній, разсудили къ стати изобрѣсти въ прилагательныхъ различія по именамъ существительнымъ, къ которымъ они присовокупляются. Такимъ образомъ люди разеуждая наипаче о самихъ себѣ, примѣтили довольно ощутительное различіе, состоящее въ двухъ полахъ: по сему и вздумали также перемѣнять и самыя имена прилагательныя, придавъ имъ различныя окончанія“³⁾.*

¹⁾ *Языцкій*, стр. 33—34. Этому несовсѣмъ толковому изложенію соответствуетъ въ „Port-Royal“ слѣдующее мѣсто: „Or ce qui fait qu'un nom ne peut subsister par soi-même, est quand, outre sa signification distincte, il en a encore une confuse, qu'on peut appeler connotation d'une chose à laquelle convient ce qui est marqué par la signification distincte. Ainsi la signification distincte de *rouge* est la *rougeur*; mais il la signifie en marquant confusément le sujet de cette rougeur d'où vient qu'il ne subsiste point seul dans le discours, parce qu'on y doit exprimer ou sous-entendre le mot qui signifie ce sujet“ (p. 274).

²⁾ *Языцкій*, стр. 38—39. Здѣсь между прочимъ Извнцкій дѣлаетъ отъ себя небольшое примѣчаніе, въ которомъ говоритъ: „Желательно было бы, если бы кто вѣдучь отыскалъ основательныя причины во всѣхъ языкахъ, почему нѣкоторыя слова, не имѣющія пола, отнесены къ мужескому; а нѣкоторыя къ женскому роду. Сіе открытіе для изученія языковъ принесло бы великое вспоможеніе“ (стр. 42).

Мы уже выше отметили, что авторы общих грамматик не смущались идиомами языка. Поэту Языцкій, обращая вниманіе читателей на отсутствіе члена въ русскомъ языкѣ, замѣчалъ, что въ данномомъ случаѣ русский народъ оказался выше другихъ, такъ какъ при созданіи своей рѣчи понялъ, что отсутствіе члена—источникъ красоты языка: „Читалъ хорошее Россійское сочиненіе“, говоритъ Языцкій, „какъ будто бы идешь по самой гладкой дорогѣ. На противъ, читалъ французскую книгу, языкъ всегда скачется какъ будто бы по какимъ-нибудь кочкамъ и тямъ“ ¹⁾.

Мѣстоименія—такое же хитроумное изобрѣтеніе: „Люди примѣтили, что въ разговорѣ бесполезно и смѣшно было бы называть себя всегда по имени. Для сего ввели мѣстоименіе, первое лица. Дабы избѣжать также частаго повторенія того имени, къ коему говорится, изобрѣли мѣстоименіе, второе лица. Для избѣжанія же всегдашняго повторенія именъ другихъ лицъ, или вещей, о которыхъ говорится, изобрѣли мѣстоименіе, третье лица“ ²⁾.

Тѣми же причинами объясняется наличность въ глаголахъ измѣненій по лицамъ: „Чтобы не употреблять всегда мѣстоименій, вздумавъ дать слову подтвержденіе означающему, такое окончаніе, которое бы означало себя самого, или того, кто говоритъ. Тоже самое сдѣлано и въ разсужденіи того, къ кому относится рѣчь“ и т. д. ³⁾.

Примѣромъ наивности, свидѣтельствующимъ о полномъ незнакомствѣ съ исторіей языка, можетъ служить разсужденіе о родѣ въ настоящемъ прошедшемъ времени: „Многіе языки за нужное почли сдѣлать различіе въ окончаніяхъ, относящееся къ полу мужескому или женскому. По сему-то очень часто одному и тому же лицу глагола даютъ два или три рода для избѣжанія двусмыслія въ рѣчи. Напримѣръ въ Россійскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ глаголахъ, третье лице имѣетъ три рода: напримѣръ писалъ, писала, писало“ ⁴⁾.

Подобными разсужденіями полна всеобщая грамматика: „желаніе людей сокращать рѣчь было поводомъ къ изобрѣтенію нарѣчій“ ⁵⁾; „люди не менѣе имѣли нужды въ изобрѣтеніи словъ, означающихъ утвержденіе и главный образъ нашихъ мыслей“ ⁶⁾, и потому изобрѣли

¹⁾ Языцкій, стр. 52.

²⁾ Языцкій, стр. 53—54.

³⁾ Языцкій, стр. 85.

⁴⁾ Языцкій, стр. 88.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 73.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 75.

глаголы; кромѣ измѣненія глагола по временамъ, числамъ и лицамъ „люди примѣтили, что нужно изобрѣсть еще другія измѣненія, раздѣляя ихъ означающія наши мысли“¹⁾, и придумали наклоненія; при этомъ такъ какъ можно утверждать или просто, или условно, „договорно и переменнѣно“, а „сверхъ того, включая утверждение, самое дѣйствіе нашей воли можно почестъ за образъ нашихъ мыслей“, то люди образовали три вида наклоненій—изъявительное, сослагательное и повелительное. Такъ называемое неопредѣленное наклоненіе какъ будто не подходило подъ указанный принципъ дѣленія, но это мало затрудняло, и во всеобщей грамматикѣ просто говорилось: „есть еще другое измѣненіе въ глаголѣ, но имѣющее ни числа, ни лицъ, а потому и называется *неопредѣленнымъ*“²⁾. Одно только междометіе „одождено своимъ происхожденіемъ болѣе природѣ, нежели искусству“³⁾.

„Всеобщая грамматика“ Язвицкаго заканчивалась, какъ и грамматика „Port Royal“, небольшимъ разсужденіемъ „о фигурахъ словосочиненія“, которыхъ указано четыре: 1) *силленсъ*, т. е. согласованіе по смыслу, 2) *эллисисъ*, т. е. опущеніе легко подразумѣваемыхъ словъ, 3) *инвербать*, т. е. измѣненіе обычнаго порядка словъ, и 4) *плеоназмъ*⁴⁾.

Какъ ни плоха была книга Язвицкаго въ качествѣ учебника, однако другого не было, и потому ее временно допустили къ классному употребленію⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 92.

²⁾ Тамъ же, стр. 96.

³⁾ Тамъ же, стр. 130.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 135—138.

⁵⁾ Въ журналѣ главнаго правленія училищъ 12-го января 1811 года записано: „Слушала отношеніе г. члена правленія дѣйств. ст. сов. Фуса о томъ, что всеобщая грамматика Порт-Рояля, на которой основалъ старшій учитель здѣшной гимназіи Язвицкій свою грамматику, есть довольно извѣстное сочиненіе; но оно написано на французскомъ языкѣ для французовъ, слѣдовательно переводъ оной на Россійскій языкъ надлежало бы еще болѣе приспособить къ употребленію нашего юношества, нежели сдѣлалъ то г. Язвицкій. Сверхъ того есть всеобщія грамматики, которыя гораздо лучше Порт-Роялевой, какъ на примѣръ Фатера. Грамматика Г. Икоба имѣетъ еще большее преимущество въ томъ, что составляетъ часть полнаго курса философіи, и соображена какъ съ другими курсами, такъ и со временемъ, которое въ нашихъ гимназіяхъ для сей части употребить можно. Но сіе не препятствуетъ позволять г. Язвицкому употреблять его книгу въ классахъ здѣшной гимназіи до тѣхъ поръ, пока главное правленіе училищъ не издастъ философической грамматики для всѣхъ.“

Въ 1812 году, какъ было уже отмѣчено, вышла всеобщая грамматика проф. Якоба, и министръ приказалъ ее ввести во всѣхъ гимназіяхъ. Такимъ образомъ, передъ нами учебникъ офіціально признанный и потому представляющій цѣнный матеріалъ для преподавателя. Одно оглавленіе книги Якоба можетъ дать нѣкоторое представленіе объ интересующемъ насъ учебномъ предметѣ. Вотъ въ какомъ видѣ оно напечатано въ изданіи главнаго правленія училищъ:

Введеніе.

I. Понятіе Грамматики.

II. О возможности словеснаго языка вообще.

III. О значеніи словъ..

IV. О необходимости языка.

V. Знаніе языка. Грамматика. Всеобщая Грамматика.

VI. Раздѣленіе всеобщей Грамматики.

Часть первая. О частяхъ рѣчи порознь, или о грамматическихъ началахъ.

Глава первая. О свойствѣ различныхъ частей рѣчи.

I. О словахъ, яко выражающихъ мысли.

A. О словахъ, выражающихъ подлежащее (substantiva et pronomina).

a) О существительныхъ въ особености.

b) О мѣстоименіяхъ.

B. О словахъ, выражающихъ сказуемое, или прилагательныхъ.

C. О словахъ, выражающихъ сужденія, или глаголахъ.

D. О словахъ, выражающихъ отношеніе, или о предлогахъ и союзахъ.

a) О словахъ, выражающихъ отношенія понятій порознь, или о предлогахъ.

b) О словахъ, выражающихъ отношеніе цѣлыхъ предложеній.

II. О словахъ, выражающихъ чувствованія или междометіяхъ.

Глава вторая. О перемѣнахъ словъ порознь.

гимназій. Что же касается до недостатковъ и погрѣшностей въ грамматикѣ г. Язвницкаго, то должно предполагать, что онъ въ преподаваніи оной одинъ дополнилъ, а другіа исправилъ". Правленіе съ Фусомъ согласилось и разрѣшило Язвницкому „до изданія всеобщей грамматики для всѣхъ гимназій вообще“ употребить ее въ классахъ „съ возможными оными исправленіемъ и приспособленіемъ къ Россійскому языку“ (Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла главнаго правленія училищъ. Папка № 8).

I. О перемѣнахъ словъ, выражающихъ подлежащее.

II. О перемѣнахъ словъ, выражающихъ сказуемое.

III. О перемѣнѣ словъ, выражающихъ сужденіе.

A. Число лицъ и форма родовъ.

B. Форма времени (tempora).

C. О разныхъ родахъ предложеній (modi).

D. О такъ называемыхъ залогахъ.

IV. О непремѣняемыхъ словахъ.

Глава третья. Объ изобрѣтеніи и произведеніи словъ.

Глава четвертая. О составленіи словъ.

Часть вторая. Синтаксисъ, или грамматическое снособо-ученіе.

Глава первая. О соединеніи словъ для опредѣленія отдѣльныхъ понятій въ предложеніяхъ.

Глава вторая. О соединеніи словъ въ предложеніа.

Глава третья. О соединеніи предложеній въ періоды.

Начинается всеобщая грамматика Якоба съ выясненія понятія „знакъ“. Знаки дѣлятся на *естественные* и *искусственные*. „Примѣчательнѣйшіе знаки послѣдняго рода бываютъ частію предметы видѣнія, частію предметы слуха“. „Понятія видѣнія“ дѣлятся на нѣсколько группъ: „1) искусственные, подходящіа впрочемъ къ естественнымъ, знаки внутреннихъ душевныхъ ощущеній, какъ-то: тѣлодвиженія, взоры. 2) Срисовка предметовъ, изображенія въ собственномъ смыслѣ. 3) Символы, не собственно такъ называемые, вносказательныя представленія. 4) Черты, то есть, письменные знаки, неимѣющіе никакого сходства съ означаемымъ предметомъ.—Понятія слуха, къ сему роду относящіяся, суть звуки, производимые людьми для сего намѣренія“. (§ 3).

Далѣе идетъ разсужденіе о *словахъ*, выясняется понятіе „говорить“. указывается *цѣль языка*, намѣчаются преимущества *словеснаго языка* передъ всякимъ другимъ. Наконецъ, опредѣляются выгоды *письма*.

Интересно объясненіе множественности языковъ. „Поелику выборъ словъ зависитъ отъ произвола; то легко заключить можно, что всѣ не могутъ употреблять одни и тѣ же слова для означенія одинаковыхъ мыслей. Впрочемъ тѣ, кои хотятъ употреблять языкъ для взаимнаго сообщенія своихъ мыслей, должны согласиться въ употребленіи одинаковыхъ словъ. По сему люди, живущіе въ общественной связи и всегда въ многораазличномъ обращеніи между собою находящіеся, употребляютъ также и одинаковыя слова для означенія одинаковыхъ

мыслей, то есть, имѣють *однѣ* языкъ. Но чѣмъ независимѣ другъ отъ друга народы возникли, и чѣмъ отдаленнѣе образовались, тѣмъ различнѣе и языкъ ихъ. Слѣдовательно есть весьма много языковъ, которые, судя по различному происхожденію и разсѣянію народовъ имѣють то болѣе, то менѣе между собою сходства“ (§ 9).

Возможность словеснаго языка ставится въ связь съ органами дыханія и полостью рта. Родъ и число членораздѣльныхъ звуковъ опредѣляется свойствомъ „язычныхъ органовъ“, къ которымъ относится *гортань*, „мускулами кося производятся всѣ звуки голоса“, языкъ, *небо*, *челюсть*, *зубы*, *зубы*, *носъ*. Выясняется понятіе гласныхъ и согласныхъ, при чемъ дѣленіе основывается на особенностяхъ артикуляціи тѣхъ и другихъ. Затѣмъ говорится о *словѣ*, *словѣ*, *предложеніи*, *періодѣ*. „Когда одна буква, или многія вмѣстѣ взятыя выговариваются однимъ разомъ, или однимъ голосомъ: то сіе называется *слогомъ*, ежели чрезъ то производится совершенно опредѣленный звукъ. Если же одинъ, или многіе слоги соединяются вмѣстѣ для означенія какого-либо понятія, или чувствованія: то сіе называется *словомъ*; ежели посредствомъ одного или многихъ словъ въ совокупности выражается сужденіе: то сіе называется *предложеніемъ* (propositio); предложеніе, составленное изъ многихъ предложеній, посредствомъ котораго выражается какая либо соединенная мысль, называется *періодомъ*. Рѣчь состоитъ изъ періодовъ“ (§ 18).

Развитію языка зависить отъ произвола. Сначала люди издавали нечленораздѣльные звуки, затѣмъ послѣ многихъ грубыхъ и несовершенныхъ опытовъ достигли „лучшей членообразности“. „Коль скоро составились общества, то нудящая къ тому склонность обнаружилась въ человѣкѣ столько, что онъ вездѣ, гдѣ только находится въ соединеніи съ другими, ему подобными, изобрѣтаетъ языкъ“ (§ 31).

„Съ разпространеніемъ и усовершенствованіемъ искусствъ, естественнымъ образомъ начали стараться означать вещи, гдѣ можно, такими звуками, которые, хотя сколько нибудь имѣли сходства съ означаемыми предметами. Сіе всего легче можно было сдѣлать тамъ, гдѣ сами предметы отличались звукомъ. Самая природа вещей также вела къ тому, чтобы для означенія тихихъ понятій употребляемы были и звуки тихіе: для означенія грубыхъ и сильныхъ мыслей, грубые и сильные. Впрочемъ здѣсь произволъ человѣка все еще много дѣйствоваль; при томъ же сіе искусство въ каждомъ языкѣ должноствовало немедленно наскучить, коль скоро либо не находили болѣе никакого

сходства, либо гдѣ оно открытъ было очень трудно и гдѣ также изобрѣтатели языка не старались находить оно" (§ 22).

Въ связи съ измѣненіемъ понятій появились въ языкѣ и измѣненія словъ, при чемъ человѣкъ и тутъ поступилъ по произволу: „По-раздо сходственнѣе съ разумомъ, слово однажды употребленное, для означенія какого либо понятія, всегда употребляеть въ томъ же смыслѣ, дабы и сіе понятіе можно было отличать въ его многоразличныхъ связяхъ съ другими понятіями, равно какъ и самыя сіи связи, при перемѣнахъ слова, при склоненіяхъ онаго и прибавленіяхъ; и такимъ образомъ смотря по перемѣнѣ понятія, перемѣнять и самое слово. Такъ поступлено во всѣхъ, хотя нѣскольکو образованныхъ языкахъ" (§ 23).

„Во всякомъ языкѣ надобно обращать вниманіе на два предмета: 1) на самыя слова, составляющія матерію или содержаніе языковъ; 2) на образъ и способъ, какъ сіи слова составляются, измѣняются, или на форму. Начертаніе правилъ, по которымъ въ какомъ либо языкѣ слова составляются, перемѣняются, и соединяются въ предложенія я періоды, т. е. начертаніе формы языка составляютъ предметъ Грамматики того языка" (§ 33 и 34).

Въ отдѣльныхъ языкахъ мы можемъ наблюдать „нѣкоторые законы, между правилами языка заключающіеся, безъ коихъ нвгдѣ и никакой языкъ состоять не можетъ; уеатриваемъ еще и другіе, коимъ всякой языкъ долженъ быть подверженъ, естли хотять его усовершенствовать. Сіи законы выводятся изъ понятія формы языка вообще, и слѣдственно необходимы для всякаго языка безъ различія (a priori)" (§ 36).

Наука, излагающая эти законы, и называется всеобщей грамматикой или всеобщимъ языкоученіемъ, въ отличіе отъ сравнительной грамматики, которая опредѣляетъ „сходство и несходство многихъ языковъ" (§ 35). Всеобщая грамматика дѣлится на „всеобщую осорію частей рѣчи" и „всеобщій синтаксисъ".

Части рѣчи предлагается опредѣлять при помощи понятій, выражаемыхъ рѣчью. А такъ какъ мы выражаемъ или мысли или чувства, то и всѣ слова должны быть или слова мыслей или слова чувствованій. Къ послѣднимъ относятся междометія.

Элементы мысли опредѣляются анализомъ сужденія. Если сужденіе состоитъ изъ подлежащаго, сказуемаго и связки, то всѣ слова, очевидно, сводятся къ этимъ элементамъ и ихъ отношеніямъ. Отсюда получаютъ слѣдующіе классы:

1. „Слова, означающія подлежащее (nomina substantiva et pronomina).

2. Слова, означающія сказуемое:
 - a) Слово, означающихъ подлежащее (adjectiva).
 - b) Слово, означающихъ сказуемое (adverbia).
3. Слова, выражающія сужденіе (глаголы).
4. Слова, означающія отношеніе.
 - a) Слова единственныхъ понятій (praepositiones).
 - b) Слова предложеній (conjunctiones).
5. Слова, выражающія чувствованія (interjectiones)* (§ 44).

Такими же логико-психологическими соображеніями выясняется смыслъ различныхъ формъ и свойствъ частей рѣчи. Мы имѣемъ, следовательно, во всеобщей грамматикѣ Якоба опредѣленно выраженную логико-грамматическую точку зрѣнія.

Эта точка зрѣнія особенно сказалась на разработкѣ синтаксиса. Синтаксисъ, по мнѣнію автора, занимается слѣдующими вопросами: „1) о соединеніи словъ, для опредѣленія посредствомъ оныхъ, отдѣльныхъ понятій въ предложеніяхъ; 2) о составленіи словъ въ предложенія, а предложеній въ періоды“ (§ 160).

Указывая, что въ каждомъ предложеніи заключается три основныхъ понятій—подлежащее, сказуемое и связка, философская грамматика вмѣстѣ съ тѣмъ допускала, что каждое изъ этихъ понятій можно опредѣлять нѣсколькими словами. Такъ, подлежащее можно опредѣлить 1) другими подлежащими, 2) сказуемыми, 3) предложеніями.

Насколько темно все это было изложено, видно хотя бы по такому разсужденію: „Что слова, служащія къ опредѣленію подлежащаго, относятся къ подлежащему слову, какъ сказуемая; то видно частію изъ мѣста, ими занимаемаго, частію изъ того, что ихъ форма, сколько возможно, согласуется съ формою подлежащаго. Потому, ежели подлежащее служитъ, вмѣсто сказуемаго, другому подлежащему: то сіе должно быть показано частію посредствомъ мѣста, частію посредствомъ сходства въ числѣ и падежѣ, естли послѣднее не опредѣляется прибавкою, или выпущеніемъ глагола. Таковое соединеніе существительнаго съ другимъ, выражающимъ признакъ, подобно прилагательному, называется приложеніемъ (appositio)“. (§§ 163 — 164). „Если подлежащее опредѣляется членомъ, или сказуемымъ: то должно показать посредствомъ размѣщенія сихъ словъ, или посредствомъ сходства ихъ формы съ главнымъ словомъ, что сін въ тому относятся. Посему во всѣхъ языкахъ, имѣющихъ склоняемые члены, или сказуемая, находится правило, что сін послѣднія должны согласоваться

съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ" (§ 165). „Когда существительное должно **выражать** такое отношеніе, которое ограничиваетъ значеніе другаго, то одно соединяется съ другимъ въ косвенномъ падежѣ (*restrictivo casu*), и тогда опредѣляемое подлежащее управляетъ смъ падежемъ. Слѣдственно, когда въ языкахъ, имѣющихъ склоненія, два подлежащія стоятъ вмѣстѣ, изъ коихъ одно показываетъ отношеніе другаго; то сіе отношеніе стоитъ въ родительномъ, или косвенномъ падежѣ" (§ 168). „Ежели подлежащее, подлежащее служить опредѣленіемъ первому, показываетъ намѣреніе и цѣль перваго: то полагается оно въ дательномъ падежѣ" (§ 169) и т. д.

Особенно интересно для насъ *ученіе о предложеніяхъ*. Здѣсь читатель найдетъ въ зародышѣ все, что характеризуетъ нашу школьный синтаксисъ съ его неопредѣленными, сложными и запутанными классификаціями, неустановившимися терминами и сомнительными построеніями.

„Когда подлежащее и сказуемое“, читаемъ въ этомъ отдѣлѣ, „посредствомъ сужденія, совокупляются, тогда бываетъ предложеніе. *Предложеніе* можетъ быть выражено однимъ и многими словами; подлежащее, глаголъ и сказуемое составляютъ всѣ необходимыя части онаго" (§ 194).

„Предложенія бываютъ или *простыя*, или *сложныя*, смотря по тому, какъ одно, или многія выражаются въ нихъ сужденія" (§ 196).

„Сложныя предложенія бываютъ или такія, въ которыхъ находящіяся предложенія относятся только къ подлежащему, либо сказуемому одного предложенія, или многія предложенія поставляются въ какомъ либо отношеніи другъ къ другу. Первые называются *подробными*, послѣднія *соединительными*" (§ 197).

Есть у Якоба и классификація предложеній, построенная на возможныхъ между различными предложеніями отношеніяхъ. Отношенія намѣчены такія:

„1. Отношенія *согласія*, онѣ выражаются:

- а) Въ *соединительныхъ* предложеніяхъ чрезъ союзъ *и*, которой означаетъ только, что два, или многія предложенія въ умѣ соединяются, не смотря на то, находится ли между ихъ содержаніемъ согласіе, или нѣтъ.
- б) Въ *сравнительныхъ* предложеніяхъ, когда предложенія сравниваются одно съ другимъ по ихъ роду, образу, или степени.
- в) *Уступительныя* предложенія премѣняютъ видимое противорѣчіе въ согласіе.

2. Отношенія *противоположности*:

- а) Въ *раздѣлительныхъ*, или взаимно другъ друга исключающихъ предложеніяхъ. Всѣ предложенія представляются подъ однимъ понятіемъ, какъ нѣкое совершенное цѣлое, однакожь такъ, что одно другое уничтожаетъ.
- б) *Противныя*, или совершенно, или отъ части уничтожающія другъ друга предложенія.

3. Отношенія *времени*:

- а) *современности*.
- б) *послѣдованія*, или *наслѣдованія*, *продолжительныя* предложенія.

4. Отношенія *зависимости*:

- а) Зависимость ставленія какого либо предложенія отъ представленія.
- б) Одно предложеніе представляется основаніемъ другаго. *Наносительныя* предложенія.
- в) Одно причиною, другое дѣйствіемъ. *Винсловныя* предложенія.
- г) Одно условіемъ другаго. *Условныя* предложенія.
- д) Одно цѣлю предшествующаго. *Конечныя* предложенія.
- е) Одно содержащимся въ понятіи другаго. *Подчиненныя* предложенія.
- ж) Одно слѣдствіемъ другаго. *Послѣдовательныя* предложенія“ (§ 200).

Кромѣ этого дѣленія, предложенія имѣютъ еще и другое, сообразно съ *модальностями* сужденія:

„I. *Умозрительныя*.

- 1. *Безусловныя*, или *самостоятельныя* предложенія, выражаемыя посредствомъ изъявительнаго наклоненія.
- 2. *Условныя*, *зависимыя*, или *относительныя*, относящіяся и зависящія отъ другихъ. Сіе показывается, то *сознательнымъ* наклоненіемъ, то *неопредѣленнымъ*, то *спознанъ*.
- 3. *Проблематическія*, или *вопросительныя* предложенія, обнаруживаемыя, то какимъ либо особеннымъ наклоненіемъ, то нарѣчіемъ.

II. *Практическія*.

- 1. *Требовательныя*, или *повелительныя*, означаемыя повелительнымъ наклоненіемъ.
- 2. *Желательныя*, означаемыя желательнымъ наклоненіемъ“ (§ 202).

Соединеніе нѣсколькихъ предложеній въ одно называется *періодомъ*. Предложенія, входящія въ составъ періода, раздѣляются на

1. *Главное предложеніе*, къ объясненію и опредѣленію коего всѣ прочія способствуютъ.
2. *Побочныя предложенія*, служащія къ объясненію и опредѣленію главнаго“ (§ 206).

Классификаціи этихъ „побочныхъ“ предложеній нѣтъ. Очевидно, названія ихъ обуславливались вышеприведенными дѣленіями.

Легко представить себѣ, съ какою трудомъ усваивали ученики этотъ отвлеченный матеріалъ. Можно даже сомнѣваться, усваивали ли: слишкомъ далеки отъ живого языка были построенія философской грамматики, слишкомъ сухо было изложеніе. Если прибавить къ этому, что въ учебникѣ Якоба не было рѣшительно никакихъ примѣровъ, то станетъ яснымъ, почему новый учебный предметъ вызвалъ скоро нападки и потерпѣлъ крушеніе. Этому способствовали, какъ увидимъ ниже, и нѣкоторыя политическія обстоятельства.

„Опытный способъ къ философическому познанію Россійскаго языка“, сочиненный Иліей Тимковскимъ, даетъ образецъ примѣненія принциповъ философской грамматики къ грамматикѣ русской и указываетъ тѣ педагогическія приемы, которые, вѣроятно, употреблялись на урокахъ русскаго языка. Книга Тимковскаго своего рода методика преподаванія русской грамматики на новыхъ основахъ. „Правила всеобщей Грамматики“, говоритъ онъ въ предисловіи, „изъясняя употребленіе Россійскаго слова, приводятъ къ познанію его состава, свойства и силы. Разсудительныя о семъ изслѣдованія открываютъ постепенную связь предметовъ, которая содержитъ въ себѣ:

- I. Грамматическій разборъ частей рѣчи и смысла выраженій.
- II. Окончанія производныхъ словъ, съ ихъ знаменованіемъ.
- III. Сложеніе словъ, съ изъясненіемъ означенія сложныхъ.
- IV. Произведеніе словъ, находящихся въ рѣчи для примѣра взятой, и употребленіе тѣхъ же словъ въ другихъ выраженіяхъ.
- V. Связь и опредѣленіе понятій для составленія мысли.
- VI. Опредѣленіе и связь мыслей.
- VII. Порядокъ словъ и звуки въ выраженіяхъ.
- VIII. Древности языка Славяно-Россійскаго и отношенія его къ другимъ языкамъ.
- IX. Начальное руководство къ ясному понятію чужихъ и сообщенію своихъ мыслей“.

Программа, какъ видимъ, довольно сложная и въ различныхъ отношеніяхъ цѣнная. Если отбросить „философическій“ элементъ, то мы найдемъ въ ней много такого матеріала, который преслѣдуетъ дѣйствительное изученіе языка: тутъ и производство словъ, в синонимика, и анализъ смысла отдѣльныхъ выраженій. Все это предлагалось проходить „по окончаніи краткой Россійской Грамматики, или совокупно съ преподаваніемъ оной“ ¹⁾.

Порядокъ занятій намѣченъ Тимковскимъ въ слѣдующемъ видѣ:

„1. Наставникъ, изъяснивъ опредѣленія частей рѣчи въ Грамматикѣ, съ примѣрами словъ порознь на каждую, показываетъ ихъ ученикамъ въ совокупномъ словѣ; дабы они видѣли, какъ рѣчь составляется смѣсю и измѣненіемъ частей рѣчи, и болѣе утвердился въ познаніи оныхъ. Для сего пишетъ на доскѣ періодъ избранный и входитъ въ разсмотрѣніе о каждомъ въ немъ словѣ: измѣняемое ли оно, или неизмѣняемое, каково въ началѣ своемъ измѣняемое, и каждое слово какая есть часть рѣчи по наименованіямъ ²⁾).

2. Далѣе потомъ преподаетъ этимологию, которая будетъ уже явственнѣе и понятнѣе учащимся. Окончивъ оную, приступаетъ къ дальнѣйшему разбору примѣровъ ³⁾.

¹⁾ Краткій отзывъ о книгѣ Тимковскаго, составленный М. Е. Халавскимъ, напечатанъ въ трудѣ Д. И. Бочалова „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“. Харьковъ 1893—98, т. I, стр. 652—653.

²⁾ Напримѣръ, разбирается отрывокъ:

„Уже прекрасное свѣтло
Простерло блескъ свой по земли“ и т. д.

„Уже: нарѣчіе. Прекрасное, прекрасный, красивый: имя прилагательное. Свѣтло, имя существительное. Простерло, простереть, простираю, глаголъ“, и т. д. При этомъ рекомендовались слѣдующія упражненія: 1) „Сокращенныя или усѣченныя слова приводятся въ полное состояніе свое. 2) Увеличительныя или уменьшительныя слова въ простое состояніе. 3) Имена, мѣстоименія и причастія поставляются въ именительномъ падежѣ единственнаго числа. 4) Имена прилагательныя, мѣстоименія, таковыя же и причастія, но приведенія въ именительный падежъ единственнаго числа, поставляются въ мужеск. родѣ. 5) Имена прилагательныя и нарѣчія въ положительномъ степенн. 6) Глаголы, причастія и дѣпричастія въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола, и изъявительнаго его наклоненія въ настоящемъ времени, числѣ единственномъ, лицѣ первомъ“ (стр. 9 и 57).

³⁾ Между прочимъ, при этомъ разсматривались грамматическія свойства частей рѣчи по такой схемѣ: 1) „Въ какомъ родѣ, числѣ и падежѣ имя, мѣстоименіе и причастіе. 2) Въ какомъ степенн сравненія имя прилагательное и нарѣчіе. 3) Въ какомъ залогѣ, спряженіи, наклоненіи, времени, числѣ, лицѣ и родѣ глаголъ. 4) Какія другія измѣненія могутъ быть въ снзъ частяхъ рѣчи по степенямъ, родамъ, сле-

3. Изясняють систематически пронаведеніє словъ по окончаніямъ ¹⁾; а за тѣмъ сложеніє простыхъ словъ съ предлогами и другими частями рѣчи и пронахожденіє разныхъ сложныхъ и отъ нихъ производныхъ словъ ²⁾.

4. Подробнѣе показываетъ то же въ разборѣ сложной рѣчи, гдѣ такковыя изясненія болѣе могутъ имѣть пріятнаго разнообразія и внушить болѣе вниманія къ изслѣдованіямъ. Для сего разсматриваетъ съ учениками въ выраженіяхъ, или періодахъ, съ начала на доскѣ написанныхъ, потомъ въ книгѣ указываемыхъ, произведеніє и сложеніє словъ ³⁾. При семъ, взявъ корень слова, приводитъ его иногда по всѣмъ возможнымъ, иногда по главнѣйшимъ токмо измѣненіямъ. Для лучшаго усмотрѣнія сего родословія, надписавъ оный корень на доскѣ, пишетъ на ней слова производимыя отъ него, простыя или сложныя, въ порядкѣ ихъ.

5. Изясняютъ составъ мыслей и опредѣленіє понятій, употребляемыхъ въ подлежащее и сказуемое.

6. Послѣ сего изясняютъ правила Синтаксиса, которыя какъ бы изъ собственного свѣденія учениковъ производятся будутъ, и болѣе ощутительны для нихъ явятся ⁴⁾.

7. Потомъ предлагаетъ объ опредѣленіи и связи мыслей ⁵⁾; о порядкѣ словъ въ выраженіяхъ и о звукѣ оныхъ, присоединяя в самое возглашеніє тому соотвѣтственное ⁶⁾; занимается сличеніемъ другихъ

ненія и спряженія. 5) При разборѣ причастій и дѣпричастій, какія могутъ быть въ другихъ временахъ причастія и дѣпричастія тѣхъ же глаголовъ. 6) Какими падежами управляютъ слова въ рѣчи, взятой для разбора“ (стр. 11. Ср. стр. 62 — 64, 49—50).

¹⁾ Напр.: „Зовъ, звать, зову. Боръ, брать, беру. Вой, вить, вью, выть, вою, вонть, воюю. Болванъ, великанъ, грубиянъ. Подлецъ, подляина. Иноземецъ, иноземка. Зритель, ваятель, дѣтель. Зрительный, ваятельный, дѣтельный“ и т. д. (стр. 11—18 и 50—57).

²⁾ Напр.: „Дѣй, идѣвка, подѣть. Боръ, поборъ, переборъ, убрать. Войду, дойду, зѣйду, найду. пойду. Походить въ комнатѣ, походить по своему псу. Походить на зѣбря, на правду. Повосить платье нѣсколько времени. Новосить друга за его отказъ“ и т. п. (стр. 18—26 и 57—64).

³⁾ Напр.: „Предъ, передъ. Есть предлогъ, в немъ существительное. Производныя слова: передній, прежде, прежній. Сложныя слова: опередить, упредить, упредить, предвѣстникъ, предложеніє, предсѣдатель“ и т. д. Анализировали „употребленіє тѣхъ же словъ въ другихъ выраженіяхъ“, напр.: „Заслуги отличаютъ гражданина. Отличай ложь отъ правды, а добро отъ зла“.

⁴⁾ Стр. 27—33.

⁵⁾ Стр. 33—37.

⁶⁾ Стр. 37—43.

языковъ съ вытѣшнымъ Славено-Россійскимъ ¹⁾); наконецъ руководствуютъ въ ясному понятію чужихъ и сообщенію своихъ мыслей; при чемъ рассказанное отъ него, учениками повторенное и написанное исправляетъ относительно правописанія, этимологін, синтаксиса, выбора словъ и оборота выраженій.

8. По всѣмъ онимъ опытамъ во первыхъ самъ предлагаетъ и изъясняетъ свои примѣры, потомъ заставляеть учениковъ повторить сіи изъясненія, и на каждое правило свои краткіе примѣры сказывать. Во всякомъ же разборѣ и во всѣхъ своихъ запросахъ—всѣхъ учениковъ занимаетъ и всѣмъ въ отвѣтахъ даетъ участвовать попеременно. Замѣчая погрѣшности въ ихъ словахъ и мысляхъ, исправляетъ оныя, и причины мѣнѣнія своего изъясняетъ.

9. Примѣры избираеть по благо разумію своему изъ извѣстныхъ Россійскихъ писателей, присовокупляя и Славенскаго языка примѣры, взятые изъ книгъ Священнаго писанія, или другихъ церковныхъ, въ такомъ числѣ, какого множество учениковъ востребуеть, и съ такимъ содержаніемъ, чтобъ могли при томъ поселать въ учащихса свѣденія о красотѣ и силѣ Россійскаго слова, внушать имъ любовь къ истинѣ и отечеству, и понятіями обогащать ихъ, которыя въ слогѣ употребительны будутъ. Важнѣйшіе изъ предлагаемыхъ, они записываютъ для памяти в наизусть выучиваютъ“.

¹⁾ Стр. 43 — 52. Этотъ отдѣлъ книги Тимковскаго представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что характеризуетъ тогдашнее пониманіе исторіи языка: „языкъ есть одно изъ племенныхъ отличій всякаго народа. Въ свойствахъ и чертахъ того и другаго дѣйствующія причины такъ совокупны, что Исторія народа содержитъ въ себѣ и Исторію языка его“. Вытѣшніе факты въ образованіи Славено-Россійскаго языка указаны слѣдующіе: „Въ глубочайшей древности языка Славенскаго обрѣтается нѣкоторое сходство его съ ученымъ, народу невѣдомымъ языкомъ въ Индіи Самскремъ или Самскримъ, которымъ одни Брамныи говорятъ и пишутъ. Большее сходство явствуетъ съ Кельтскимъ, а потому и съ языками ближайшихъ народовъ Кельтскаго поколѣнія. Судя же по произведенію Славявъ, какъ и однородныхъ имъ Венетовъ или Вендовъ, отъ Сарматовъ или Савро-мадовъ, корнемъ языка ихъ Индскій принимается. Когда Славяне при Дунаѣ и на сѣверѣ сложились въ отдѣльные и сильные народы; въ то время и языкъ ихъ большую получила полноту и силу. Разстаніе Славявъ въселеніемъ въ дальнія страны языкъ ихъ на многія отрасли и нарѣчія раздѣлило“. „Сосѣдство, связи и совокупленіе“ различныхъ народовъ вызвали появленіе многихъ новыхъ словъ. „Господствующія области наче другихъ дали силу своему нарѣчію: таковыя суть Новгородская, Кіевская и Московская. Спліеніемъ ихъ нарѣчій между собою составился очищенный племеннымъ нашъ языкъ, который общимъ употребленіемъ при возрастѣ и перелѣтахъ гражданскаго состоянія образовался въ своихъ видахъ“. Далѣе отмѣчается разница между славянскимъ и русскимъ языкомъ.

Мы остановимся прежде всего на томъ отдѣлѣ книги Тимковскаго, который посвященъ грамматическому разбору такъ называемыхъ членовъ предложенія.

Этотъ грамматическій разборъ былъ въ сущности логическимъ, при чемъ никакихъ терминовъ, кромѣ подлежащаго и сказуемаго, не употреблялось. Очевидно, учитель стремился исключительно къ объясненію логическаго соотношенія словъ. Въ сочиненіи Тимковскаго наибъ-чешъ ходъ урока, по которому мы можемъ судить о грамматическихъ классныхъ занятіяхъ того времени. Для примѣра авторъ беретъ отрывокъ изъ Ломоносовской оды:

„Уже прекрасное свѣтло
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло!
Мой духъ, съ веселіемъ внемли“...

„1. *Свѣтло* есть подлежащее, о которомъ говорится въ выраженіи. *Простерло блескъ* есть сказуемое, что о подлежащемъ, о Свѣтлѣ говорится. Остальнымъ опредѣляется подлежащее и сказуемое. Дѣйствіе подлежащаго. *Простерло*; кто? что? *Свѣтло*. Нельзяли полнѣе сдѣлать понятія о Свѣтлѣ? какое *Свѣтло*? прекрасное.

2. *Свѣтло простерло*; довольноли для смысла? что простерло? *Блескъ*, чей? *свой*. *Простерло блескъ*, довольноли для понятія о дѣйствіи? Когда *простерло*? *Уже*, послѣ ночи, при ожиданіяхъ, прежде сего времени.

Уже простерло блескъ, довольноли для понятія о дѣйствіи? гдѣ *простерло*? *по земли*.

3. Только ли что *простерло блескъ*? и *открыло*. Кто? что? *Свѣтло*.

Довольноли для понятія о дѣйствіи? что *открыло*? *дѣла*. Довольноли для понятія о *дѣлахъ*? чьи *дѣла*? *Божія*.

4. *Духъ*, подлежащее; *внемли*, да внемлетъ, сказуемое. Остальнымъ опредѣляется подлежащее и сказуемое.

Дѣйствіе подлежащаго: *внемли*.

Кто да *внемлетъ*? ты, *духъ*! чей *духъ*? мой.

Довольноли для понятія о дѣйствіи? какъ *внемли*, съ чѣмъ? съ *веселіемъ*“ и т. д.

Ясно, что съ такимъ разборомъ связывались чисто логическія цѣли, при чемъ, если при известномъ словѣ можно было съ одинаковымъ

логическимъ правомъ поставить нѣсколько вопросовъ, то они всѣ и допускались.

Затѣмъ учитель долженъ былъ обращать вниманіе учениковъ на удареніе. При этомъ отмѣчалось: 1) различіе въ значеніи словъ въ зависимости отъ ударенія, напр. *мѹка*, *мукѹ*; *своѹйство*, *своѣйство*; 2) различіе падежей въ тѣхъ же словахъ въ связи съ удареніемъ, напр. *водѹ*, *водѹ*; *отѹла*, *отѹлі*; 3) различіе въ частяхъ рѣчи и значеніи при одинаковомъ удареніи, напр. *винѹ* (причина) и *винѹ* (род. пад. отъ сущ. *вино*); 4) различіе падежей при одинаковомъ удареніи въ тѣхъ же словахъ, напр. *болѹзнь* — род. един. и именит. множ. ч.

Къ этому присоединялся систематическій разборъ по частямъ рѣчи, съ сообщеніемъ лексическаго и фразеологическаго матеріала ¹⁾. Въ связи съ этимъ предлагалось склонять, спрягать, указывать, съ какими падежами употребляется тотъ или другой предлогъ, и т. п.

Для обогащенія словарнаго матеріала Тимковскій предлагалъ заниматься *синонимикой*, напр., указывалось различіе въ словахъ: *вялый*, *слабый*, *хилый*, *хворый*, *дряхлый*; *тихий*, *медленный*, *мѣлкотный*, *косный* и т. д.

Наряду съ этимъ рекомендовалось выяснять ученикамъ значеніе повторенія словъ въ рѣчи, напр.:

„Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду власть казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить“.

Останавливалось вниманіе учениковъ также на *порядкъ словъ въ тѣхъ*, напр.: Темная ночь наступила. Ночь темная наступила. Наступила темная ночь. Наступила ночь темная. Ночь наступила темная. Темная наступила ночь.

Указывалось значеніе *звуковаго состава* нѣкоторыхъ словъ, напримеръ: кукуеть, кричитъ, жужжитъ, топотъ и т. п.

Сообщался наконецъ элементарный *сравнительный* матеріалъ напр.: *даю*, греч. *δωω*, лат. *do*; *мать*, греч. *μητηρ*, лат. *mater*, нѣм. *mutter*, кельт. *ma*.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе единственной у насъ методики философической грамматики. Въ ней, между прочимъ, дѣльнымъ являлось указаніе на необходимость отправляться въ классныхъ заня-

¹⁾ Напр.: *книга*, *книжка*, *книжница*, *книжечка*, *книженка*, *книжечочка*. Или: *сходить съ лица*, *съ горы*, *по лѣстницѣ*. *Присталъ къ сосѣду*, *къ работѣ*; *пристали отъ долгой ходьбы*; *не пристало трутню предъ ичелою гордиться*; *не пристала уборы*.

тіяхъ отъ фактовъ языка, а не изучать догматически сухія правила и опредѣленія. Названіе „опытній“ такимъ образомъ вполне оправдывается. Немалую цѣнность представляла книга Тимковскаго и въ томъ отношеніи, что давала огромное количество примѣровъ, взятыхъ какъ изъ книгъ священнаго писанія, такъ и изъ сочиненій русскихъ писателей. Здѣсь встрѣчаются отрывки изъ Богдановича, Фонвизина, Державина, Дмитріева, Капниста, Карамзина, Кострова, Княжнина, Ломоносова, Палицына, Петрова, Сумарокова, Хемницера, Хераскова, Щербатова. Нашло здѣсь мѣсто и „Слово о Полку Игоревѣ“.

Книга *Орнатовскаго* повторяла общезвѣстныя разсужденія философской грамматики. Въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ Орнатовскій заходилъ такъ далеко, что при разсужденіи о родѣ именъ существительныхъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ давалъ, на примѣръ, такія объясненія, ссылаясь на „лучшихъ любослововъ“: мужской родъ люди приписали „такимъ вещамъ, кои имѣютъ нѣкоторое свойство крѣпости, дѣятельности, общительности и вообще дѣйствія“, женскій же получили такія, которыя „служатъ къ вмѣщенію чего-нибудь, или къ произведенію и вообще по природѣ своей болѣе страдательны, нежели дѣятельны; болѣе тихи, красивы, пріятны, нежели крѣпки“ ¹⁾.

Какъ попытка изложить русскую грамматику на основахъ всеобщей, книга Орнатовскаго тоже не представляетъ интереса, потому что намѣренія автора остались неосуществленными, и въ его сочиненіи читатель найдетъ обычную школьную грамматику, рѣшительно ничѣмъ съ всеобщей несвязанную. Вотъ почему мы на ней останавливаться не будемъ.

Обзоръ содержанія тѣхъ философскихъ грамматикъ, которые были у насъ въ употребленіи и служили или учебниками или руководствами для учителей, показываетъ, что характеръ грамматическихъ классныхъ занятій въ началѣ XIX вѣка рѣзко измѣнился. Если раньше грамматика главнымъ образомъ научала „правильно говорить, читать и писать“ и въ связи съ этимъ сообщала извѣстный кодексъ правилъ и собраніе примѣровъ литературныхъ формъ и литератур-

¹⁾ *И. Орнатовскій*. „Новѣйшее начертаніе правилъ Россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанных“, стр. 60.

лаго строя рѣчи, то теперь обнаружилось стремленіе уяснить *ломку* рѣчи. Для этого грамматическія категоріи ставились въ связь съ категоріями логическими, и показывалась зависимость первыхъ отъ послѣднихъ.

Логическое направленіе особенно, конечно, сказалось на синтаксисѣ: къ прежнему синтаксическому разбору, имѣвшему въ виду исключительно согласованіе и управленіе, присоединился разборъ логическій ¹⁾. Однако на первыхъ порахъ *отожествленія* логики и грамматики еще не было, хотя путь для такого отождествленія былъ уже открытъ.

VIII.

Когда въ 1809 году главному правленію училищъ былъ представленъ въ рукописи учебникъ Якоба по всеобщей грамматикѣ, то въ немъ были найдены большія педагогическія достоинства: *основательность, порядокъ, ясность, краткость и сообразность съ планомъ ученія и со временемъ, определеннымъ для этого предмета въ гимназіяхъ* ²⁾.

Прошло девять лѣтъ, и отношеніе къ всеобщей грамматикѣ рѣзко измѣнилось. 26-го іюня 1818 года ученый комитетъ заявилъ, что „признаеть всеобщую грамматику, сочиненную Г. Якобомъ и изданную для преподаванія въ гимназіяхъ, не инымъ чемъ, какъ *обезображеннымъ умозрѣніемъ давно извѣстныхъ грамматикъ и вообще сочиненіемъ праздноумственнымъ и безплоднымъ, и не находитъ полезности не только въ сей книгѣ, но и ни въ какой другой, подъ симъ названіемъ досель извѣстной, не находитъ потому, что ни одна изъ*

¹⁾ Аделунгъ въ своемъ хорошо извѣстномъ и у насъ сочиненіи „Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, zur erläuterung der deutschen sprachlehre für schulen“. Leipz. 1782, совершенно определенно писалъ: „Es ist zwar bisher nicht gewöhnlich gewesen in den sprachlehren von den sätzen zu handeln; allein es ist leicht zu zeigen, dass diese lehre in denselben schlechterdings nothwendig ist, ja, was den bau derselben betrifft, hier ihr eigentliches feld findet, weil die vernunftlehre nicht eher von der wahrheit und anwendung der sätze handeln kann, als bis die sprachlehre durch den richtigen bau derselben vorgearbeitet und den weg gebahnet hat“. Эта логико-грамматическая точка зрѣнія встрѣчается уже въ упомянутой выше рукописной грамматикѣ Барсона, который ученіе о предложеніи, подлежащемъ и сказуемомъ изложилъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Аделунга, какъ это доказалъ Сухомлиновъ.

²⁾ Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Главн. Правл. Учил., папка № 8, журналъ 10-го февраля 1809 года.

никъ не представляеть коренныхъ началъ слововѣденія, способствующихъ къ открытію законовъ вещественнаго и умственнаго образованія всѣхъ языковъ. Посему комитетъ полагаетъ преподаваніе всеобщей грамматики отнынь во всѣхъ гимназіяхъ прекратить, а употребляемыя доселѣ для сей науки часы посвятить другимъ упражненіямъ, въ особенности по части словесности; о чемъ и представляеть на уваженіе главнаго училищъ правленія“.

Главное правленіе училищъ согласилось съ доводами ученаго комитета и опредѣлило: „Утвердить мнѣніе ученаго комитета во всей силѣ и привести въ исполненіе, давъ знать всѣмъ гг. попечителямъ“¹⁾.

Это рѣшеніе послѣ недавно сдѣланной высокой оцѣнки грамматики Якоба кажется намъ нѣсколько неожиданнымъ. Неожиданнымъ оно явилось, по всей вѣроятности, и для самихъ членовъ главнаго правленія училищъ. Однако было бы ошибочно видѣть въ резолюціи ученаго комитета и главнаго правленія училищъ одну игру случая. Архивные документы убѣждаютъ, что уничтоженіе всеобщей грамматики было вызвано не только педагогическими соображеніями, но и тѣми реакціонными теченіями, которыя въ это время замѣтно стали обнаруживаться въ различныхъ областяхъ русской жизни. 1818 годъ, отличавшійся, судя по отзывамъ современниковъ²⁾, особенно яркими либеральными настроеніями общества, совпалъ и съ усиленіемъ протеста противъ „свободомыслія“. Эти два явленія оказались тѣсно связанными другъ съ другомъ: если рѣчь Александра I на первомъ Варшавскомъ сеймѣ окрылила однихъ, то другіе невольно опасливо насторожились, а многіе и испугались. Самъ императоръ къ этому времени уже началъ думать, что зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ свободолобивыхъ мечтаніяхъ, и охотно склонялся на сторону тѣхъ, въ комъ раньше долженъ былъ видѣть своихъ противниковъ. Реакція, конечно, началась много раньше: она родилась въ тотъ моментъ, когда новый государь только что вступалъ на путь реформъ, рѣзко порывая съ ближайшимъ прошлымъ. Несмотря на то, что эта реак-

¹⁾ Тамъ же, журналъ Главн. Правл. Учил. 26-го іюня 1818 г., № 5, в. XXI.

²⁾ Любопытно, что Пушкинъ, самъ впервые въ этомъ году отдавшійся „порывамъ либеральности“ („Noël“, „Къ Чаадаеву“), отиѣтилъ его спустя много лѣтъ въ своихъ „Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ“: „Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежать къ 1818 году“, пишетъ герой романа своему другу: „Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балахъ, не снимая шпагъ: намъ непріятно было танцовать и некогда заниматься дѣлами“. (Второе письмо Владимира Z^о къ другу въ Петербургъ).

ція находила очень высокнхъ покровителей ¹⁾, враги государственнхъ либеральныхъ начинаній, не встрѣчая сочувствія со стороны государя, должны были временно отказаться отъ активной борьбы. „Священный союз“ развязывалъ имъ руки.

Уничтоженіе философской грамматики, какъ это ни странно на первый взглядъ, въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ намѣтившагося новаго политическаго курса. Уже въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго (1810—1816) обнаружилась замѣтная колебанія. Вотъ какъ характеризуетъ эту пору покойный академикъ Сухомлиновъ: „Въ обществѣ уже начали обнаруживаться слѣды реакціи; сочувствіе къ университетамъ протестантской Германіи поколебалось; стали являться защитники католической системы воспитанія, возвѣщавшія приближеніе временъ Рунича и Магницкаго. Іезуиты завладѣли общественнымъ воспитаніемъ, вербуя питомцевъ преимущественно въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ, и только учрежденіе Царскосельскаго лицея спасло отъ іезуитскихъ рукъ многихъ юношей и въ числѣ ихъ будущее свѣтило нашей литературы, Пушкина. Министру просвѣщенія доказывали, что любовь къ наукамъ и забота о нихъ есть опасная ошибка; въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя съ такими свѣтлыми надеждами учреждаемы были во всѣхъ краяхъ Россіи, видѣли скопище полузнаекъ, самоувѣренныхъ и заносчивыхъ, легкомысленныхъ поклонниковъ моды, всегда готовыхъ разрушить то, чего они не жалуютъ, то-есть, все“ ²⁾.

Въ характеристикѣ Сухомлинова не совсѣмъ, можетъ быть, справедливо рѣзкое осужденіе іезуитскихъ школъ ³⁾, но общая оцѣнка настроенія сдѣлана совершенно правильно. Новыя теченія особенно

¹⁾ Припомнимъ, наприхѣтъ, кружокъ великой княгини Екатерины Павловны. въ атмосферѣ котораго создались записка Карамзина о древней и новой Россіи.

²⁾ М. И. Сухомлиновъ. „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I“, т. I, стр. 26.

³⁾ Въ одномъ изъ вѣтербургскихъ іезуитскихъ паясіоновъ (пастера Чижка) учился между прочимъ, другъ Пушкина, кн. П. А. Вяземскій, сохранившій теплое воспоминаніе о своихъ учителяхъ. Іезуиты, по характеристикѣ Вяземскаго, были „просвѣщенные, внимательные и образованные наставники“. Преподаваніе у нихъ стояло высоко, атмосфера школьной жизни была семейная, личность учениковъ не подавлялась, „допускалась нѣкоторая свобода мнѣній и рѣчи“. Любопытно также свидѣтельство Вяземскаго объ отсутствіи какой бы то ни было вѣронсовѣдной пропаганды. Только постылачили, за исключеніемъ пречестъ великаго поста, въ католическіе постные дни, но, какъ остроумно замѣчаетъ Вяземскій, „эта желудочная пропаганда, казется, не могла имѣть большого вліянія на умы и религіозныя чувства наши“ („Полное собраніе сочиненій“ кн. П. А. Вяземскаго, т. I, стр. XXIII—XXIV).

почувствовались съ уходомъ (10-го августа 1816 г.) графа Разумовскаго и съ назначеніемъ исправляющимъ должность министра народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицына, соединявшаго вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ рукахъ обязанности оберъ-прокурора и главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій. 24-го октября 1817 г. было создано новое министерство „Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“¹⁾. Если манифестомъ при учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія предлагалось ему „способствовать къ распространенію наукъ“, то теперь науки были взяты подъ подозрѣніе. Началась ликвидація тѣхъ широкихъ просвѣдительныхъ плановъ, которые имѣли мѣсто въ первую половину царствованія Александра.

Таковъ былъ общій фонъ, когда разыгрывалась исторія съ философской грамматикой. Архивные документы, къ анализу которыхъ мы теперь перейдемъ, на этомъ фонѣ оживаютъ и становятся понятными. То, что на первый взглядъ кажется своего рода *deus ex machina*, при ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживаетъ полное отсутствіе случайностей.

23-го марта 1804 года главное правленіе училищъ слушало отношеніе Фуса съ приложеніемъ программы „для приглашенія въ конкурсъ имѣющихъ достаточныя свѣдѣнія въ наукахъ и языкахъ съ тѣмъ, чтобы они приняли участіе въ составленіи или переводѣ первоначальныхъ книгъ для гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ“. Программа Фуса была препровождена въ Академію Наукъ для напечатанія во всеобщее свѣдѣніе.

Съ этого времени въ главное правленіе стали поступать различныя „опыты“ учебныхъ руководствъ. Между прочимъ, былъ представленъ и переводъ всеобщей грамматики Фатера, сдѣланный Лубкинымъ. Эта грамматика предназначалась для преподаванія въ гимназіяхъ, но не была напечатана, несмотря на постановленіе главнаго правленія²⁾.

¹⁾ Въ манифестѣ по этому поводу говорилось: „Желая, дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія, съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія подъ названіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“.—Подробности объ этомъ періодѣ см. въ книгѣ С. В. Ромосеиускаго „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія“. С.-Пб. 1902, стр. 105—112.

²⁾ Не лишне будетъ выяснитъ здѣсь одно недоумѣніе, которое связано съ этимъ переводомъ. С. К. Буличъ въ своей „Исторіи языкованія въ Россіи“ по поводу этой книги говоритъ слѣдующее: „По свидѣтельству А. Н. Чудинова, ... А. С. Лубкинымъ былъ предпринятъ переводъ всеобщей грамматики Фатера. Къ сожалѣнію, г. Чу-

Почему это случилось, сказать трудно, но весьма возможно, что решающую роль въ данномъ случаѣ сыгралъ назначенный въ 1807 году Харьковскимъ профессоромъ по кафедрѣ политической экономіи, Якобъ ¹⁾.

Якобъ былъ личностью незаурядной. Убѣжденный кантіанецъ, онъ уже на родинѣ обращалъ на себя вниманіе и своей трудоспособностью, и кипучей энергіей, и широкимъ философскимъ образованіемъ ²⁾. Якобъ сначала занималъ кафедру философіи, а затѣмъ госу-

диновъ не указываетъ источника, изъ котораго онъ почерпнулъ приводимое имъ извѣстіе, а также и точнаго заглавія нѣмецкаго оригинальнаго сочиненія... Переводъ тотъ, очевидно, остался ненапечатаннымъ, такъ какъ поиски за нимъ въ нашихъ бібліотекахъ и современныхъ бібліографическихъ пособіяхъ остались тщетными. Извѣстіе, сообщаемое г. Чудиновымъ, впрочемъ, не внушаетъ особаго довѣрія, въ виду утвержденія его (тамъ же), что другой переводъ книги Фатера былъ сдѣланъ въ Москвѣ еще въ 1798 г., т. е. за три года до появленія въ свѣтъ самаго ранняго изъ трудовъ Фатера, посвященныхъ всеобщей грамматикѣ... Нѣтъ ли тутъ какой-нибудь ошибки?" (стр. 537).

А. Н. Чудиновъ дѣйствительно не сдѣлалъ ссылки на источникъ въ своемъ сочиненіи „О преподаваніи отечественнаго языка“ (Вып. I. Воронежъ. 1872. Стр. 232), но по всей вѣроятности заимствовалъ эти свѣдѣнія изъ книги Воронова „Историко-статистическое обзоріе учебныхъ заведеній С.-Пб. учебнаго округа“. По крайней мѣрѣ, только у Воронова и нашелъ указаніе на то, что въ 1807 году была издана всеобщая грамматика Фатера въ переводѣ Лубкина, при чемъ Вороновъ ссылается на журналъ главнаго правленія училищъ 24-го января 1808 года и прибавляетъ, что эта книга была переведена уже въ 1798 году (Вороновъ, т. I, стр. 191). Въ архивѣ Мин. Нар. Просв. я нашелъ постановленіе главнаго правленія училищъ отъ 24-го января 1807 года (а не 1808), которое редактировано такъ: „Докладываю, что назначенная для преподаванія въ гимназіяхъ всеобщая грамматика г-на Фатера переведена съ нѣмецкаго языка гит. сов. Лубкинымъ.—Правленіе опредѣлило трудившагося въ переводѣ сей книги удовлетворить выдачею денегъ, за $7\frac{1}{2}$ листа по 15 руб. за каждый, ста сорокати руб. Посланку же членъ правленія г. дѣйств. ст. сов. и кавалеръ Николай Ивановичъ Фусъ объявилъ, что грамматику сію во многихъ мѣстахъ нужно перекладать и приносить къ русскому языку: то правитель дѣлъ принялъ сіе на себя. По исправленіи же напечатать сей книги первыми тисненіемъ 2200 экземпляровъ на коммунарной и 200 на Лубской бумагѣ, о чемъ въ свое время сообщить въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ“ (Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Правл. уч., папка № 7). Откуда вѣдалъ Вороновъ извѣстіе, что эта книга переведена въ 1798 году, непонятно.

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія о Якобѣ находятся въ „Neuer Nekrolog der Deutschen V Jahrgang, 1827, II, Theil, Pflenu, 1829, p. 715—723, № 246“. Свѣдѣнія, помѣщенные здѣсь, использовалъ проф. Е. Боброевъ въ своемъ сочиненіи „Философія въ Россіи“. Казань. 1901. Вып. IV, стр. 127 сл. См. также Бессалый. „Опытъ исторіи Харьковскаго Университета“, раздѣл.

²⁾ Шляхтеръ удостоилъ его въ „Косеніяхъ“ цѣлымъ рядомъ эпиграммъ, напр.:

дарственныхъ наукъ въ Галльскомъ университетѣ ¹⁾). Послѣ закрытія Наполеономъ Галльского университета, Якобъ занялъ кафедру дипломатическѣи и политической экономіи въ Харьковѣ, а затѣмъ перешелъ въ Петербургъ и сдѣлался сотрудникомъ Сперанскаго. Послѣдніе годы жизни онъ снова провелъ въ Галле. У насъ онъ вскорѣ послѣ усиленія реакціи былъ признанъ опаснымъ, и общественная роль его, такимъ образомъ, была закончена ²⁾). Между прочимъ онъ былъ противникомъ вѣрнопостного права, о которомъ написалъ даже сочиненіе ³⁾).

Въ декабрѣ 1807 года Якобъ прислалъ въ главное правленіе училищъ отношеніе, въ которомъ, по словамъ журнала главнаго правленія, „изъясняя, что онъ слишкомъ 20 лѣтъ преподавалъ въ Галльскомъ университетѣ всѣ части философіи и политическихъ наукъ, и по симъ предметамъ сочинилъ учебныя книги, которыя введены въ употребленіе почти во всѣхъ университетахъ въ Германіи, вызывается сочинить учебныя книги для преподаванія философическихъ наукъ въ гимназіяхъ, и составивъ краткое начертаніе сего сочиненія, подвергаетъ оное сужденію правленія“ ⁴⁾).

Въ отношеніи Якоба не все, можетъ быть, отвѣчало истинѣ, но

Sachen so gestohlen worden.

Immanuel Kant spricht:

Zwanzig Begriffe wurden mir neulich diebisch entwendet;
Leicht sind sie kenntlich, es steht sauber mein I. K. darauf.

Antwort auf obigen Avis.

Wenn nicht Alles mich trügt, so hab'ich besagte Begriffe
In Herrn Jacob's zu Hall Schriften vor kurzem gesehn.

Jacob, der Kantianer.

Kantische Worte sollte der hohle Schadel nicht fassen;
Sieht man in hohler Nuss doch den Kalender versteckt.

На журналъ Якоба „Annalen der Philosophie“ Шиллеръ тоже отозвался злой эпиграммой:

A. d. Ph.

Woche für Woche zieht der Bettelkarren durch Deutschland,
Den auf schmutzigem Bock Jakob, der Kutscher, regiert.

¹⁾ Чрезвычайно сочувственный отзывъ о политико-экономическихъ сочиненіяхъ Якоба находится въ „Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland“, München, 1874, v. *Wil. Roscher*. См. объ этомъ упомянутую выше книгу Боброва.

²⁾ *Е. Θεοκτιστος*. Магницкій. „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи“, т. II, стр. 483—484 и 492.

³⁾ *В. Н. Семейскій*. „Крестинскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, стр. 313—325 и 335—339.

⁴⁾ Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Правл. Учид. Писка № 7, журн. 27-го февраля 1808 г.

горделивое и увѣренное заявленіе о томъ, что его книги „введены въ употребленіе почти во всѣхъ университетахъ въ Германіи“, по дѣйствовало на членовъ правленія, которое постановило объявить Якобу, что „ежели онъ по представленному отъ него начертанію сочинить оныя книги, то правленіе за сей особый трудъ не преминетъ сдѣлать ему приличную награду“ ¹⁾.

Съ этого момента начинается въ жизни главнаго правленія 10-лѣтняя эпопея, связанная какъ съ преподаваніемъ философскихъ предметовъ въ гимназіяхъ, такъ и съ самимъ профессоромъ Якобомъ. Уже въ августѣ 1808 года гр. С. О. Потоцкій препроводилъ въ правленіе первую часть философической учебной книги, сочиненной Якобомъ и содержащей начертанія логики. Къ рукописи была приложена записка Якоба, которая заключала въ себѣ нѣсколько педагогическихъ соображеній. „По общему плану гимназій“, говорилося здѣсь, „преподаваніе въ нихъ философическихъ наукъ со временемъ будетъ имѣть большую обширность для вспомошествованія университетскимъ преподаваніямъ, но въ семъ планѣ не достаетъ повидимому еще нѣкоторыхъ изъ приготовительныхъ наукъ; нужнѣйшими изъ оныхъ для высшихъ классовъ гимназій полагаетъ онъ *всеобщую энциклопедію или обзоръніе ясныхъ понятій и связи всѣхъ наукъ*, равно какъ и *краткую оныхъ исторію съ общими и важнѣйшими познаніемъ книгъ и исторію словесности*. Такимъ образомъ если бы естественное и государственное право и народное хозяйство, которыя для молодыхъ людей могутъ и послѣ составить еще одно изъ важнѣйшихъ занятій, въ училищахъ были отмѣнены и вмѣсто ихъ введены вышеупомянутые предметы, то планъ воспитанія чрезъ сію перемѣну весьма бы много поправился“ ²⁾.

Правленіе дало восторженный отзывъ о книгѣ Якоба, но проектъ его отвергло. Академикъ Фусъ, разсматривавшій рукопись, „нашелъ сочиненіе сіе соотвѣтствующимъ намѣреніямъ правленія, и, по его мнѣнію, *нѣтъ ни на одномъ языкѣ книги, которая бы столько приспособлена была къ плану ученія, начертанному для нашихъ Гимназій, а потому и рекомендуетъ перевести немедленно сію учебную книгу на Россійскій языкъ*“ ³⁾ — такъ записано въ журналѣ правленія.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Правл. Учл. Пашка № 7.

³⁾ Тамъ же. — Что касается предложенныхъ Якобомъ перемѣнъ въ программахъ, то правленіе „почитало нужнымъ сохранить постановленный планъ ученія въ вѣна-

Вторая часть, заключавшая всеобщую грамматику, была встрѣчена не менѣе сочувственно, и правленіе даже признало полезнымъ монополизировать учебника Якоба ¹⁾. Это особенно обнаружилось при одѣжкѣ правленіемъ третьей части, заключавшей психологію. Хотя оно и постановило нѣкоторыя мѣста выпустить (напримѣръ, „о плотскомъ соединеніи діавола съ мужчинами и женщинами“), а другія исправить (напримѣръ, „о днѣхъ дѣтей новорожденныхъ и дѣтей, имѣющихъ отъ роду шесть мѣсяцовъ или годъ“), однако въ общемъ дало лестный отзывъ и отмѣтило въ составленіи Якобомъ всего круга философскихъ книгъ ту выгоду, „что мы будемъ имѣть полное собраніе учебныхъ книгъ для всѣхъ философскихъ наукъ, которыя входятъ въ планъ ученія въ гимназіяхъ и которыя столь тѣсно сопряжены между собою, что не безъ вреда можно преподавать оныя по сочиненіямъ различныхъ авторовъ“ ²⁾.

Однако, переводъ и печатаніе шли очень медленно, и скоро между

рушиной цѣлости впродъ до усмотрѣнія, и положило, чтобы сочинитель, при составленіи слѣдующихъ частей философической учебной книги, имѣлъ его въ виду“.

¹⁾ Якобъ представилъ не только учебникъ, но и примѣчанія для учителей. Обѣ рукописи, по итѣнію рецензента главнаго правленія, „заслуживаютъ быть отъ Правленія приняты столь же благосклонно, какъ в началѣ Логикѣ того жъ сочинителя“. Всеобщую грамматику рецензентъ находилъ „основательною и порядочно расположенною, ясною и соответствующею нуждамъ нашихъ гимназій и плану ученія, начертанному для сихъ заведеній“. „Книжка“, докладывалъ онъ, „заключающая въ себѣ начала философіи, которыя г. Якобъ принялъ на себя сочинить, имѣютъ много преимуществъ, по которымъ должно ихъ принять для гимназій. Существенное достоинство каждой изъ оныхъ составляютъ: основательность, порядокъ, ясность, краткость и сообразность съ планомъ ученія и со временемъ, опредѣленнымъ для каждой философской науки въ гимназіяхъ; другое преимущество состоитъ въ систематической связи всѣхъ частей между собою. Такое приобретение для всѣхъ частей философіи учебныхъ книгъ, сочиненныхъ однимъ и тѣмъ же ученымъ и по одинаковому плану, можетъ почесться весьма значущимъ и полезнымъ. Не маловажна и та выгода, что сими способомъ большая часть нашихъ учебныхъ книгъ, выходя изъ рукъ ученыхъ нашихъ соотечественниковъ, не будутъ уже иноземными плодами, привезенными въ Россію“. Что касается примѣчаній ко всеобщей грамматикѣ, то правленіе рассуждало, что „по ея краткости, сообразной съ планомъ ученія, примѣчанія на оную для учителей необходимо нужны. Сіи примѣчанія сверхъ прочихъ имѣютъ и то достоинство, что простираются на всѣ языки, преподаваемые въ гимназіяхъ, даже и на Россійскій, котораго естественныя и отличительныя свойства сочинитель повидимому съ великимъ прилежаніемъ старался узнать въ продолженіи двухъ лѣтъ пребыванія его въ Россіи“ (Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Правл. Учл. Пакетъ № 8, журн. 10-го февраля 1809 г.). Примѣчанія, впрочемъ, напечатаны не были.

²⁾ Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Пр. Учл., пакетъ № 8, журн. 2-го декабря 1809 года.

правленіемъ и Якобомъ произошла размолвка. Въ журналъ 17-го августа 1811 года находимъ слѣдующую любопытную записку: „Читано донесеніе Г. Профессора Якоба, въ коемъ представляетъ, что, по его замѣчанію, Правленіе на переводъ и напечатаніе сочиненныхъ имъ учебныхъ книгъ столь малое обращаетъ вниманію, что ему даже не удавалось на частныя его представленія и просьбы удостоиться отвѣта, какія взяты мѣры для предположеннаго перевода и напечатанія оныхъ. Въ продолженіе трехъ лѣтъ все почти время употребилъ на сіе сочиненіе, оставивъ всѣ прочія занятія, приносящія ему выгоды. Онъ ласкался надеждою приобрести одобреніе и доказать усердіе къ новому его отечеству. Почему должно быть весьма обидно, что имѣя таковое рвеніе, принужденъ замѣтить, что рукописи его уже два года лежатъ, и не принимается съ ними ничего соотвѣтственнаго съ ихъ цѣлю. Г. Министръ увѣрялъ его словесно, что онъ дѣла сего не задерживаетъ, и ожидаетъ только представленія, дабы ускорить теченіе онаго; а потому онъ никакъ не можетъ отгадать, какія причины удерживаютъ Правленіе отъ исполненія принятаго онымъ намѣренія, и остается ему вторично просить не держать долѣе безъ дѣйствія представленныхъ отъ него рукописей, и приказать ниспѣшнѣе переводомъ и напечатаніемъ оныхъ... При чемъ приложивъ экземпляръ 4-го изданія своей психологіи, по давно полученный имъ изъ Германіи, изъясняетъ, что тамъ учебныя его книги въ большемъ употребленіи, и онъ можетъ быть справедливо ласкается, что сочиненныя имъ для Россійскихъ Гимназій будутъ также соотвѣтствовать своей цѣли. Если Правленію угодно будетъ сравнить сію книгу съ рукописною Психологіею, сочиненною имъ для Гимназій, то оно увѣрится, что послѣдняя обработана совсемъ по другому плану, сообразно своей цѣли; такимъ же образомъ и всѣ книги, сочиненныя имъ для Гимназій въ семъ отношеніи и сходно съ ихъ употребленіемъ, писаны иначе, нежели нѣмецкія его учебныя книги, въ чемъ каждый, употребивъ трудъ для сличенія оныхъ, ясно увѣрится“.

Правленіе сочло долгомъ оправдаться. Оно указало, что „выправка перевода всеобщей Грамматикъ, также самый переводъ Психологіи и Нравственной Философіи отложены были до прибытія изъ чужихъ краевъ Студентовъ, которыхъ Правленіе имѣло въ виду для сего трудъ“. Медленность печатанія объяснялась невозможностью для академической типографіи справиться со всѣми казенными работами ¹⁾.

¹⁾ Арх. Мин. Нар. Пресы. Дѣлъ Гл. Пр. Учн. Павла № 8, журн. 17-го августа 1811 года.

Якобъ, удовлетворився данными объясненіями и въ 1812 году представилъ всѣ остальные части своего философскаго курса: 1) Das Compendium der Aesthetik, 2) der Rhetorik, 3) der Natur und Völkerrechts, 4) der politischen Oeconomie. Такимъ образомъ, Якобъ сочинилъ полную серію книгъ согласно съ Высочайше утвержденнымъ начертаніемъ учебныхъ заведеній. Всѣ эти книги въ общемъ занимали около 200 печатныхъ листовъ. Несмотря однако на невозможный въ педагогическомъ отношеніи объемъ, Правленіе признало ихъ „равномѣрно достойными къ принятію и введенію въ употребленіе въ Гимназіяхъ, какъ по ясности, точности и методу оныхъ, такъ и неослабному вниманію, съ каковымъ сочинитель соображалъ всѣ сіи разные курсы, какъ между ними самими, такъ и съ планомъ ученія для Гимназій установленнаго, и со временемъ, каковое можно въ оныхъ посвятить на разныя части философіи“. Въмѣстѣ съ тѣмъ рецензентъ Правленія отмѣчалъ, что „не знаетъ никою въ Россіи, кто бы лучше Якоба могъ совершить сей сколь полезный, столь и тязотный трудъ“¹⁾.

По отпечатаніи всѣхъ книгъ Якоба правленіе сверхъ выданнаго ему большого денежнаго вознагражденія представило министру народнаго просвѣщенія объ исходатайствованіи у государя награды сочинителю въ видѣ ордена св. Владиміра. Министръ же сдѣлалъ распоряженіе „о предписаніи всемъ Гимназіямъ, дабы отнынѣ учителя оныхъ руководствовались сими сочиненіями, и чтобы въ каждой Гимназіи начато сіе было съ начатіемъ преподаванія новаго курса, такъ чтобы начатыя курсы по сочиненіямъ, кои прежде руководствовались, были по тѣмъ же авторамъ и окончаны“²⁾.

Между тѣмъ еще въ 1811 году съ дозволенія министра были исключены изъ числа учебныхъ предметовъ петербургской губернской гимназій политическая экономія, коммерческія науки, финансы, эстетика и философическая грамматика, „какъ принадлежащія, по своему содержанію, болѣе Университетамъ, нежели Гимназіямъ“, а вмѣсто нихъ было обращено особенное вниманіе на преподаваніе Закона Божія, географіи, исторіи, математики, русской и иностранной словесности, а также латинскаго и греческаго языковъ³⁾.

¹⁾ Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Правл. Уч. Папка № 8, журн. 27-го іюня 1812 года.

²⁾ Арх. Мин. Нар. Просв. Дѣла Гл. Правл. Уч. Папка № 9, журналы 4-го марта 1814 г. и 15-го декабря 1815 г.

³⁾ Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 297, дѣло № 20049. Эта реформа была частичнымъ примѣненіемъ проекта новаго учебнаго плана, предложеннаго С. С. Ува-

Опытъ оказался удачнымъ, и въ 1817 году главное правленіе по представленію петербургскаго попечителя о распространеніи этого преобразованія на всѣ губерскія гимназіи, предлагало университетамъ рассмотреть, „какія они по Гимназіямъ найдутъ перемѣны необходимы“. Всѣ округа въ принципѣ присоединились къ плану ученія, выработанному петербургской гимназіей ¹⁾.

Въ томъ же 1817 году былъ образованъ при главномъ правленіи особый комитетъ для разбора элементарныхъ и другихъ учебныхъ книгъ. Комитетъ этотъ въ мартѣ 1818 года получилъ названіе ученаго комитета. Назначеніе его заключалось главнымъ образомъ въ томъ, „чтобы народное воспитаніе, основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго, посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ направить къ истинной высокой цѣли, къ содержанію въ составѣ общества постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣденіемъ и властію; или, другимъ выраженіемъ, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ“ ²⁾. Между прочимъ комитетъ долженъ былъ, по инструкціи, особенное вниманіе обратить на сочиненія по философскимъ и естественнымъ наукамъ.

Одинъ фактъ достаточно краснорѣчиво характеризуетъ дѣятельность этого новаго учрежденія: въ ученомъ комитетѣ было сдѣлано предложеніе изъять изъ обращенія тотъ журналъ, который издавался при министерствѣ въ первые годы его существованія подъ заглавіемъ: „Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“. Журналъ представлялся опаснымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ распространитель вредныхъ идей, и рекомендовалось замѣнить его собраніемъ законовъ и правилъ на подобіе „Almanach de l'Université de France“ ³⁾. Хотя это предложеніе и не было принято, однако самая возможность внесенія подобнаго проекта свидѣтельствуетъ о полномъ измѣненіи взглядовъ министерства на задачи народнаго образованія. Съ прошлымъ рѣшительно порывали.

ровымъ, въ то время попечителемъ петербургскаго округа. Объ этомъ см. *Вороновъ* „Историко-стат. описаніе учебн. заведеній С.-Пб. учебнаго окр.“, т. I, стр. 214. *Пшмидъ*. „Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи“ С.-Пб. 1878, стр. 86 сл. *Миллюковъ*. „Очерки по исторіи русск. культуры“, выв. 2, стр. 214—215.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Изъ инструкціи комитету, составленной А. С. Стурдзою и утвержденной 5-го августа 1818 г.

³⁾ *С. В. Рождественскій*. „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія“. С.-Пб. 1902, стр. 114.

Уничтоженіе философской грамматики было однимъ изъ первыхъ дѣлъ ученаго комитета. Уже 23-го апрѣля 1818 года камеръ-юнкеръ А. С. Стурдза ¹⁾, назначенный его членомъ, представилъ свое „мнѣніе“, въ которомъ подвергъ грамматику Якоба подробнѣйшему разбору.

„Каждая вѣтвь человѣческихъ познаній“, писалъ онъ, „а тѣмъ болѣе начертаніе *Науки новой и отвлеченной* требуетъ прежде всего *опредѣленія*, посредствомъ коего можно было приобрѣсть существенное понятіе о ея предметѣ. Упущеніе предварительнаго сего правила, замѣчаемое во *Всеобщей Грамматикѣ*, г. профессора Якоба, было бы еще малозначущимъ недостаткомъ, еслибъ вмѣстѣ съ симъ, сочинитель не уклонился въ *начертаніи* своемъ отъ главнѣйшихъ началъ, долженствующихъ служить основаніемъ сей наукѣ.

„Исслѣдователи отвлеченныхъ наукъ согласуются уже въ томъ, что подъ именемъ *Всеобщей Грамматики* разумѣть должно *образованіе слова вообще*, т. е. сложность вещественныхъ и умственныхъ началъ, могущихъ объяснить образованіе всѣхъ языковъ. Всеобщія же начала суть законы видимой природы, начертанные Перстомъ Миротворца.

„Сочинитель разсмотрѣнной нами книги, упраздняя законы *Слова*, созидаетъ языки рукою *Произвола*, отъ коего,—по утверженію его,—зависитъ все достоинство *словеснаго языка*.

„Такимъ образомъ говоритъ онъ въ своемъ введеніи (§ 4), что членообразные звуки, *смотря по тому*, какъ они употребляются для

¹⁾ А. С. Стурдза (1791—1854) былъ приглашенъ въ ученый комитетъ княземъ А. Н. Голицынымъ, одѣнныиъ въ молодомъ чиновникѣ не только способности и званія, но и опредѣленную окраску политико-религиозныхъ убѣжденій, которыя отвѣчали требованіямъ времени. Стурдза какъ въ области литературныхъ, такъ и въ области общественныхъ вопросовъ склонялся всегда на сторону консервативныхъ элементовъ Александровской эпохи. Въ 1818 году онъ написалъ книгу „Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne“, въ которой высказался противъ нѣмецкихъ университетовъ. По словамъ А. И. Тургенева, Стурдза въ данномъ случаѣ говорилъ „о предметѣ, ему неизвѣстномъ“ („Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ“, т. I, стр. 160). См. блестящую характеристику этой книги, данную А. И. Тургеневымъ, тамъ же, стр. 169—170. Для пониманія новыхъ тенденцій въ министерствѣ народнаго просвѣщенія второй половиной царствованія Александра эта книга можетъ служить хорошимъ матеріаломъ. О Стурдзѣ см. *Диктандисъ*. „Краткое свидѣніе о жизни и трудахъ А. С. Стурдзы“. Одесса 1854; Н. А. Чистосеичъ. „Руководящія дѣятеля духовнаго просвѣщенія въ Россіи“. С.-Пб. 1894. Содержаніе книги Стурдзы о Германіи обстоятельно изложено у *Оухомлинова* въ „Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи“, т. II, стр. 22—23, или въ „Исслѣдованіяхъ и статьяхъ“, т. I, стр. 181—183.

произвольнаго означенія понятій, называются *словами*. Что (§ 5) говорить значитъ *произносить слова, какъ членобразные звуки*. Далѣе (§ 7) говорить онъ: „впрочемъ словесный языкъ заслуживаетъ преимущественно предъ остальными, ибо знаки для разумнаго употребленія тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше подлежатъ произвольному употребленію людей, чѣмъ болѣе обстоятельствъ, въ которыхъ могутъ быть употреблены и производимы по произволу“.

„Притомъ сочинитель полагаетъ (§ 8), что поелику выборъ словъ зависитъ отъ произвола, то легко заключить можно, что всѣ не могутъ употреблять однихъ и тѣхъ же словъ для означенія одинаковыхъ мыслей. Впрочемъ (продолжаетъ онъ), тѣ, кои хотятъ употреблять языкъ для взаимнаго сообщенія своихъ мыслей, должны согласиться въ употребленіи одинаковыхъ словъ.“

„Слѣдуетъ потомъ статья о возможности словеснаго языка вообще, гдѣ (§ 10) авторъ начинаетъ тѣмъ, что органическое строеніе тѣла человѣческаго, между прочимъ доставляетъ человѣку способность произвольно разномыслить некоторыми органами, отъ чего (говоритъ онъ) выходитъ то, что мы называемъ голосомъ. Наконецъ, предъ заключеніемъ сей статьи сочинитель утверждаетъ, что произволъ весьма мало перемѣняетъ въ разсужденіи изобрѣтенія словъ; но что онъ гораздо болѣе дѣйствуетъ въ разсужденіи соединенія словъ и что еще большая свобода примѣчается въ разсужденіи словъ и предложеній.“

„Доказывать возможность словеснаго языка—признавать произволъ причиною, побудившею избрать оный предпочтительно предъ всѣми прочими—признавать, слѣдовательно, существованіе словеснаго языка слѣдствіемъ произвола людей, ограждать бытіе каждаго языка условіемъ изобрѣтателей и почитать такимъ образомъ словесный міръ недержимымъ никакою силою естественныхъ законовъ, значитъ разторгнуть союзъ между сими міромъ и природою и тѣмъ уничтожить таинство небеснаго дара отличающаго насъ отъ животныхъ.“

„Но каковы бы впрочемъ ни были умствованія сочинителя, начертаніе оныхъ не выполняетъ еще того, что необходимо существу грамматикъ *Всеобщей*. И книга его есть не иное что, какъ обезображенное умоврѣніе давно извѣстныхъ грамматикъ, въ коемъ недостають приѣмы, необходимыя въ поясненіи тѣхъ многосложныхъ формъ и формулъ, которыхъ отвлеченность содѣлываетъ сочиненіе сіе праздноумственнымъ и бесплоднымъ.“

„Почитая наилучшимъ обличить здѣсь невразумительность и дикость перевода сей книги, во всѣхъ отношеніяхъ безуспѣшной, мы ограничи-

ваемся изложеніемъ вышенприведенныхъ *примѣровъ*; и обязаемы будучи подавать мнѣніе наше о *полезности* учебныхъ книгъ, для юношества издаваемыхъ, скажемъ не обинуясь, что мы не находимъ *полезности* не только во *всеобщей Грамматикѣ* г. Якоба, но и ни въ какой другой, подъ сими заглавіемъ доселѣ известной, не находимъ *потому*, что ни одна изъ нихъ не представляетъ намъ тѣхъ *коренныхъ началъ словоупотребленія*, которыхъ сложность могла бы открыть не грамматическія правила, нами поставленныя, не произвольное употребленіе и сопряженіе словъ, но непреложныя и отъ насъ независящіе законы вещественнаго и умственного образованія всѣхъ языковъ.

„Сіе безпристрастное сужденіе побуждаетъ насъ ознаменовать сію 2-ую часть курса философіи г. Якоба, какъ книгу не только *безполезнѣйшею*, но даже вредною потому, что она ввергаетъ умъ въ хаосъ и что употребленіе оной служило бы законнымъ поводомъ къ похищенію златаго времени у юношества, которое можетъ съ успѣхомъ посвятить оное другимъ наукамъ.

„Въ ожиданіи *счастливейшихъ* временъ *воцаренія науки слова*, мы убѣждены между тѣмъ, что всѣ языки суть постепенныя отбѣны языка первобытнаго, убѣждены въ его совершенствѣ, которое зависѣло отъ согласія простыхъ и свѣтлыхъ понятій первороднаго ума, смутными нашими познаніями неомраченнаго, убѣждены и не усумняемся въ томъ, что языки стали изкажаться по мѣрѣ превращенія правды и размноженія толковъ и толкователей; увѣрены и въ томъ, что для повѣданія *коренныхъ началъ языковъ* нужно не умственное созерцаніе и доводы, но наблюденіе существа языковъ *для разложенія словъ и помятій*, могущаго нѣкогда указать намъ *природную ихъ связь и свойственныя* каждому отношенія; слѣдовательно, не видя ни малѣйшей пользы въ преподаваніи *всеобщей грамматики* на столь произвольныхъ основаніяхъ, питающихъ одно самонадѣяніе въ юношествѣ, но не просвѣщающихъ онаго, заключаемъ, что надлежало бы, впредь до появленія истинной *всеобщей грамматики*, отстранить совершенно отъ системы ученія въ гимназіяхъ разсмотрѣнную нами книгу. Въ предложенной комитету инструкціи между прочимъ сказано: „Исслѣдованія о свойствахъ языковъ надлежитъ устремлять къ подтвержденію истинъ, открытыхъ *тѣмъ или простымъ умозрѣніемъ*“. Но *тезу* г. Якоба *о произвольномъ составленіи языковъ* невозможно согласить съ сими истиннами ниже съ простымъ, всеобщимъ здравымъ разсудкомъ“ ¹⁾.

¹⁾ Арх. Мин. Нар. Просв. Карт., № 296, дѣло № 20022. Вездѣ курсъ *политическаго*.

Въ соотвѣтствіи съ этою запиской 24-го апрѣля 1818 года ученый комитетъ опредѣлялъ: „Представить Главному Училищъ Правленію, что Комитетъ, по разсмотрѣніи прописанныхъ въ семъ мнѣніи причинъ, папедъ смѣя справедливыми и основательными, полагаетъ преподаваніе всеобщей грамматики отнынѣ во всѣхъ гимназіяхъ прекратить и употребляемая доселѣ для сей науки часы посвятить другимъ упражненіямъ, въ особенности по части Словесности“.

Главное правленіе училищъ постановило „утвердить мнѣніе Ученаго Комитета во всей силѣ и привести въ исполненіе, давъ знать всѣмъ Господамъ Попечителямъ“ ¹⁾.

26-го іюня 1818 года ученый комитетъ, рассматривая планъ ученія новооткрываемой Саратовской гимназіи, нашелъ „полезнымъ и необходимо нужнымъ ограничить число предметовъ... во всѣхъ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ нашихъ преподаваніемъ въ надлежащемъ пространствѣ и совершенствѣ языковъ, Закона Божія, всеобщей и Россійской Исторіи и Географіи, Ариметики, Геометріи и другихъ наукъ, нужныхъ и полезныхъ во всякомъ званіи и извѣстныхъ подъ именемъ *Litterae humaniores*, а Статистику, Политическую Экономію, Философію, высшую Математику, Эстетику, всеобщую Грамматику и умозрительное правовѣденіе предоставить единственно университетамъ“ ²⁾.

Это опредѣленіе по случайному частному вопросу вызвало попытку составить новое расписаніе.

¹⁾ Слѣдующая выписка изъ журнала главнаго правленія училищъ 26-го іюня 1818 г. не оставитъ сомнѣній въ зависимости рѣшенія правленія отъ мнѣнія Стурдзы: „Отамыя XXI. Слушано представленіе ученаго комитета главнаго правленія училищъ, отъ 30-го мая за № 711, о томъ, что онъ признаетъ *Всеобщую Грамматику*, сочиненную Г. Маобомъ и наданную для преподаванія въ гимназіяхъ, не имѣть чѣкъ, какъ обезображеннымъ умозрѣніемъ давно извѣстныхъ грамматикъ и вообще сочиненіемъ правдоумственнымъ и безплоднымъ и не находитъ полезности не только въ сей книгѣ, но и ни въ какой другой, подъ симъ названіемъ доселѣ извѣстной, не находитъ потому, что ни одна изъ нихъ не представляетъ коренныхъ началъ слововѣдѣнія, способствующихъ къ открытію законовъ вещественнаго и умственнаго образованія всѣхъ языковъ. Посему комитетъ полагаетъ преподаваніе всеобщей грамматики отнынѣ во всѣхъ гимназіяхъ прекратить, а употребляемые доселѣ для сей науки часы посвятить другимъ упражненіямъ, въ особенности по части Словесности, о чемъ и представляетъ на уваженіе главнаго училищъ правленія. *Опредѣлено:* утвердить мнѣніе ученаго комитета во всей силѣ и привести въ исполненіе, давъ знать всѣмъ Господамъ Попечителямъ“.

Судя по отиѣтѣ, выписки по ст. XXI были посланы 16-го іюля попечителямъ Виленскаго, Московскаго, Харьковского, Казанскаго, Петербургскаго и Дерптскаго округовъ.

²⁾ Арх. Мин. Нар. Просв. Карт., № 297, дѣло № 20049.

24-го августа 1818 года А. С. Стурдза прочелъ въ засѣданіи комитета новую записку, въ которой прежде всего высказался относительно назначенія гимназій и университетскихъ пансіоновъ. Взглядъ Стурдзы опредѣлялся слѣдующими главными положеніями: 1) курсъ ученія всѣхъ безъ изъятія гимназій и пансіоновъ долженъ быть приготовительнымъ; 2) университетскіе пансіоны, „дабы не подрывать существованія университетовъ и дабы могли они состоять во взаимно-полезномъ къ нимъ отношеніи, должны оканчивать свой курсъ ученія тамъ, гдѣ начинается университетскій, т. е. тамъ, гдѣ древо воспитанія, восходящее изъ почвы земной до нѣкоторой высоты, единообразнымъ корнемъ, вдругъ разходится, дробясь на многія вѣтви и отрасли, но мѣрѣ необъятнаго разнообразія званій и путей въ общественной жизни“¹⁾.

Эти соображенія ученый комитетъ сопровождалъ „непоколебимымъ убѣжденіемъ, что большаго числа предметовъ въ естественные предѣлы приготовительнаго воспитанія совмѣстить не должно и невозможно“.

Приведенные документы раскрываютъ всю исторію преподаванія всеобщей грамматики: если введеніе этого учебнаго предмета не было случайностью, а находилось въ связи съ культурными теченіями Александровской эпохи, то и уничтоженіе его зависѣло отъ измѣнившихся условій русской жизни въ послѣдніе годы царствованія Александра. Объ этомъ говоритъ весь тонъ записки Стурдзы, подчеркивавшего вредъ понятія „произволь“. Это же подтверждается в напоминаніемъ Стурдзы объ инструкціи ученому комитету, которая указывала, что „ислѣдованія о свойствахъ языковъ надлежитъ устремлять къ подтвержденію истинъ, открытыхъ *отрою*“. Главное правленіе училищъ не обнаружило гражданскаго мужества и не только не пыталось защитить свою прежнюю высокую оцѣнку трудовъ Якоба, но даже побоялось напомнить о ней. Оно ограничилось утвержденіемъ мнѣнія комитета „во всей силѣ“.

Такъ прекратила свое кратковременное существованіе всеобщая грамматика.

¹⁾ Тамъ же.